

Письма святителя Феофана Затворника о ложных сектантских проповедниках и их ересях

Первое письмо в С.-Петербург по поводу ереси тамошней.

С удовольствием берусь ответить тебе или лучше обсудить вместе с тобой все, о чем писал ты в своем, достойном всякого внимания, письме. Я и прежде слышал кое-что о том, о чем ты говоришь; но думалось, что это какие-либо пустяки. Теперь же из слов твоих вижу, что у вас там начинается нечто вроде пожара церковного, – спешу написать тебе, что Бог пошлет, по твоему письму.

1) Пишешь: «У нас появился какой-то проповедник веры, надо полагать из дворян и, кажется, в немалом чине, который ездит по домам, не богатым только, но и бедным, читает Евангелие, толкует и учит веровать во Христа и каяться. От меня недалеко живет бедный переплетчик. К нему приезжает тот проповедник. Собирается народ, и я был там раза два-три. Слышно, что и в других местах бывают такие собрания, и народу не мало бывает».

Остановимся с тобой на этих словах. Явился проповедник веры, проповедник не от лица Церкви, как очевидно. Уж это одно должно было породить среди вас недоумения: как так учит не поставленный быть учителем? Это у нас небывалая новость. От недоумения же такого следовало вам тотчас перейти к таким суждениям: что-нибудь тут не так; он не от дома Божия, а отинуды; потому вам следует держать себя настороже. А так ли вы поступили?! Никому и в голову не пришло поостеречься, а все слушали и слушаете, не давая себе труда обсудить, право ли то, что слышите, и к добру ли приведет, если последовать тому? Вот первая ваша ошибка!

Говоришь, что он учит веровать во Христа и все из Евангелия берет. Но это-то и должно было побудить вас держать ухо остро. Разве вы татары или басурманы какие?! Вы же ведь веруете во Христа Господа и спасение свое содеваете во святой православной Церкви, и содеваете по образу спасения всех предшествовавших нам святых наших, Богом прославленных! Из этого вам следовало прямо заключить, что если он начал толковать о вере, и толковать нам, верующим, то эта его вера, должно быть, иная есть от той, которой мы веруем. Когда он начал вам толковать: «Веруйте во Христа», – вам следовало спросить его: «Да что ты толкуешь об этом? Разве мы некрещенные какие?» А у вас ни у кого и язык не повернулся. Говоря вам: «Веруйте во Христа», – он обличил вас в неверии; а вы слушаете, будто в самом деле неверы. Если же он иную веру проповедует, а вы все же слушаете, то вместе с ним оуждаете свою прежнюю веру, осуждаете и Церковь святую, и всех спасенных и спасающихся в ней. Вот ваша вторая вина, большая первой!

И как же это все у вас там дается?! Дается среди истинно верующих в Господа и идущих спасительным путем, свыше указанным?! Сыны Церкви спокойно и мерно содевают свое спасение. Но приходит некто, им прежде

неведомый, и начинает вопить: «Знаете ли что? Христос за нас умер. Веруйте так, кайтесь, и вы спасены». – И они, как бы необычное нечто услышав, к нему пристают, готовы будучи оставить и Церковь свою, и пастырей своих, и все, чем пред сим дорожили, чем питалась и освящалась душа их! Дивно это! А прежде-то разве не в Господе Спасителе содевали вы свое спасение? Разве не в Его имя крещены вы? Разве не Его силой получали вы столько раз разрешение грехов в таинстве покаяния? Разве не Его самого принимали в себя, причащаясь пречистого Тела и пречистой Крови Его? Разве не к Нему обращались вы в молитвах своих и не на Него единого все упование спасения возлагали? Так что же особенного, что нового, чего бы вы не содержали в уме и сердце своем, возвещает вам этот неведомый вам доселе пришлец, говоря: «Христос за вас умер; веруйте так, – и вы спасены»? Не это ли исповедуете вы каждодневно читая в символе веры: «Верую... в Господа Иисуса Христа... нас ради человек и нашего ради спасения сшедшего с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы и вочеловечшася. Распятого же за ны...» и проч. Не это ли сами себе возвещаете вы, поя в Церкви: «Единородный Сыне... распныйся Христе Боже... спаси нас, спаси нас»? Или: «Приидите поклонимся и припадем ко Христу: спаси ны, Сыне Божий»? Или: «Свете тихий святые славы: Сыне Божий, живот даяй»? Или: «Ныне отпускаеши..., яко видесте очи мои спасение Твое»?

А Литургия вся что есть, как не воспоминание, или, больше, как не воспроизведение таинственное в бескровной жертве жертвы кровной на кресте во спасение наше? Так что же нового слышите вы из уст сего пришельца, что готовы оставить все прежнее и устремиться вслед его, не зная еще наверное, куда он поведет вас, зная однако ж несомненно, что путь, которым вы шли доселе, есть настоящий путь?

Поистине это непонятно. Вы походите вот на кого: поют, положим, что либо хором, и вы сами участвуете в этом пении. Пение идет стройно, все голоса сливаются в нем в один. Но вот вдруг среди всех появляется некто, встревает в ваше пение и своим голосом выдается из всех. И вы, оставив хор, и свое пение прекращая, все внимание обращаете на этот выдающийся голос, изумляясь тому, как он выводит ноты. Хорошо ли он делает и хорошо ли вы поступаете, вам и в голову не приходит подумать, слушаете потому только, что он выдается, прежнее же пение припелось и прислушалось. А знатоки искусства в пении говорят, что выдаваться из других голосом в пении противно правилам сего искусства и что дивящиеся сему выдающемуся певцу обличают в себе отсутствие истинного вкуса. Вот этим подобны вы в деле содевания своего спасения. Содевали вы свое спасение мирно и тихо в хоре других братьев и сестер спасающихся. Но се появился крикун и начал выкрикивать один стишок из всей совокупности спасительных истин. И вы на него устремили очи свои, все прочее оставляя и от всех готовы отделиться. А о том и подумать не подумали, правильно ли он поступает, выделяясь со своим стишком, и правильно ли вы поступаете, становясь на его сторону. Ведающие надлежащим образом дело спасения справедливо укорят

вас в безвкусици духовном, – вас, а тем паче того крикуна.

Таким образом вам следовало с первых же слов оттолкнуть его от себя или отворотиться от него, а вы связались с ним, и все более и более вяжетесь.

2) Пишешь: «Он все говорит о Господе Иисусе Христе и спасении в Нем, – говорит с воодушевлением. Слушать его приятно, так и тянет к нему».

А разобрал ли ты и другие с тобой слушавшие, наш ли он или чужой? Вам подумалось, что как он говорит по-русски и русский есть, говорит о Христе Спасителе и притом с таким воодушевлением, то, конечно, он наш, в истине стоит. Истину возвещает. Вы и потянулись к нему; но всем этим вы попали в обман. Он русский, но уже нерусской веры, был православным, но отпал в инославие. Он проповедует о спасении в Господе, но не так, как возвестил о себе сам Господь и св. апостолы Его. Он говорит с воодушевлением, но это не свидетельствует об истине его слов, а только доказывает, что он вседушно увлечен своим учением и ратует за него, как за истинное, хотя оно полно лжи и обмана.

Ужели все это вам неведомо? И разве вы не знаете, чей ученик есть этот крикун? По учителю судите и об ученике. Ведь зарождение этой лжи или этой заразы духовной там у вас на глазах всех совершилось. Приехал какой-то англичанин, начал ездить по домам и к себе зазывать, и своей проповедью сбил с толку некоторых наших барынь и бар, нетвердо стоявших в истине. Из числа этих сбитых с толку есть и ваш крикун, который теперь вместо того англичанина прогнанного разъезжает всюду и кричит, чтоб и других сбивать с толку, как сам сбился. Так что есть в деле веры тот англичанин, то есть и этот ваш крикун. А англичанин тот что есть по вере? Он есть отпавший от истины Божией и стоит на четвертой степени ниспадения в ложь и тьму. Вот это как!

Не стану тебе разъяснять самую суть дела, а коротко очерчу только внешний ход такого ниспадения. Была одна Церковь на земле с единой истинной верою. Но пришло искушение, папа со своими увлекся суемудрием и отпал от единой Церкви и веры. Это первая степень ниспадения в ложь и тьму. Между папистами зародились потом протестанты и, увлекшись, подобно папе, своим суемудрием, отпали от папской веры и церкви. Это вторая степень ниспадения в ложь и тьму. От протестантов народилось английское суемудрие. Это третья степень ниспадения в ложь и тьму. Из английского суемудрия выродилось наконец и то, которым увлекся приезжавший соблазнять наших англичанин, и соблазнил вашего крикуна вместе с другими. Это четвертая степень ниспадения в ложь и тьму. И вот на этой-то степени стоит и ваш крикун, который мечется там у вас по домам и стогнам града с своей проповедью. Он есть истый ученик того англичанина, если только не прибавил еще чего и от себя к принятой им от англичанина лжи, чтоб остановиться таким образом уже на пятой степени ниспадения в ложь и тьму. – Так вот кто есть ваш крикун!

Ни у папистов, ни у протестантов, ни у англичан, ни у этих, к которым принадлежит ваш заразитель с зараженным крикуном, нет истины Божией настоящей, чистой, полной. Она пребывает только в единой истинной Церкви

православной. То правда, что сами они в обольщении думают, что обладают истиной, но истина далека от них. Паписты первые отпали от истины, но думают, что они-то и удерживают ее. Протестанты обличили несостоятельность папистов во многом, но сами не попали на истину, а еще дальше отбежали от нее, построив свою новую веру по своему суемудрию, а не по истине Божией; думать же и они, подобно папистам, думают, что напали на истину, которой чуждыми сочли папистов. Англичанам не понравилась немецкая вера, и они построили свою, тоже по своему суемудрию, а не по истине Божией, говоря: «У немцев то и то не хорошо; мы свою сочиним веру, которая нам пригожей», – и сочинили, уклонившись от истины Божией еще дальше, думая однако ж, что стоят в ней тверже других. У англичан потом, равно как и у немцев, расплодилось множество вер, которые все тоже хвастают, что напали наконец на истину, тогда как на деле еще дальше отступили от ней. Как они искали ее не там, где ее Бог положил, а в своем суемудрии, то не на истину напали, а приняли за истину разные призраки истины, и на них построили свои верования. Из числа их есть и то суемудрие, которое завез к вам англичанин и которым прельстился ваш крикун. Но когда на западе множилось такое разнообразие вер, более или менее ложных, на востоке неизменной пребывала в своем веровании православная Церковь, единая истинная, Божию истину содержащая, ту самую истину, которая возвещена Господом Спасителем и насаждена в Церкви св. Его апостолами. Мы, сыны Церкви православной, содержим сию истину и стоим в ней. Через целый ряд веков шла непреложная истина в Церкви православной и до нас дошла. Стоит в истине св. Церковь; стоим в ней и мы. Благодарение Господу, благоволившему родиться нам в недрах единой истинной православной Церкви!

Итак, вы стоите в вековечной истине, а этот крикун вчера только научился обольстительной лжи у обольщенного ложью англичанина тоже вчера. Но вот начал он среди вас мыкаться и выкрикивать свою ложь, и вы без всякого разбора бросились к нему и стали на его сторону, готовые и совсем отстать от св. Церкви и от содержимой ею истины Божией. Сообразно это с чем-нибудь?! То, что мы исповедуем и как содеваем свое спасение, было в силе у наших отцов, дедов, прадедов, пращуров, прапращуров, – и всех россиян с самого просвещения их истинной верой при святом Владимире. Этому уже скоро тысяча лет. И сколько святых воспитала святая Церковь наша, ходатаев и молитвенников о нас пред Господом, как указывают нетленные мощи их, по всей земли русской рассеяные! И вдруг этот крикун, вчера прельстившийся ложью, покушается отторгнуть вас от сего св. сонма!!! Но идите далее, – тоже исповедание и тоже содевание спасения увидите вы у греков, от коих приняли мы св. веру. Идите и у них по векам; дойдете до соборов, защищавших и утверждавших истину вселенскую. Пройдите соборы до Константина великого, и всюду будете зреть одну и ту же истину, всем сонмом верующих содержащую и по всей вселенной царствующую. Двигайтесь еще далее, пройдете века гонений, дойдете до века апостольского,

– и усмотрите и там то же исповедание и то же содеяние спасения, какое теперь и у нас содержится и действует. А то, чему учили и что учредили апостолы, принято ими от Господа, Господь же и говорил и делал, как принял от Отца своего, в тайне Пресвятой Троицы. – Вот откуда вера наша! Вот где ей источник! Вот как она, из глубин Божиих истекши, текла по течению веков и до нас дотекла! И сию-то божественную и вековечную веру вы готовы бросить и изменить на ложь, которую выкрикивает ваш вчера сам обольстившийся ею крикун! Есть в этом какой-либо смысл?!

3) Слышу, что ты со своими товарищами, гоняющимися за этим крикуном, готов возразить: «Какую же ложь он проповедует? Он истину возвещает, спасение в Господе Иисусе Христе указывает, Евангелие благовествует».

Постой, постой! Не спеша с своим возражением, а изволь решить: можно ли о Христе Иисусе проповедовать нечисто и превратно и о спасении в Нем учить так, что если последуешь сему учению, то не спасение найдешь, а пагубу? Впрочем, и решать-то тут нечего, или затрудняться чем; потому что это на деле и было, и есть. Сколько было учений, искажавших истину о Христе Иисусе, и прежде Ария, и еще более после него? Все они обличены Церковью и прокляты. Сколько расплодилось их на западе? Счету нет. Но все они отвергаются православной Церковью несмотря на то, что только и речи у них, что о Господе Спасителе. Стало быть, нельзя так заключать: поелику такой-то о Христе Иисусе проповедует, то по тому самому истину возвещает, а следует проверять, право ли возвещает он истину о Христе Иисусе. У вас же там никто, кажется, не потрудился этого сделать, а все, как только услышали из уст его сладчайшее имя Господа Спасителя, стали без разбора на его сторону, не подозревая, что сие покланяемое имя есть в устах его, прельщенного, затравы к уловлению простых в вере душ ваших. Не читали разве вы в Евангелии предостерегательных слов самого Господа: *Внемлите (блюдитесь) от лживых пророк, иже приходят к вам во одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы* (Мф. 7, 15)? Не подумайте, что Господь понимает здесь таких, которые и имени Его не знают. Нет, – не таких Он понимает, а именно таких, которые именем Его прикрываются, увлекая в ложь, ибо тут же говорит: *Мнози рекут Мне в день онь* (т.е. в день Суда): *Господи, Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом*. – Видите? Во имя Господа проповедуют; а Господь заповедует остерегаться их. А на Суде, говорит, скажу им: *Яко николиже знах вас* (Мф. 7, 22). Как никогда не знал Тот, Кому все ведомо?! Господь сим сказывает, что Он никогда не знал их такими, какими они сами себя выставляют, т.е. истинными о Нем проповедниками. Они проповедовали о Нем, но так, что Господь в их словах не видел Себя самого, что у них выходил иной некий Христос, а не тот истинный, который соделал спасение наше посреди земли. Видите, что может под именем Христовым проповедан быть совсем не Христос Господь. А вы без разбора бросились к этому крикуну ради того, что он именем Христовым прикрыл свою ложь. Думаете, что к нему не может относиться сказанное:

мнози приидут во имя мое... и мнози прельстят (Мф. 24, 5)?! Справедливо обратиться к вам укорную речь св. Павла, какую он держал к коринфянам. «Я вас обручил, – говорит, – Христу Господу, как деву чистую. Но боюсь за вас, как бы кто не повредил умов ваших, как некогда змий прельстил Еву лукавством своим. Вы так падки на новые учения, что приди кто к вам и стань проповедовать иного Иисуса, вы тотчас станете на его сторону, приняв его благосклонно» (2Кор. 11, 2–4). И вот, чего опасался апостол в коринфянах, то деется ныне у вас. Пришел крикун, начал проповедовать иного Иисуса, и вы потянулись к нему.

Скажете: «Да нет же, – какой тут иной Иисус? Ведь он все, что ни говорит, берет из Евангелия и учит словами Евангелия: *Покайтесь и веруйте во Евангелие* (Мк. 1, 15). Он все твердит: «Христос умер за нас; веруйте так, и вы спасены». – Как же тут быть лжи и прелести? Это поистине есть сладостное благовестие. И кто может без сердечной теплоты внимать ему?» – Но что и к благовестию сему может прививаться ложь и извращать его, об этом послушаем св. Павла, который писал к галатам: *Чуждуся, яко тако скоро прелагается от звавшего вы благодатью Христовою во ино благовествование* (Гал. 1, 6). Галаты искренне уверовали в Господа Спасителя и вседушно приняли радостное благовестие о спасении в Нем; святому же Павлу были так благодарны за просвещение их истиной, что готовы были очи свои извергнуть и отдать ему. Но по удалении от них св. Павла пришли какие-то суемудренники тоже с Евангелием или благовестием, но не чистым, а с примесью лжи и начали переучивать их. Галаты, не разобрав строго, а только увлекаемы именем благовестия, приняли сих благовестников и попали в сети лжи. Слово их казалось привлекательным благовестием, но в существе дела было пагубным зловестием. Так прельстительна ложь, прикрывающаяся священными и сладостными именами! Узнал об этом св. Павел и, образумив их, написал, как неотложный закон на все времена, такое постановление: *Аще мы, или Ангел с небесе блавестит вам паче, еже блавестихом вам, анафема да будет*. И чтоб лучше это мы затвердили, снова повторил: *Паки глаголю, аще кто блавестит вам паче, еже приясте, анафема да будет* (Гал. 1, 8–9). Так видите, что бывает благовестие или Евангелие *ино*, которого благовестники анафеме подлежат. Мы же с вами забыли про это, и как только явился какой-то крикун с Евангелием в руках, бросились к нему, и не вспомнив про то, что истинно веруем и содеваем свое спасение. Вы точь-в-точь галаты. И праведно к вам обратиться с апостольским укором: *О несмысленнии галаты, кто вы прельстил есть не покоритися истине* (Гал. 3, 1)?

4) Ты говоришь, что он читает из Евангелия и учит. – Св. Евангелие и писания апостольские, весь Новый завет есть самый верный источник истинного ведения христианского, ведения истинного пути ко спасению. Все спасающиеся там почерпают ведение о том, как должно содевать свое спасение. Но не всякий читающий Евангелие истинно уразумевает путь спасения. Иной читает Евангелие, но криво толкуя читаемое, извращает

Евангелие. Такому Евангелие не служит в пользу, и то, что он держит в руках Евангелие, не избавляет его от укора и осуждения в неведении истины. Тут бывает то же, что, например, с куском материи. Вот пред тобою кусок хорошей материи. Но приходит портной, знающий свое дело, выкраивает из нее и сшивает добрую одежду, а приди портной неумелый, он такую выкроит и сошьет одежду, что она ни стыда не будет прикрывать, ни от погоды защищать – только материю испортит. Так и из Евангелия иной выкраивает такое учение, которое никуда негоже, и не может вести к добру и учащего, и последующих ему. Отчего так? Оттого, что он не умеет взяться за дело. В чем существо дела спасения, это состоит из нескольких пунктов: надо веровать, надо заповеди исполнять, надо благодать стяжать и проч. Но в Евангелии пункты эти не написаны в одном каком месте, а в разных, – в одном одно сказано, в другом другое. Чтоб познать истинно весь образ спасения, надобно все эти пункты из разных мест собрать воедино, и собрать все, ни одного не пропуская. Вот на этом деле все претыкающиеся и претыкаются. Начнет иной собирать, не понимая, как это следует сделать, уткнет глаза на один или два пункта, выдернет их из общего Писания, и кричит: «Нашел, вот путь спасения!» Иной кричит: «Веруй, – и ты спасен»; иной: «Стяжи благодать, – и больше тебе ничего не нужно»; иной: «Люби, – и придешь к блаженному концу»; иной иное что. Все такие положения истинны и в Писании строго предписываются, но ни одно из них поодиночке не обнимает всего дела спасения. Надо их все совокупить, – и тогда получится полное представление настоящего образа спасения.

Вот и ваш крикун читает, говоришь ты, из Евангелия и толкует, как спастись. Но все ли он пункты оттуда выбирает, или только часть их какую? Прислушайся, и найдешь, что не *все*. У него только и есть на языке: «Покайтесь и веруйте». А все ли тут? Гораздо не все. Да и в этих самых пунктах не все им сказывается. «Покайтесь», – говорит. Спроси его: «А исповедаться должно? А разрешение получить надо?» И он тебе на это ничего не скажет, а будет отвертываться пустыми словами. Потому что скажи он, как думает, – ты от него тотчас отворишься (по его мудрованию ничего этого не нужно, хотя заповедуется в слове Божиим).

Он говорит, пишешь ты: «Докажи мне из Евангелия, что я лгу!» Никто не станет ему доказывать, что он лжет, когда говорит: «Покайтесь и веруйте». Ибо это необходимо для спасения и так заповедано Господом. Но как он твердит, что только и нужно для спасения, то лжет, потому что для спасения нужно и другое многое. Представь, что доктор дал рецепт на лекарство из многих трав и эссенций, а аптекарь вместо всех возьмет две-три вещицы и отдаст, говоря: «На, вот тебе лекарство». Он будет лгун и обманщик. Так и наш врач душ Христос Спаситель прописал нам в Евангелии полное врачество во спасение душ наших, в нескольких пунктах выражаемое; а ваш крикун вырвал из Евангелия два-три пункта и кричит: «Вот вам спасительное врачество! Принимайте и спасетесь». Он лгун посему и обманщик. Вы же, как только он выкрикнул свое воззвание, стали в тупик, и тем больше

придали ему дерзости и смелости громче и громче вскрикивать свое положение: «Веруйте в Господа Спасителя, и вы спасены».

5) Воистину так есть! – *Несть иного имене под небесем, о немже подобает нам спастися* (Деян. 4, 12). *Велия благочестия тайна Бог явися во плоти* (1 Тим. 3, 16), – *преклони небеса и снуде*, да нас на небеса возведет. Радуйтесь, благодарите и теките вслед Его, Спасителя нашего и Бога, восшедшего на небеса и естество наше посадившего одесную Бога и Отца. Но все же не забывайте, что это один только пункт в деле спасения. К нему самим же Господом Спасителем приложены другие пункты, которые тоже необходимо содержать, чтобы спасену быть. О них скажу тебе после. Теперь же поясню тебе, что и этот самый пункт: *веруй в Господа Спасителя*, – надобно так созерцать и так содержать в уме и сердце, чтобы он стоял в согласном сочетании с таинством Пресвятой Троицы. А то может случиться, что и слушая, и говоря все о спасении только в Господе Иисусе, так набьешь во внимание сию истину, что из него совсем выпадет помышление о Пресвятой Троице, и Пресвятая Троица совсем заслонится ликом Христа Спасителя. А это будет значить покривлять спасительный строй помышлений, или, скажу так, неверно в себе водружать христианское сознание и помрачатьего.

Вот что хочу я этим тебе напомнить, – что как образ спасения нашего устроен Сыном Божиим, воплотившимся не без Отца и Духа Святого, так и спасение каждого из нас совершается в Господе Иисусе Христе не без участия Отца и Духа Святого. И спасение нам устроил и спасает каждого из нас Бог, в Троице покланяемый, Отец, Сын и Дух Святой. Сие надлежит водрузить в сознании, и все спасающиеся имеют сие водруженным в своем уме и сердце.

Смотри, как совершается крещение Христа Спасителя! Крещается Сын Божий вочеловечившийся; но на Нем и в Нем почивают Бог Отец своим благоволением и Дух Святой своим общением. Это означает очевидно, что совершение спасения нашего, начавшееся с сего момента, в дело произведено Господом Иисусом Христом со всегда присутствующим Ему благоволением Отца и действием Святого Духа. Сын ничего не творил без Отца и Духа; ибо, и воплотившись, Он не оставил недр Отца.

Видишь, как спасение наше совершено Богом, в Троице покланяемым? Теперь смотри, как спасение и каждого из нас совершается тоже Богом в Троице покланяемым.

Жизнь наша и спасение наше в живом общении с Богом. Через падение мы потеряли сие общение. Явился Бог во плоти, Сын Божий едиnorodный, и в лице Своем воссоединил падшее человечество с Богом, а чрез соединение верующих с Собой и их всех воссоединяет с Богом. Сам Спаситель показал сие, говоря к св. апостолам: *Аз во Отце Моем, и вы во Мне, и Аз в вас* (Ин. 14, 20). Но что апостолам сказано здесь, то ко всем верующим относится. Се златая цепь воссоединения нашего с Богом! Сие подтвердил Господь и в другом месте: *Аз есмь путь и истина и живот: никтоже приидет ко Отцу,*

только Мною (Ин. 14, 6). – Итак ко Отцу приходят чрез Сына, а к Сыну как? А к Сыну приводятся Отцем, как Сам же Господь говорит: *Никтоже может прийти ко Мне, аще не Отец пославый Мя привлечет его* (Ин. 6, 44). Если без привлечения к Сыну дело спасения каждого и начаться не может, а привлечение сие совершается Отцем; то очевидно, что начальный содетель спасения каждого есть Бог Отец. Помни же сие и исповедуй всяк, ищущий и чающий спасенным быть в Господе Иисусе, и за Ним всегда созерцай влекущую тебя к Нему десницу Отца Твоего небесного.

Но и Отец как влечет к Сыну? – Влечет Духом Святым, Который затем и все требуемое для спасения совершает в умах и сердцах спасаемых. Христос Спаситель, пострадавши, умерши на кресте и воскресши, вознесся на небеса и воссел одесную Бога Отца; вместо же Себя послал от Отца Духа Святого, Который, пребывая в истинной Церкви, и устрояет теперь спасение каждого. Как в начале нисшедши на апостолов, Он водил их по лицу вселенной, давал им слово и слову сему возбуждательную к вере силу, затем уверовавших облакал во Христа, освящал и укреплял во всяком добре, и из сонма их устроил св. Церковь, так и доселе действует Он в сей Церкви и устрояет спасение всех. И без Духа Божия никто не спасается и спастися не может. Почему и сказал Господь: *Уне (лучше) есть, да Аз иду, аще бо не иду Аз, Утешитель не придет к вам* (Ин. 16, 7). Этим Он сказал: «Напрасно Мое воплощение, напрасна смерть, напрасно воскресение, если не придет Утешитель Дух Святой. Вы останетесь неспасенными, ибо без Духа нельзя быть вам претворенными в таких, какими должны быть спасаемые». – Таким образом несомненно веруя и уповая спасенными быть в Господе Спасителе, по благоволению Отца веруй и содержи, что совершает тебя спасенным Дух Святой, во св. Церкви чрез божественные таинства подаемый, и в сердце твоём потом непрестанно действующий в руководении и укреплении тебя в деле спасения.

Так видишь, как спасаемся? Спасаемся в Господе Иисусе Христе по благоволению Отца благодатью Св. Духа. Сие и содержи всегда в уме, и сердце, и в исповедании твоём. И знай, что кто твердит тебе только: «Веруй в Господа, веруй в Господа», – а никогда не пополняет сего изъяснением участия в сем деле Бога Отца и Духа Святого, тот видимо не содержит полной истины, возмущает христианское сознание и помрачает свет Христов.

Разумели сие святые апостолы, и смотри, как выражали свое благожелание спасения верующим! Св. апостол Петр пишет: *По прозрению Бога Отца, во святыни Духа, в послушание и кропление крове Иисуса Христовы, – благодать вам* (1 Пет. 1, 2). Св. апостол Павел молится: *Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любы Бога и Отца и общение Святаго Духа со всеми вами* (2 Кор. 13, 13). Последние слова без изменения повторяются в церкви пред началом совершения таинства Тела и Крови Господа Спасителя на Литургии. И все наши св. Отцы, рассуждая о спасении, возводили его к Богу в Троице покланяемому, Отцу и Сыну и Св. Духу, как к единому источнику. Так разумей и ты, так навькни созерцать совершаемым

дело спасения в тебе самом, и за тем сей мерой меряй как теперешнего, так и всякого другого нового учителя.

б) Укажу тебе теперь зараз все, что необходимо для спасения каждого. Кратко это можно выразить так: веруй и, приемля благодатные силы, яже к животу и благочестию, чрез св. таинства, живи по заповедям Божиим, под руководством богоучрежденных пастырей, состоя в живом союзе со св. Церковью. Чтоб тебе яснее было, как все это необходимо, сравни шествие путем спасения с обыкновенным путешествием. Чтоб путнику удобно и безопасно было идти, надобно, чтоб был свет, чтоб была проложенная дорога, чтоб сам он был здоров и крепок, чтоб в случае нужды, например при поворотах и перекрещиваниях дорог, был кто-нибудь, кто бы указал ему, по какой дороге идти. Подобное сему необходимо и в шествии путем спасения: необходим свет, – это вера; необходима проложенная дорога – это заповеди; необходимы здравие и крепость, – это благодатные силы, чрез таинства подаваемые; необходимы путеуказатели и руководители, – это пастыри Церкви. Все сие видишь ты действующим во св. Божией Церкви, с которой потому состоит в живом союзе всякий, надлежащим образом содевающий свое спасение. Все спасшиеся сим путем шли, и все спасающиеся им идут..., другого пути спасения нет.

Я не думаю, чтоб для тебя нужно было особенно пояснять и доказывать необходимость для спасения каждого из сих пунктов. Приведу однако ж нечто.

Что вера необходима в содевании спасения, об этом и говорить нечего. Неверующий и думать не думает о спасении. Посему апостол Павел пишет: *Без веры невозможно угодити Богу: веровати же подобает приходящему к Богу, яко есть и взыскающим Его мздовоздатель бывает* (Евр. 11, 6). Веровать же надобно полно, – во все, что благоволил Бог открыть нам, без прибавления и убавления, и веровать так, как содержит св. православная Церковь. Именно: что Бог един есть существом и троичен в лицах; что Он словом Своим сотворил мир и о нем промышляет; что нас создал Он для райской жизни, почтив в создании образом Своим, но мы потеряли ее, преслушав в прародителях заповедь Его; что из сего падения сами мы не могли восстать, но что Сын Божий сжалился над нами и, приняв на Себя дело нашего искупления и восстановления, пришел на землю, воплотился, пострадал, умер на кресте, воскрес, вознесся на небеса и сидит одесную Отца во свидетельство принятия Им жертвы Его и в ходатайственную силу о спасении верующих в Него; что по вознесении ниспослал Он от Отца Духа Святаго, Который, нисшедши на апостолов, преисполнил их всякой премудростью и силой, и они, воодушевлены быв Им, насадили на земле веру христианскую, и из всех верующих сложили одно тело св. Церкви, под главой Христом Господом, вверив ей все тайны веры и все таинства, благодать подающие; что раздаятелями сих благодатных сокровищ и вообще продолжателями апостольского дела созидания Церкви апостолы по повелению Самого Господа оставили преемников своих, епископов и

священников, особую на сие благодать приемлющих чрез рукоположение, непрерывно идущее от апостолов и до нас дошедшее; что спасаемые спасаются в теле Церкви, т.е. не одиночно, а обще со всеми, общей всем истинно верующим живя жизнью, таинствами Церкви освящаясь и под руководством состоя пастырей; что спасение каждого здесь на земле сокровенно, паче в духе, совершается, хотя заведомо спасаемому, во светлости же своей явится в другой жизни, – чаянием чего и воодушевляемся в перенесении произвольных и непроизвольных лишений спасения ради; что отходящие от нас вратами смерти в другую жизнь не перестают пребывать в том же едином теле Церкви и взаимного с нами общения не лишены суть, только имеют его невидимое вместо видимого.

Всему сему надобно верить. И мы исповедуем сию веру, читая не раз каждый день символ веры. Коротко всю веру можно совместить в следующем положении: Бог в Троице покланяемый, мир создавший и о нем промысляющий, спасает нас падших по благоволению Отца в Господе Иисусе Христе благодатью Святаго Духа во святой Своей Церкви, спасает спасением, здесь сокровенно в духе совершающимся, в будущей же жизни имеющим явиться во всей неизреченной светлости его. Видишь, что и все пункты, которые я перечислил, как условия спасения, входят в предметы веры. И веруй вседушно, что так есть, и иначе быть не может.

7) Но одной веры недостаточно для спасения. Надобно и жить свято по всем заповедям Господним. *Не всяк, глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Божие, но творяй волю Отца Моего,* – говорит Господь (Мф. 7, 21). Воля же Отца Небесного выражена в заповедях Его. Читай Евангелие, и ты найдешь там, конечно, требования и веры, но не слишком много. Преимущественно же оно предлагает уроки святой и богоугодной жизни. Из него скорее выходит такое заключение: исполняй искренно и неутомимо заповеди, и спасешься, руководясь конечно верой и направляя сие к угождению Господу. Внимай, что говорит Господь: *Имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя: а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим. И Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам. И еще: Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его и к нему придем и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 21–23). Также и в посланиях апостольских много пишется о вере, но о святой жизни еще больше. Святой Павел все дело спасения совместил в двух словах: *вера, любовью споспешествуема* (Гал. 5, 6). Под любовью разумеет исполнение всех заповедей и от всяких грехов и греховных страстей отчуждение (Рим. 13). Почему во всех посланиях своих он всю заботу христиан обращает на святую и богоугодную жизнь, говоря: *Елика суть истина, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродетель, и аще кая похвала, сия помышляйте: и Бог мира будет с вами* (Фил. 4, 8). И самое, говорит, домостроительство спасения нашего затем имело место, чтоб сделать нас способными жить свято. *Явися бо благодать Божия спасительная всем человеком, наказующи нас, да отвергнемся нечестия и мирских похотей,*

*целомудренно и праведно и благочестно поживем в нынешнем веце, ждущие блаженного упования и явления славы великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа (Тит. 2, 11–18). То же настоятельно твердят и все другие апостолы. Приведу слова апостола Иакова. *Кая польза, братие моя, – говорит он, – аще веру глаголет кто имети, дел же не имать? Еда вера может спасти его? Вера, аще дел не имать, мертва есть о себе. Но речет кто: ты веру имаши, аз же дела имам: покажи ми веру твою от дел твоих, и аз тебе покажу от дел моих веру мою. Ты веруеши, яко Бог един есть: добре твориши: и беси веруют и трепещут. Хоцещи ли разумети, о человеце суетне, яко вера без дел мертва есть? Авраам отец наш не от дел ли оправдася, вознес Исаака сына своего на жертвенник? Видиши ли, яко вера поспешествоваше делом его, и от дел совершися вера. Зрите убо, от дел оправдается человек, а не от веры единыя (Иак. 2, 14–24).**

Видишь, сколько необходимо для спасения каждого исполнение заповедей! Я нарочно побольше об этом написал, потому что те, которые сбили с толку вашего нового учителя, неправо о сем умствуют, все дело спасения приписывая вере, дела же почти совсем устраняя. Вероятно, и этот учитель ваш так же неправо умствует. Вот и смотри. По слову Божию, вера и исполнение заповедей на одной линии стоят, – и ни той, ни сему предпочтения не дается. И вера без дел, и дела без веры ничего не значат. Только в неразрывной связи содевают они спасение наше, и сами при сем приемлют настоящую свою цену, силу и значение.

8) Для того, чтоб и вера была, как следует, и дела совершались достоительно, необходима нам благодать Св. Духа. Без нее не только поверовать, но и подумать о добром не можем (2 Кор. 8, 5); но если б и подумали, исполнить то не имеем сил. Ибо, как говорит апостол, загадывать доброе мы еще загадываем; но как только подойдет дело, мы и прочь: *Еже хотети, – говорит, – прилежит ми, а еже содеяти доброе, не обретаю* (Рим. 7, 18). Таким образом, если б Господь показал нам только, чему веровать и как должно жить, и с этим одним оставил; то мы походили бы на того, кто освещен светом солнца, видит дорогу, по которой надо идти, и сознает, что он должен по ней идти, иначе пропадет; а сил к тому, чтоб идти, не имеет, потому что расслаблен и болен. Но в таком случае лучше бы ничего не знать и не видеть, чем узнавши и увидевши не иметь возможности воспользоваться узанным и увиденным.

Милосердый Господь и не оставил нас с этим одним, а благоволил устроить нам ниспослание Пресвятаго Духа, чтоб Он, действуя в нас, содевал с нами спасение наше. Дух Святый сошел на апостолов, а потом чрез них подаваем был всем верующим. Он чрез слово апостольское возбуждал веру в хотящих веровать, и тем, которые по вере восходили до решимости и жить свято в духе веры, подавал силу приводить сие решение в исполнение. Что делается было апостолами, то делалось потом и делается доселе их преемниками богоучрежденным порядком. И благодать Св. Духа пребывает в сонме верующих или во св. Церкви, всех просвещая, укрепляя, освящая. И

если кто спасен есть или спасается, то не иначе как благодатью. *Благодатью есте спасени чрез веру*, – говорит св. Павел (Еф. 2, 8). О пребывании же благодати Св. Духа в верующих говорит он с такой уверенностью, что и сомнения в том не допускает: *Не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас* (1 Кор. 3, 16). И сам о себе он исповедал: *Благодатью Божию есмь, еже есмь* (1 Кор. 15, 10). А св. Петр и за себя и за всех свидетельствует, что *вся нам божественныя силы Его, яже к животу и благочестию, подана* (2 Пет. 1, 3). Почему все апостолы, обращаясь с посланиями к верующим, и в начале и в конце их, как единственного блага желали им пребывания в них и преумножения благодати: *Благодать вам да умножится; благодать Божия буди с вами*.

Впрочем, о том, что благодать Св. Духа, как сила во спасение, необходима для нас и что только она одна сильна содевать в нас спасение наше, почти нет спорящих. Но о том, как получается и приемлется благодать, есть спорники. Я нарочно и навожу тебя на этот предмет из опасения, не принадлежит ли и ваш новый учитель веры к числу неправо понимающих сие дело, ибо есть такие мудрецы, которые утверждают, что только уверуй, и благодать Божия тотчас войдет и вселится в тебя. Так вот знай и твердо держи то убеждение и ту веру, что благодать Св. Духа не иначе подается и принята быть может, как чрез таинства, самим Господом учрежденные в Церкви руками св. апостолов. Чтоб тебе в том более увериться, приведу тебе несколько примеров получения благодати по указанию слова Божия.

Сам Господь и Спаситель, беседуя с Никодимом, сказал: *Подобает вам родитися свыше*, – разумея благодатное рождение к новой жизни. Какой же указал Он к этому способ? Сказал ли: «Веруй, отверзи уста, и благодать Духа, вошедши, возродит тебя?» – Нет, не сказал. Что же сказал? *Аще кто не родится водою и Духом, не может внити в Царствие Божие* (Ин. 3, 5–7). Рождение водой и Духом есть св. крещение – первое христианское таинство.

Но возрождение делает только естество наше способным приять, вместить и хранить дар Св. Духа; самое подавание сего дара совершалось особым таинством, именно: возложением рук апостольских. До очевидности сие представляет один случай, бывший в Ефесе во время апостольского там действия св. Павла. Пришедши в Ефес, апостол встретил там двенадцать человек верующих и спросил их: «Приняли ль вы Духа Святаго, уверовавши?» – Те отвечали: «Мы и не слышали, что есть Дух Святой». – «Как же вы крестились?» – спросил св. Павел. «Иоанновым крещением», – отвечали те. Тогда св. Павел объяснил им, что Иоанново крещение было только приготовлением к вере в Господа Иисуса Христа; затем, огласив их полнее евангельским учением, окрестил христианским крещением, по крещении возложил на них руки, – и они прияли Духа Святаго. Видишь – крещение особо, и возложение рук особо, и дар Духа Святаго только по возложении рук! Возложение рук апостолы заменили потом миропомазанием, которое и предали преемникам своим, как таинство, дар Св. Духа подающее верующим. Оно и действует теперь во св. Церкви.

Этих двух примеров достаточно для тебя, чтоб видеть, что благодать Св. Духа подается не мысленным путем чрез одну лишь веру, но путем видимым чрез св. таинства. Так сам Господь учредил. Перечислю только другие таинства. Отпущение грехов, в какие кто впадает по крещении, бывает не ради одного сокрушения и мысленного их исповедания Богу, но при сокрушении и решении не грешить более, по исповеди их духовному отцу чрез разрешение от него. Живейшее общение с Господом совершается чрез причащение Тела и Крови Его, в таинстве Евхаристии. Благодатная сила на продолжение апостольского дела созидания Церкви подается чрез рукоположение архиереев и священников. Два брачующихся лица сочетаются воедино таинством брака. Болезни врачуются таинством елеосвящения.

Вот все семь потоков божественной благодати, действующих во св. православной Церкви. И иного пути к получению благодати нет. Кто станет тебе иной указывать путь к сему, отворачивайся от него, как от суемудренника.

9) Три изложенные пункта: вера, жизнь по заповедям в духе веры и благодать чрез таинства, – требуют четвертого – богоучрежденного пастырства. Надо веровать; но как уверуют без проповедающего? *И како проповедят, аще не послани будут?* (Рим. 10, 15). Потребно благодать приять чрез таинства; но как же это было бы без строителей и совершителей таин Божиих? (1 Кор. 4, 1). Необходимо жить по заповедям в духе веры; но как сему быть в исправности без руководителя, которой бы указывал, остерегал, ошибки поправлял, падающих поднимал и направлял опять на путь уклоняющихся с настоящей дороги? Таким образом, для устройства спасения необходимы лица, от лица Божия действующие, которые бы вере учили, освящали благодатью чрез таинства и руководили в жизни, – необходимы пастыри богодарованные и богопоставляемые. Их и благоволил учредить Господь. Вот тебе на это апостольское удостоверение! *И Той (Господь) дал есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же пастыри и учителя, в совершение святых, в дело служения, в созидание тела Христова* (Еф. 4, 11). Да и само дело показало сие. Господь послал апостолов, чтоб *шедше* вере научали, наученных крестили, крещенных и наученных *наставляли блюсти* все заповеданное (Мф. 28, 19–20). Апостолы так и делали. Но как они не вечны, дело же их апостольское должно пребывать во вся веки, то, зная сие, они всюду по Божию повелению оставляли вместо себя преемниками пастырей и учителей, чтоб они продолжали их дело – совершение святых, служение (таинств совершение) и созидание тела Христова. Читай в Деяниях. Вот св. Павел с Варнавой просветили верой Листру, Дервию, Иконию, Антиохию Писидийскую. Пришло время воротиться им туда же, откуда вышли, – в Антиохию Сирийскую. Что же, они так и бросили уверовавших на произвол с одной верой? Нет, они опять прошли по всем городам, все учредили, как им быть и жить по церковному, и для наблюдения и должного всего исполнения поставили над ними пресвитеров, *рукоположивше их*

(Деян. 14, 22–23). То же самое сделал он и для Ефеса с прочими асийскими городами, везде там наставил чрез рукоположение пастырей и учителей. Затем, когда, проезжая мимо Ефеса морем, не имел он времени побывать там лично, – позвал всех этих пастырей в Милет, где и простился с ними, дав им окончательные наставления по пасению паств их: *Внимайте себе и стаду, в немже вас Дух Святый постави епископы пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровию своею* (Деян. 20, 28). И еще вот что было: возвращаясь из Рима по освобождении от первых уз, апостол заехал на остров Крит и распространил там веру Христову. Но как сам не имел времени всюду поставить пастырей, то нарочно для сего оставил там св. Тита, *да устроит по всем градом пресвитеры* (Тит. 1, 5). Св. Павел, конечно, и во всех других местах так действовал; а как он действовал, так действовали и все прочие апостолы; ибо действовали не по своему усмотрению, а по повелению Господа. И ни одно общество христианское не было оставляемо без пастырей рукоположенных. Так сие продолжается в Церкви Божией доселе – се закон для верующих: *Повинуйтесь наставником вашим (пастырям) и покаряйтесь: тии бо бдят о душах ваших* (Евр. 13, 17). И что сказал Господь апостолам, то и к пастырям должно быть нами относимо: *Слушай вас, Мене слушает: и отменяя вас, Мене отменяется. Отменяйся же Мене, отменяется Пославшаго Мя* (Лк. 10, 16).

10) Вот четыре пункта, которые мы должны содержать и по которым должны вести дело своего спасения, если желаем воистину спасенными быть. Но есть и еще один, именно: быть в теле Церкви живо сочетанными со всем сонмом верующих. Господь назвал Церковь Свою виноградным деревом, в коем Он лоза, или ствол дерева, а все верующие – ветви на лозе. Церковь, или вся совокупность верующих, есть потому единое нераздельное целое, живо сочетанное с Господом и в себе во всех частях. Как ветвь, отломившись от дерева, засыхает и перестает жить, так перестает жить и всякий, кто каким-либо образом отделяется от Церкви Божией, а чрез то и от Господа (Ин. 15). Св. Павел яснее это представил, назвав Церковь телом Господа. Мы все верующие тело Христово; Христос же Господь есть глава сего тела. Как в теле всякий член живет не своей, а общей всему телу жизнью, и если отделится от тела, умирает и истлевает, так и ни один верующий не живет особняком, но живет общей всего сонма верующих, или всей Церкви, жизнью, и если отделится от них или отособится, замирает духовно и погибает (1 Кор. 12; Еф. 4; Кол.). Так это велось и доселе ведется в среде истинно верующих, что законом жизни своей, – жизни ведущей ко спасению, считают быть в Церкви. Церковь, исповедуем мы, есть мать наша. И верно слово, что кому Церковь не мать, тому Бог не Отец. А если не Бог ему Отец, то кто же?! Господь, устроив чрез св. апостолов св. Церковь, все спасительное в нее вложил для хранения и распространения на земле. В ней все тайны веры и все разумение истины; в ней вся благодать и все таинства, подающие ее; в ней истинное пастырство, истинно ко спасению руководящее; на ней почивает благоволение Божие, блюдущее ее и слушающее

молитвенного гласа ее; ангелы и человеки, и вся разумная тварь, объединившись, единому служат всеблагодарному Богу. Это – быть в теле Церкви и в ней содевать свое спасение, – вот к чему обязывает всякого верующего:

1) веровать, как верует вся Церковь, от начала ее доселе, ее голосом поверять всякое свое или чужое соображение и разрешать всякое рождающееся недоумение, и ни под каким видом не позволять себе допускать что-либо, хоть на волос несогласное с учением Церкви. Ибо она есть столп и утверждение истины (1 Тим. 3, 15). Внимай, – кто сего не соблюдает, тот язычник и мытарь, по слову Господа (Мф. 18, 17);

2) ни в чем не особиться от всех в порядках церковной жизни; поститься, когда всем предлежит пост, говеть и причащаться св. Христовых Таин, как установлено в Церкви, и все другие соблюдать молитвенные и освячительные священнодействия Церкви, повинаясь слову апостола, который запрещает оставлять собрания (Евр. 10, 25);

3) держать то убеждение, что и небесные и земные состоят в непресекаемом между собой общении, живом и непосредственном. Почему наши к ним и о них молитвы и их молитвы о нас и слышатся, и действительны бывают. Мы – свои, родственны и ангелам и всем, от века Богу угодившим; ибо воцерковляясь, *приступаем к граду Бога живаго, Иерусалиму небесному, и тмам ангелов и Церкви первородных, на небесех написанных* (Евр. 12, 22–23).

Сведем теперь опять воедино все сказанное о пути спасительном и повторим: «Хощешь спастися?» – Веруй всему богооткровенному учению и, приемля благодатные силы, яже к животу и благочестию, чрез св. таинства живи неуклонно по заповедям Божиим под руководством богоучрежденных пастырей и в послушании им, но все сие в духе св. Церкви Божией, по ее законоположениям, и с ней состоя в живом союзе, – и спасешься.

К сему изображению спасенного пути с дерзновением можно приложить следующее увещание св. Иоанна Богослова: *Всяк преступаяй, и не пребываяй в (сем) учении Христове, Бога не имать: пребываяй же в (сем) учении Христове, сей и Отца и Сына имать. Аще кто приходит к вам, и сего учения не приносит, не приемлите его в дом, и радоватися ему не глаголите: глаголяй бо ему радоватися, сообщается делом его злым* (1 Ин. 9–11).

11) После всего сказанного мной пред сим ты уже и сам можешь решить, сколько правды есть в приводимых тобой словах вашего нового учителя. «Однажды, – пишешь ты, – он много толковал вам о том, что непременно надобно устами исповедать Иисуса Христа, и что как только кто исповедует Его устами, тотчас делается приявшим Его, и Он исполняет его и хранит своей благодатью. К одному он очень приставал: «Исповедуй, исповедуй»; но тот не согласился. Говорил: «Совестно как-то».

И хорошо очень сделал, что не согласился. Прав дух у него, потому что такое исповедание, ни с того ни с сего, противно воле Божией. Чуткая совесть этого доброго христианина и не позволила ему этого сделать. Это было бы фанфаронство и фиглярство. Исповедание Иисуса Христа есть великий

подвиг, и Господь обещал за него исповедать исповедавшего Его пред Отцем Небесным (Мф. 10, 32). Но в каких данных обстоятельствах исповедание так ценно в очах Господа? В таких, когда предлежит или исповедать свою веру в Господа Иисуса Христа и за то тут же подвергнуться страшным мукам и быть замучену до смерти, или отвергнуться Христа и принести жертву идолам. Исповедающий Христа в таких обстоятельствах в духе уже подымлет мученичество. Оттого исповедание его так и ценно. В Церкви Божией исповедники стоят наряду с мучениками. Мученики те, которые, исповедав Христа, были мучены и замучены до смерти; а исповедники те, которые исповедав Христа, были мучены, но по какому-либо случаю не были замучены до смерти. Вот о каком исповедании говорит Господь! Почему оно стоит у Него вместе с противоположным ему отвержением Его. *А иже, – говорит, – отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз пред Отцем Моим, Иже есть на небесех.* А у вас там есть ли такие обстоятельства, что или исповедуй Христа и страдай, или отвергнись Его, и живи счастливо?! Нет. Стало быть, нет возможности явить и такое исповедание, которое столь ценно в очах Божиих. Пофанфаронить же, пофиглярничать всегда есть возможность. Выбеги на улицу и кричи: «Верую во Христа и исповедую». Но такое исповедание будет на ветер, как и то, которого требовал учитель ваш.

Ваш новый учитель с исповеданием соединяет такое обетование: как только исповедуешь устами Христа, так сделаешься принявшим в себя Христа. Откуда это он взял?! Смотри, как Господь и св. апостолы учили о том, как кто приемлет в себя Христа. Св. Павел говорит: *Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь* (Гал. 3, 27). Облекшийся во Христа, конечно принял Его в себя. Следовательно, кто крестится, тот делается принявшим в себя Христа. Пред крещением крещаемый исповедует Христа Господа, читая Символ веры; но чрез это не вселяется в него Христос, а он делается только способным принять Его в себя чрез св. крещение; самое же вселение совершается чрез крещение. Вот как учит апостол; а ваш учитель иначе толкует. Это у него от своего ума, а не от Божия извещения и обетования.

Смотри еще. Господь говорит: *Ядый Мою плоть и пий Мойю кровь, во Мне пребывает, и Аз в нем* (Ин. 6, 56). Если Господь пребывает в причастившемся, то это потому конечно, что в св. причастии он принял Его. Следовательно, причащающийся св. Таин Тела и Крови Христовых соделывается чрез сие самое принявшим Его. Пред причащением мы исповедуем Господа, говоря: *Верую Господи и исповедую...* Но не это исповедание вселяет Христа, а самое причащение Тела и Крови. Исповедание же только отверзает вход Господу для принятия Его в таинстве Тела и Крови Его.

Таким образом видишь, что мы в силу крещения и св. причащения соделываемся принявшими Христа, а не в силу одного исповедания Его, хотя сие исповедание мы и даем прежде тех таинств. А ваш учитель изобрел иной путь к приятию Господа. Это он делает по своему смыслению суемудрому.

В другом месте у того же св. Иоанна Богослова Господь указывает иной

еще путь к приятию Его, именно исполнение заповедей Его. *Имейте заповеди Моя, – говорит Он, – и соблюдая их, той есть любяй Мя: а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим. И Аз возлюблю его, и явлюсь ему Сам. И еще: Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 21–23). Не подумай, что это исполнение заповедей пролагает путь к вселению в нас Господа особо или отдельно от крещения и св. причащения. Благодать крещения и св. причастия дает силы к верному исполнению заповедей. Исполнивший все заповеди благоукрашает душу свою всякими добродетелями и делает сердце свое храмом, достойным быть обителью Господа. Он и вселяется в него тогда. Он в нем бывает с минуты св. крещения и еще преискреннее общится с ним во св. причастии. Но помогая ему в жизни святой, все еще не всецело успокаивается в нем, потому что пока не водворятся в душе все добродетели чрез исполнение заповедей, в ней все еще остаются следы страстей, неприятный Господу запах греха. Она и не успокаивается в нем, как бы не доверяя ему, и еще только изготавляя себе покойную Себе в нем обитель. Когда же душа освятится добродетелями, тогда уже Он благонадежно входит в нее, как в дом, и обитает спокойно, нетревожимый неприятными Ему движениями греха и страстей. Таким образом вера привлекает Господа, таинства сподобляют присутствия Его и содействия; когда же верующий, вспомоществуемый Господом, очистит себя от всех страстей исполнением заповедей и внедрением в сердце добродетелей, тогда наконец Господь окончательно вселяется в него и поживает в нем. Вот весь путь к приятию Господа. Оно имеет свои степени, имеет свое начало, продолжение и конец, или завершение. В приведенном месте Господь говорит о сем завершении. Но корень всего дела сего есть принятие Господа в таинствах. Без таинств ни вера, ни добродетели не привлекут Господа. Они могут сделать только то, что Господь имеющего их приведет ради их к принятию таинств, и чрез таинства вселится, как было сие с Корнилием сотником. И исповедание Господа имеет здесь место, но как часть некая приготовительная, а не как то, что всю силу к приятию Господа в себе совмещает.

Исповедовать Господа не то одно имеет значение, чтоб устами сказать, что верую в Господа. Оно значит и вообще быть христианином. Когда нас спрашивают: «Ты какого исповедания?» – и мы ответим: «Христианского», – то этот ответ наш тоже будет значить, что я христианин, или мы христиане. Возьмем теперь это слово в строгом смысле. Что значит быть христианином? Значит и веровать право, и жить свято, и освящаться таинствами, и слушаться руководства пастырей, и к Церкви Божией православной принадлежать, и все ею повелеваемое строго исполнять, – т.е. совершать все то, что, как прежде мы показали, составляет путь ко спасению. Следовательно, исповедует Господа настоящим образом тот, кто, веруя в Господа и освящаясь таинствами и благодатные чрез них получая силы, живет свято по заповедям Божиим под руководством пастырей, – и все в духе и по законоположениям св. православной Церкви. Вот настоящий исповедник! А не тот, кто устами

только исповедует Господа. Св. Иоанн Богослов в первом своем послании, говоря об исповедании, понимает именно такое деятельное исповедание.

Ваш учитель плодом устного исповедания Господа считает еще исполнение исповедающего Господа благодатью. Если б исповедание вселяло Господа, то исполняло бы и благодатью, ибо благодать и есть присещение нас Господом и Его общение с нами. Но как пред сим объяснено, что Господь вселяется не чрез исповедание, а чрез таинства, то очевидно, что благодатью исполняет не исповедание, а по исповедании или при исповедании таинства. И выше еще я тебе объяснял, что благодать не иначе подается, как чрез таинства. И не было в Церкви Божией случая, чтоб она исполняла кого иным каким образом. Следовательно, нельзя так думать, будто одним устным исповеданием можно получать благодать. Это очень похоже на то: разинь рот, и втечет благодать. По этому применению очень верно можно назвать учителя вашего и тех, которые соглашаются с его учением и одним устным исповеданием чают получить благодать, *ротозеями*.

12) Пишешь, что ваш новый учитель «молится своими молитвами, но что при молитве ни крестного знамения не кладет на себя, ни поклонов не делает».

Вот видишь, какой он модник? Весь мир христианский кладет крестное знамение, даже и те, которые неправо исповедуют веру Христову; а он стыдится. Кто кладет крестное знамение, тот без слова исповедует Господа Иисуса Христа, за нас претерпевшего крестное распятие и смерть, и тем нас искупившего. Учитель ваш кричит: «Исповедуй Христа устами»; а вы бы приступили к нему и его понуждали: «Исповедуй Христа крестным знамением». Все одно: и там исповедание и здесь; только там – словом, а здесь – делом. Дело сильнее слова. Он говорил тому, кто отказался исповедать устами Господа: «А! стыдишься пред человеками!» Говорите и вы ему: «И ты стыдишься положить крестное знамение; но как оно есть тоже исповедание, то выходит, что сам ты стыдишься исповедать Господа пред человеками».

Св. Василий Великий свидетельствует, что полагать крестное знамение установлено апостолами и что крестное знамение, с верой полагаемое, отражает невидимых врагов, разоряет все их козни и ограждает от их нападений. Господь крестом разрушил всю силу вражью. Знают сие враги, и бежат от крестного знамения. А кто не творит крестного знамения и не ограждает себя им, к тому враги имеют свободный доступ. Христианин без крестного знамения – что воин без оружия. Враг помыкает им, как захочет.

Крестным знамением освящаются все божественные таинства; им же совершается освящение и всякой вещи потребной для жизни. Так прияла св. Церковь от апостолов, и так действуют все христиане. Отсюда естественно рождается вопрос, христианин ли тот, кто чуждается крестного знамения?

Наклонением головы мы обычно свидетельствуем и почтение и покорность. Сколько неотложно приступающему с молитвой к Богу иметь на сердце полное пред Ним благоговеинство и совершенную покорность,

столько же неизбежно свидетельствовать пред Ним, невидимым, сии чувства поклонением. Христиане все и покланяются Господу телесно во свидетельство внутреннего пред Ним страха и полной преданности в волю Его. Кто не кланяется, тот подвергает сомнению, есть ли и в нем такие чувства. Но если их нет, что же его молитва? У нас есть поговорка: «У него шея не гнется», в показание, что человек такой духа непокоривого, знать никого не хочет. Не такого ли духа и тот, кто не кладет поклоны в молитве. Всяко это худой обычай. Шапки не ломает, – скажу просторечиво, и это пред Богом.

13) Пишешь: «Мне сказывали верные люди, что и учитель наш новый, и все, которые его держатся, в церковь не ходят, святых не призывают в молитвах, – ни Божией Матери, ни ангелов, ни апостолов и пророков, ни великих святителей, мучеников и преподобных, не соблюдают постов, не говеют, не исповедуются и не причащаются св. Христовых Таин и праздников не знают».

Вот видишь, какие они молодцы? Настоящие молоканы хоть научились таким премудростям у англичанина. Наши молоканы и духоборцы считают себя духовными христианами, людьми Божиими, святыми, для которых не нужны никакие внешние порядки церковные, никакие подвиги и никакие освятительные таинства и священнодействия. И ваши ротозеи – одного с ними покроя. И я не умею понять, чего же вы там гоняетесь за этим новым учителем, или позволяете ему жужжать вам в уши своим пусторечием?! Ведь после того, что ты сказал, уж осязательно ясно, что он отпал от святой православной Церкви, и если мычется с своим учением, то затем, чтоб и вас отбить от Церкви и составить особую какую-нибудь секту, чуждую Церкви и богоотверженную. А вы все же льнете к нему, как неразумные мухи к отравленной влаге.

Писать тебе, что учитель ваш и весь его скоп находятся в большом заблуждении, не принимая вместе с Церковью прописанных тобой пунктов, не буду. Но советую тебе достать книгу *Камень веры* Стефана Яворского. Там все те пункты защищены, не принимающие их обличены. Прочитай со вниманием и усвой написанное. Тогда этим камнем будешь легко заграждать уста глаголющих ложь и сокрушать зубы погрешивших против истины, дерзко однако ж выступающих с словом своим, полным лжи и лукавства. Книга та писана против протестантов. Но протестанты то же, что молоканы, только немецкие, как и эти ваши новшаки-молоканы английского покроя.

14) Пишешь: «Между нами ходит недоумение, чего ради наши пастыри молчат. Тот учитель всюду разъезжает, хлопочет, учит, говорит с воодушевлением. А наши молчат. И в церкви редко кто из них говорит поучения, только службы исправляют. Нужно бы живое слово, а его нет».

Спрошу и я тебя: «А вы обращались к своим пастырям с вопросом, что вот-де ходит какой-то учитель, собирает нас и учит, – посмотрели бы, хорошо ли он учит?» Ни один. Вот сколько раз ты писал ко мне, за тридевять земель, – и ни разу не помянул, чтоб обращался к своему пастырю, который у тебя

под боком и которого ты видишь каждое воскресенье и праздник. Как же после этого пастыри узнают, что у вас там деется тайком? Пастырь ваш приходит в церковь, видит собранными своих прихожан и усердно молящимися, – и покоен, будучи посему уверен, что пасомые им состоят в своем должном чине. Догматы ведь вы знаете, заповеди тоже помните, Церкви Божией во всем покорны. Что еще вам говорить? Разве только иногда пояснить для вас то догмат какой, то заповедь какую или какое-либо таинство. Но это и делается, как сам ты пишешь, иногда. Да и без того все наше богослужение так составлено, что внимательному приводит на память и догматы, и правила жизни, а прилепляться к Богу научает самим своим действием. И одно побывание в церкви поновляет весь религиозный дух, как это все испытывают. Я согласен с тобой, что пастырям следует чаще вести с своими пасомыми беседы в церкви или вне церкви заводить собеседования. Но на то не могу согласиться, будто поелику этого нет и не бывает, то пасомые совсем лишены всякой духовной пищи. Да и в том, что так не бывает, я готов, если уж надо обвинять, обвинять не менее и вас пасомых, чем пастырей ваших. Изъявите желание, попросите, – и какой пастырь откажется удовлетворить такое доброе желание ваше? Сами вы чуждаетесь пастырей, и когда случается с кем из них встретиться, не заводите речей о потребностях веры. Смотри на вас, и он не заводит таких речей. А затем и в церкви не говорит поучений, боясь надокучить вам и от церкви отбить. Я не оправдываю молчащих пастырей: их долг есть разохотить себя говорить, а пасомых своих – слушать. Но напоминаю только, что тут и ваша есть вина.

Ты говоришь: «Наши молчат, а тот хлопочет». Тот хлопочет оттого, что надо набрать себе учеников и последователей; а когда наберет, и он замолчит, потому что ученики, какие прильнут к нему, будут знать все, чему он учит обычно. Да и то надо ведать, что хлопоты, беготня, кричание, – не означает здравого положения дел. Посмотри на тело. Когда оно здорово, то в нем все отправления совершаются покойно: пульс не част, дыхание ровно, голова свежа, напряжение нервов и мускулов верно. Но как только что-либо из сего выйдет из своей меры, – покой отправлений нарушается, и тело является нездоровым. То же самое в деле веры и спасения. Вы, – целым приходом своим, – составляете малое тело церковное. Все спасительные отправления идут у вас покойно; вы содержите веру, стараетесь жить по-христиански, освящаетесь таинствами, соблюдаете все порядки церковные и слушаетесь своих пастырей. Дело спасения всех и каждого у вас идет мирно, хотя в среде вас ничего не видно выдающегося. Как здоровое тело растет и живет незаметно, так и вы живете и растете духовно, хоть это и незаметно. Таким образом то, что тот мычется и хлопочет, а у вас все идет покойно, не означает, что вы в худшем, сравнительно с ним, положении; а напротив, это-то покойное течение у вас дел по части спасения означает, что вы находитесь в здоровом состоянии. Вы *течете добре*; тот же крикун находится не в нормальном положении; и то, что мычется он, подает мысль, что он из числа угорелых. Если кто при покойном течении у вас религиозных дел предается

нерадению и беспечности о спасении, то это худо. Но если всякой по мере сил своих делает усердно все, что делать обязывает его христианская совесть, хотя при сем никто нечем не выдается из других, то дело спасения вашего в порядке, и нечего вам беспокоиться из-за сего и спешить вслед кого-либо потому только, что он представляет нечто выдающееся. Припомни, что в начале говорил я о хоре поющих, – что выдающийся худо делает. Это же служит в пояснение и того, что я теперь говорю.

Теперь я сказал тебе все, к чему подавало повод письмо твое. Остается прибавить, как сам ты видишь, только: брось ты этого нового учителя, молоканина заблуждшегося, и держись, как всегда держался, св. православной Церкви и ее пастырей. То же посоветуй и всем своим. Помыкались за этим крикуном, поглазели на него, почесали слух свой его речами подслащенными, и довольно. К добру он не поведет. Для того же, чтоб тебе покрепче быть духом против прелестей его сладкоречия, достань, как я поминал тебе, *Камень Веры* и читай. А лучше соберитесь все, которые осквернили слух свой чуждыми Церкви еретическими речами, и читайте, – и отчитывайте себя от сего наваждения вражьего.

Второе письмо в С.-Петербург по поводу ереси тамошней

Прислал ты слышанные тобой и другими пункты учения вашего нового учителя. Благодарствую. Это желанная присылка! Хотя, к сожалению, я должен сказать, что они не все точно определены и не совсем полны; но все же их достаточно, чтоб хоть сколько-нибудь понять, что там у вас за учитель и что за учение у него.

Главное я уже тебе сказал в первом письме, и ты сам уже мог бы распознать по тем указаниям, в чем из слышанного тобой правда и в чем кривда. Прибавлю однако ж кое-что и еще, что сказать понуждают присланные тобой пункты.

Замечу на первом месте, что если есть пункты не совсем определенные, то вина этого, думаю, падает не на слышавших, а надо полагать, на учителя. Он сам не явно видит дело, оттого путается в словах. Я, кроме тебя, и от других слышал, что это так есть. Но будем смотреть на эти пункты, как они есть, и указывать, с какой стороны они неправы и к каким неправостям могут вести.

Пересмотревши все пункты, я пришел к такому общему заключению о вашем учителе, что он, по внушению известного англичанина, построил себе ложное и обольстительное представление о христианстве и теперь всеми силами и средствами старается набить его в головы других, полагая, что ратует за дело Божие и спасение братий. Но при всей важности, с какой он выступает на делание сие, он похож на дитя, гонящееся за мыльным пузырем. Как я уже писал тебе, подобно англичанину тому, и этот учитель ваш опутан прелестью и увлечен призраком истины, думая, что обладает ею настоящей. Он преследует призрачный, мыльно-пузырный идеал

христианства. Как мыльный пузырь привлекает детей, так и учителя вашего, а вслед за ним и других, неискусных в ведении христианском, увлекает нарисованный им призрачный образ христианства. И нечему дивиться, если иные льнут к нему, особенно из женщин, всегда склонных на всякого рода прелести.

Писал ты мне прежде, что учитель ваш говорит: «Пусть меня из Евангелия обличат, что я лгу». Я ответил тебе, что за то, что он говорит: «Покайтесь и веруйте во Евангелие», – никто не станет его обличать, потому что так написано и в Евангелии. Но его можно обличить и при этом, если он не все преподает, о чем учит Евангелие. Я тогда не знал определенно, что бы такое было у него недостающее. А вот теперь из твоих пунктов вывожу, что в его учении немало недостающего, что, однако ж, очень важно и существенно в деле веры и спасения.

Первое таковое есть то, что он ничего не говорит о благодати Святаго Духа. Пунктов у тебя десятка три, а о благодати Св. Духа хоть бы слово. Вот что у тебя писано:

«Спасение совершилось, и все уверовавшие во Христа спасены».

«Человек спасается чрез веру во Христа».

«Уверовавший во Христа и, следовательно, усвоивший себе искупление в собственность вечной гибели не подлежит».

«Каждый уверовавший во Христа тотчас же получает отпущение грехов и избавляется от вечного наказания».

«Для спасения следует принять в себя Христа».

«Мы принимаем верой в себя Христа, Который уже, не взирая ни на что, никогда не покидает нас и пребывает в нас».

«Принявшему в себя Христа и потом согрешившему нужно лишь покаяться, и он тотчас получает непосредственно прощение».

«Крещение не пользует того, кто сознательно не принял в себя Христа».

«Каждый принявший в себя Христа может уразуметь все Св. Писание».

«Церковь сама по себе, а прежде всего нужно искать Христа».

И все идет так. Во всяком почти пункте есть слово о Христе Господе, а о Духе Святом ни в одном. Я не думаю, чтоб это было твое и других слышавших опущение. Должно быть, предмет сей не имеет места в системе учения вашего учителя, а то он все бы как-нибудь да помянул о нем. Что спасение нам устроено Господом Иисусом Христом, и что мы спасаемся именно в Нем, – это истинно так есть; но при всем том ведать надлежит, что это не было и не бывает без благодати Св. Духа.

Поелику это очень важный пункт, то я счел нужным собрать о нем побольше мест Писания, чтоб ты и те, которые около тебя, убедились, что благодать Св. Духа в соделании нашего спасения есть часть существеннейшая. – Вот слушай!

Явился св. Иоанн Предтеча, чтоб приготовить народ к принятию обетованного Избавителя, покаянием и крещением, – и что говорит? «Вот идет, – говорит, – Обетованный, и Он будет крестить вас Духом Святым»

(Мф. 3, 11), – чем дает разуть, что крещение Духом Святым есть главное дело обетованного Христа Господа в устройении Им спасения нашего: так что кто не крестится сим Духом, тот не войдет в Царствие Божие (Ин. 8, 5).

Господь уже кончил Свое видимое пребывание на земле, уже прощается с учениками Своими на последней вечери; и смотри, как утешает их? «Я иду, – говорит, – но не смущайтесь, что иду. Это лучше для вас. Ибо если не иду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам» (Ин. 16, 7). «Я умолю Отца, и Он сего Утешителя даст вам, да будет с вами в век. Вы знаете Его, потому что Он в вас пребывает и в вас будет» (Ин. 14, 16–17). Так Христос Господь наместником Своим обещает послать с небес Духа Святаго. – Не означает ли сие, что все дело спасения рода нашего по вознесении Господа будет устроиться Духом Святым?

Да! Так это и было. Пришел момент вознесения Господня. Господь заповедует ученикам сидеть в Иерусалиме и ждать обетования Отца. *Вы*, – говорил, – *имате креститися Духом Святым не по мнозех сих днех* (Деян. 1, 5). Сказав сие, Он вознесся. Через десять дней Дух Святой сошел на св. Апостолов в виде огненных языков, с шумом будто от дыхания бурна, – и они все начали говорить разными языками. – Явление силы небесной привлекло внимание бывших на празднике в Иерусалиме из всех стран, и они, слыша, что галилеяне говорят на языке каждого из них (до 15), пришли в несказанное изумление. Тогда св. Петр объяснил им, что дивное сие явление давно предсказано и есть исполнение обетования об излиянии Духа Святаго на всяку плоть (Деян. 2. 17). – Главное обетование отцам было о пришествии Христа Спасителя; но венцом благ от Него было предуказано излияние Духа Святаго, которое и исполнилось в день Пятидесятницы. – Заметь, се настоящее основание Христовой Церкви, сокровищницы и несокрушимого хранилища источников благодати Св. Духа!

Но в день сей пятидесятный Духа Святаго прияли только апостолы; по обетованию же Ему надлежало излиться на всяку плоть. Он и начал с сего же дня изливаться на всех чрез св. апостолов. Когда св. Петр своей к собравшимся иудеям речью привел их в сокрушение, и они воззвали: *Что убо сотворим?* – тогда св. Петр сказал им: *Покайтесь и да крестится кийждо вас во имя Иисуса Христа, во оставление грехов, и примете дар Св. Духа* (Деян. 2, 38). Три тысячи душ покаялись, крестились и прияли Духа Святаго в тот день.

С сего времени и все в Церкви и у апостолов стало совершаться по действию Духа Святаго. Говорить ли надлежало апостолам, они говорили, исполняемы бывая Духом Святым (Деян. 4, 8; 4, 31); идти ли куда – шли по влечению Духа (Филипп, св. Павел); учреждать ли что – учреждали по внушению Духа; избирать ли надлежало кого на особое дело – избирали смотря по тому, как очевидны были в ком проявления Духа (диаконов). Действия Духа Святаго были так явны для всех и необычайны, что апостолы не колебались пред властями церковными подтверждать истину Евангелия тем, что Бог дает Духа Святаго тем, которые смиренно повинуются слову Его,

ими возвещаемому (Деян. 5, 32).

Самаряне веруют по проповеди св. Филиппа; но сущие в Иерусалиме не считают того уверования достаточным и посылают к ним свв. Петра и Иоанна дополнить недостающее. Что же именно оказалось у них недостающим? Благодать Святаго Духа. Апостолы, пришедши туда, увидели, что Дух Святой еще ни на кого из них не сходил, а они только крестились во имя Господа Иисуса. Почему, помолившись, возложили на них руки, – и они прияли Св. Духа. Таким образом самаряне стали настоящими христианами и возымели все потребное для спасения только тогда, когда прияли Св. Духа (Деян. 8, 15–17).

Ангел повелел Филиппу идти на путь, ведущий из Иерусалима в Газу. Но когда, быв на сем пути, увидел он колесницу с неким спящим на ней, – Дух Святой сказал ему: «Приступи к колеснице». Он приступил и, взяв повод от читанного сидевшим в колеснице, просветил его верой и крестил в прилучившейся воде. Когда вышли они из воды, Дух Святой сошел на новокрещенного, в завершение тайнодейственного соделания его христианином, – спасаемым (Деян. 8, 29–39). Видишь, как во всем действует Дух Святой?!

Св. Павла к вере обратил сам Господь Иисус Христос, но для завершения дела веры в нем послал его к Анании. Анания же что говорит? *Господь посла мя к тебе, да прозриши и исполниши Духа Свята* (Деян. 9, 17). Приятие Духа и совершило св. Павла как верующим, так и апостолом.

Дверь к приятию в лоно церкви верующих язычников кем отверста? – Духом Святым. Он осязательным явлением нисшествия своего на Корнилия и весь дом его удостоверил св. Петра и бывших с ним (а потом и всех христиан из иудеев), что после сего никто не может возбранить крещения верующих из язычников (Деян. 10, 44–48).

Антиохийская церковь довольно уже созрела и утвердилась трудами свв. Варнавы и Савла, действовавших Духом Святым, их исполнявшим (Деян. 11, 24). Можно уже было послать сих деятелей и в другие места. И посылаются. Но кто сие устроил? – Дух Святой, сказавший собранию верных: *Отделите ми Варнаву и Савла на дело, на неже призвах их* (Деян. 13, 2).

Переплывают они на Кипр и проходят его из конца в конец. Слово проповеди благоснеется; но в Пафе ему стал противиться Елима волхв. Кто заградил этому противоборцу уста? Дух Святой устами св. Павла, исполненного им (Деян. 13, 9).

Переплыли они в Малую Азию. В первом здесь городе, Антиохии Писидийской, слово принялось и между иудеями, и еще паче между язычниками. Но неверовавшие иудеи подняли на апостолов гонение, и они вынуждены были пойти далее. – Что же с уверовавшими? Уверовавшие же *ученицы исполняхуся радости и Духа Святаго* (Деян. 13, 52). Они оставлены под руководством благодати Духа Святаго, им дарованной. Как было здесь, так конечно, было и во всех местах, коих коснулась проповедь в сие

апостольское путешествие. Ученицы всюду исполнялись таинственно Духа Святаго, – и Им были блюдомы и руководимы до времени, пока на возвратном пути не дано было им обыкновенное пастырское руководство (Деян. 14, 23).

Когда потом, по возвращении в Антиохию, свв. Варнава и Павел с другими некими посланы были к старейшим апостолам в Иерусалим для вопроса об образе принятия язычников в лоно Церкви, то здесь вопрос сей решили преимущественно тем, что Бог явил уже Свое к ним благоволение, *дав им Духа Святаго, якоже иудеям*, без всякого обязательства к чему-либо иудейскому, – и состоявшееся решение подтвердили затем сим образом: *Тако изволися Духу Святому* (Деян. 15, 8–28).

Возвратясь в Антиохию и пробыв здесь несколько времени, св. Павел предпринимает новое апостольское путешествие, посещает прежде основанные Церкви, проходит Фригию и Галатийскую страну. Все это идет свободно. Но хочет он пойти во Асию, – и Дух Святой возбраняет ему; хочет направиться в Вифинию, – и опять не допускает его Дух. Путь указан наконец ночным видением, которое было, конечно, по действию Св. Духа (Деян. 16, 6–9).

Прошед с проповедью Македонию и Ахаию и всюду насадив Церкви, св. Павел возвратился чрез Иерусалим в Антиохию и, отдохнув немного, начал третье апостольское путешествие, направляясь в Ефес. Когда пришел он сюда, то первым его здесь делом было завершение веры 12 человек, полнейшим их оглашением, крещением и низведением на них Духа Святаго; чем показал, что никто из верующих не бывает полным христианином, пока не примет Духа Святаго (Деян. 19, 1–6). Я об этом обстоятельстве писал тебе в первом письме.

Пробыв в Ефесе около трех лет и насадив христианство во всей прибрежной стране той и к северу и к югу, св. Павел снова посетил Македонию и Ахаию. На обратном пути оттуда он миновал Ефес, но, остановясь в Милите, позвал к сею епископов Ефеса и сопредельных мест и в прощальной беседе к ним изрек следующее замечательное слово: *Внемлите себе, и всему стаду, в немже вас Дух Святой постави епископы пасти Церковь Господа Бога, юже стяжа кровию Своею* (Деян. 20, 28). Церковь есть Церковь Господа, но собирает ее, сочетавает воедино и пастырей в ней и для ней поставляет Дух Святой, поставляет и конечно руководит.

О себе при сем св. Павел сказал, – что он, связанный Духом, идет в Иерусалим. «Что будет со мной, – говорит, – не знаю, но Дух Святой по всем городам свидетельствует, что меня ждут узы» (Деян. 20, 22–23). Далее на пути в Иерусалим, в Кесарии, пророк Агав, взяв пояс св. Павла и связав им себе руки и ноги, сказал: *Тако глаголет Дух Святой: мужа, егоже есть поясе сей, тако свяжут его в Иерусалиме и предадут в руце языков* (Деян. 21, 11).

Таким образом видишь, что как в душах апостолов, проповедавших св. веру и насаждавших Церкви, так и в содевании спасения верующими, все

зависело от Духа Святаго. Его действием и апостолы успевали в насаждении веры, и верующие совершались в жизни по духу веры.

Так говорит нам книга Деяний. Обратимся теперь к Посланиям св. апостолов.

Обратив солунян к вере и основав из них св. Церковь, св. Павел вынужден был скоро оставить их и перейти в Ахаию. Беспокоясь же о них, пишет к ним из Коринфа послание, в коем вспоминая, как шло его у них благовестие Евангелия, говорит, что оно было *не в слове* только, *но и в силе и в Духе Святе* (1 Сол. 1–5), то есть в проявлении знамений и в сообщении особой силы убедительности его слову, пленявшему в послушание вере. – Затем прибавляет, что Бог и им *даровал Духа своего Святаго* (1 Сол. 4, 8), – и дает заповедь – *не угашать сего Духа* (1 Сол. 5, 18).

Галатяне приняли св. веру со всем жаром. Но ворвались к ним неправоучащие, – иудействующие, – и сбили их с прямого пути веры. Узнав об этом в бытность свою в Ефесе, св. Павел вразумляет их посланием, убеждая возвратиться к первоначальной чистоте принятой ими веры. Первое, чем он поражает их, есть указание на то, как они прияли Духа Святаго. *Сие едино*, – говорит, – *хощу уведети от вас, от дел ли закона Духа приясте, или от слуха веры?* (Гал. 3, 2). Приятие Духа – благо высшее по общему сознанию и чувству всех принимавших его; сподоблялись же его только верующие чрез таинства. Апостол говорит: если чрез веру во Христа сподобились вы приять Духа Святаго – сие высшее благо, помимо закона, то какой смысл вязать вам себя этим законом, который ничего подобного никогда не доставлял и доставить не может?

Затем приводит им на память силу крестной смерти Господа, усвояемую верою. Сила же сия в чем? – В том, что чрез нее верующие приемлют Духа Святаго. *Христос ны*, – говорит, – *искупил есть от клятвы законныя, быв по нас клятва*. Для чего? *Да обетование Духа приимем верою* (Гал. 3, 13–14). Столь великое средство – крестная смерть Бога воплощенна, не указывает ли, что и доставляемое им благо, – приятие Духа Святаго верующими, – есть наивысочайшее благо? Как выше того средства ничего и придумать нельзя, так и выше сего блага никакое другое немислимо. Приятие Духа в вере христианской есть венец благ человечеству от воплощенного домостроительства.

Далее говорит апостол: сущие под законом суть рабы; верующие же в Господа Иисуса Христа, Сына Божия, всыновление приемлют и суть сыны Богу. Вследствие сего Бог *посылает в сердце их*, яко сынов, *Духа Сына, вопиюща: Авва Отче* (Гал. 4, 1–7)! Опять высшее в вере Христовой есть приятие Духа Святаго.

Выяснив таким образом, что высшее в христианстве есть приятие Духа Святаго, апостол отсюда уже берет и нравственные уроки: *Духом ходите и похотей плотских не совершайте* (Гал. 5, 16). Исчислив за тем дела плотские и плоды духовные (Гал. 5, 19–23), заключает: *Аще живем Духом, Духом и да ходим* (Гал. 5, 25).

К концу пребывания своего в Ефесе св. Павел, узнав о неких нестроениях в церкви Коринфской, писал туда послание. Так как у них это произошло от своеличных мудрований, то св. Павел с самого начала обличает суетность мудрости человеческой, говоря, что она пригодна только на житейское, но не призвана в руководительницы в делах Божиих. Здесь все открывает благодать Св. Духа. – И я, говорит, приходил к вам не с словесами мудрости человеческой, а с явлением Духа и силы. Благодать Духа Святаго, проявлявшаяся в моей среди вас деятельности, удостоверила вас в истине слова моего. Вы и уверовали не в силу своеличного постижения истины, а в силу действенности Духа Святаго (1 Кор. 1, 18; 2, 5).

К сему прибавил апостол: «Таинство веры мною проповедуемой есть премудрость Божия, в тайне Божества сокровенная. Ее никто не может верно знать, кроме Духа, испытующего самые глубины Божии. Сего Духа мы прияли, и Он открыл нам все домостроительство спасения. Мы от Него верно знаем все, дарованное нам от Бога, и вам возвещаем то не мудрствуя, а в простоте. Ведайте также, что и вы сами уразуметь истину спасения не иначе можете, как по просвещению от того же Духа, который нам открыл и открывает тайны его. Кто не имеет Духа, тот душевен есть; душевный же человек не приемлет (не понимает) яже Духа Божия, юродство бо ему есть, и не может разумети. Итак, поревнуйте стяжать и хранить благодать Св. Духа» (1 Кор. 2, 6–16).

Одним из верующих коринфян учинено было блужение, такое, которое и среди язычников даже не именуется. Обличив и отлучив от Церкви сего грешника, апостол перечисляет и другие многие грехи, заключающие вход в Царствие Божие (1 Кор. 6, 9), прибавляя к сему: Таковыми и вы некогда были, но *омыстесь, но освятитесь, но оправдистесь именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего*» (1 Кор. 6, 11). Не именем только Господа нашего Иисуса Христа, но и Духом Бога нашего, и сей Дух, совершив дело освящения вашего, не отошел, но в вас пребывает; так что вы посему *храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас* (1 Кор. 3, 16). Взирая с сей точки зрения на блужение вообще, апостол говорит: *или не весте, яко телеса ваша храм живуцаго в вас Святаго Духа суть, егоже имате от Бога* (1 Кор. 6, 19). *Аще же кто храм Божий растлит, растлит сего Бог* (1 Кор. 3, 17).

Церковь коринфская богата была дарованиями духовными, что отчасти повело и к проявившемуся среди них разделению. Возводя их к единению, апостол берет побуждения к тому из того же самого раздаяния даров разных единым и тем же Духом Святым, говоря: *Разделения дарований суть, а тойжде Дух. Комуждо дается явление Духа на пользу. Овому Духом дается слово премудрости, иному же слово разума, о томже Дусе: другому же вера, темже Духом: иному же дарование исцелений, о томже Дусе: другому же действия сил, иному же пророчество, другому же разсуждения духовом, иному же роди языков, другому же сказания языков. Вся же сия действует един и тойжде Дух, разделяя властью коемуждо, якоже хочет..... Единым*

Духом мы вси во едино тело (чтоб составлять единое тело) *крестихомся и вси единым Духом напоихомся* (1 Кор. 12, 4–13). Таким образом, если кто верует, Духом верует; если кто уразумевает тайны премудрости Божией, Духом уразумевает; если кто пророчествует, Духом пророчествует; если кто молится, Духом молится. И ни одно вообще действие не бывает истинно богоугодно, коль скоро оно не совершается в нас и чрез нас Духом Святым, действия без Духа и не от Духа не суть настоящие христианские дела, кои все должны быть духовны. Посему всякий должен исповедать, что если есть в делах его что доброе, то оно таково от благодати Св. Духа, – исповедать со апостолом: *Благодатью Божию есмь, еже есмь* (1 Кор. 15, 10).

Выбыв из Ефеса и направляясь в Элладу чрез Македонию, св. Павел пишет с дороги второе к коринфянам послание.

В нем, имея нужду подтвердить неложность обетования наследия вечного Царствия Божия, он говорит: *«Извествуй же нас с вами во Христе, т.е. удостоверяющий нас в неложности обетований о Христе, есть Бог»*. Чем же именно удостоверяет в сем Бог? Тем, что запечатлел нас *и дал в сердца наши обручение Духа* (2 Кор. 1, 21–22). Духа Святаго дал нам Бог, как залог наследия, давая разуметь, что это только задаток, – прочее получите в будущем веке...

Далее пишет: *«Моисей, сходя с горы, покрывалом покрыл лице свое, в знамение того, что на ветхом завете лежит покрывало, сквозь которое читающие его сами собой проникнуть не в силах»*. Покрывало сие престаёт о Христе; когда кто обращается к Нему, взимается покрывало. Как? Духом Святым. *Ибо идеже Дух Господень, ту свобода*: свобода от препон к ведению истины, потому что Дух Божий вводит дух наш в сокровищницы Божии и дает разуметь тайны Его; свобода от стеснения сердца страстями, мешающими беспрепятственно совершать шествие путем добродетели, потому что Дух Святой дает силу преобладать их и отгонять. Сим Духом просвещаемые, руководимые и укрепляемые, мы *преобразуемся от славы в славу* (2 Кор. 3, 12–18).

Прибывши в Коринф, св. Павел пишет послание к Римлянам. Здесь вот что находим!

Иудеи хвалились обрезанием. Апостол пишет: *«Обрезание должно быть знаменем обрезания сердца от всего нечистого и страстного»*. Такое обрезание бывает только в нас, верующих во Христа. Как? Благодатью Св. Духа. И такое только обрезание сердца Духом делает настоящим обрезанным (Рим. 2, 29). Это говорил он в побуждение иудею оставить иудейство и обратиться к вере во Христа Господа, чтоб стать истинно обрезанным.

Внешнее христиан не было светло. *«Но, – говорит апостол, – мы не только не унываем, но даже хвалимся. Хвалимся же упованием славы Божией, и притом так, как кто хвалится ценной вещью обладаемой»*. Отчего же в нас эта твердость упования, или эта уверенность, что оно не посрамит? Оттого, что *любы Божия излился в сердца наши Духом Святым данным нам* (Рим. 5, 5). Дух Святой, данный нам, дает сердцу ощутить любовь Божию, –

и сие ощущение не допускает ни малейшего колебания в уповании, или сомнения, чтобы Любящий, и притом Бог, не исполнил обещанного любимому.

Объясняет св. Павел тайну живущего в нас греха и говорит, что пока человек по вере в Господа Иисуса Христа не получит обновления благодатью Св. Духа, до тех пор над ним тиранически властвует грех; но когда, приступив к Господу, получит он благодать обновления Св. Духом, с тех пор грех уже не тиранствует над ним. Он может приступать к нему, соблазнять, влечь, но не определять к делу. *Грех, – говорит, – вами не обладает.* Почему? Потому что *вы под благодатию* (Рим. 6, 14). Пока мы бываем во плоти, т.е. в грехе, дотоле страсти греховные действуют во удах наших. Но когда благодатью Св. Духа освобождаемся от этого держащего нас в своей власти греха, тогда начинаем работать *Богу во обновлении Духа* (Рим. 7, 5–6). Закон Духа жизни о Христе Иисусе освобождает нас от закона греховного. Благодать Св. Духа, пришедши, отъемлет немощь, коей мы немоществуем пред законом, и восстанавливает нашу нравственную силу. Таким образом, пока кто во плоти, т.е. в грехе, и без Духа, дотоле он Богу угодить не имеет силы. *Вы, же, – воодушевляет апостол римлян, – несте во плоти, но в Дусе, понеже Дух Божий живет в вас. Аще же кто Духа Христова (по вере во Христа и Христом Господом подаемого) не имать, сей несть Его* (тот и не Его). Только те, кои *Духом Божиим водятся, сии суть сынове Божии* (Рим. 8, 2–14). Присущ нам бывая, Дух сей подкрепляет нас в немощах наших (Рим. 8, 26).

Из сего явно, что жизнь о Христе Иисусе в совершенстве проявляется только благодатью Св. Духа. Почему апостол и определяет, что *Царствие Божие есть правда, мир и радость о Дусе Святе* (Рим. 14, 17), – и молится: *Бог же упования да исполнит вас всякия радости и мира в вере, избыточествовати вам во уповании, силою Духа Святаго* (Рим. 15, 13).

Вскоре по написании послания к римлянам апостола встретили узы, – из которых он писал несколько посланий. Первое было к ефесеям.

Послание к ефесеям есть воодушевленной хвалебная песнь домостроительству спасения в госпде Иисусе Христе. Но высшим плодом и последней целью сего домостроительства выставляется дарование нам благодати Св. Духа.

Возносится апостол мыслию в предвечные высоты и видит там, как мы преднаречены Богом во усыновление чрез Иисуса Христа. Чего ради? *В похвалу славы благодати Его, еюже облагодати нас о возлюбленном* (Еф. 1, 5–6). Припомним, что и в Евангелии от Иоанна уверовавшим в Господа Иисуса Христа дается область чадами Божиими быти, поколику они от Бога рождаются (Ин. 1, 12). Сие рождение от Бога, как там же несколько ниже объясняется, есть новое рождение водой и Духом (Еф. 8, 5).

Нисходит оттуда долу, в течение происходивших пред очами его событий, и видит исполнение того преднаречения к усыновлению в даровании Духа Святаго; ибо говорит: *Слышавшие слово благовествования и веровавшие, знаменастеся Духом обетования Святым* (Еф. 1, 13–14), –

который и делает из верующих сынов Богу, претворяя их из ветхих в новых. *Того бо есмы творение, создани во Христе Иисусе на дела благая, яже прежде уготова Бог, да в них ходим* (Еф. 2, 10).

Поминает о призвании в царство Божие вместе с иудеями и язычников, – и объясняет мирное единение сих, непримиримыми бывших, сказывая, что сами по себе ни те ни другие не гожи для Царства Христова, – делаются же они гожими к нему, бывая обновляемы благодатью Св. Духа. Таким образом в силу приятия сего единого Духа, мы оба равное имеем приведение ко Отцу (Еф. 2, 18).

Из сего объединения всех верующих единым Духом составляется и растет Церковь Божия о Господе; при чем как вся Церковь, так и каждая частная Церковь, и каждый верующий созидаются в *жилище Божие Духом* (Еф. 2, 22). Призвание язычников на ряду с иудеями было сокровенной тайной, которая только *ныне*, – говорит, – *открылась апостолам Духом Святым* (Еф. 3, 4–5).

Заключает св. Павел свое созерцание величия воплощенного домостроительства коленопреклонной молитвой *ко Отцу Господа нашего Иисуса Христа, да даст Он ефесеянам* (а за ними и всем верующим) *наисильнейше утвердиться Духом Его во внутреннем человеце, вселиться Христу верою в сердца их* (Еф. 3, 14–17). Вера в Господа приводит к получению благодати Св. Духа; благодать сия созидает верующего в жилище Божие, очистив его от всего страстного и греховного и украсив всякой добротой; в жилище сие наконец вселяется Господь со Отцем, предшествующу Им Духу Святому.

Соответственно сказанному объединению всех единым Духом, апостолом даются и нравственные уроки. «Гщитесь, – говорит, – блюсти единение духа: ибо вы едино тело и един дух. Каждому из вас дана благодать по вере дарования Христова, – чтоб ею восходили вы *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13); чего и достигнете, если благодатью Божией вспомоществуемые будете обновляться духом ума вашего, облакаясь постепенно в нового человека, *созданного по Богу в правде и преподобии истины* (Еф. 4, 23–24). Из сего можете видеть, что все греховное и страстное, даже гнилое слово, исходящее из уст ваших, есть оскорбление Духа Святаго, живущего в вас. *Не оскорбляйте же Духа Святаго Божия, Имже знаменаетесь в день избавления* (Еф. 4, 30), в тот день, когда окрестившись, приняли и возложение рук апостольских (или миропомазание); но ревнуйте паче *исполняться Духом, глаголюще себе во псалмах и пених и песнях духовных, воспевающе и поюще в сердцах ваших Господеви* (Еф. 5, 18–19).

Довольно бы и сих указаний о благодати Св. Духа, яко необходимейшей содетельной спасения нашего силе. Утомилось уже наше с тобой внимание. Не могу однако ж удержаться, чтоб не привести еще одного места из послания к св. Титу, где апостол и всю цель пришествия Христова поставляет в обновлении нас Духом Святым, чтобы чрез то сделались мы достойными

наследия жизни вечной. *Егда же, – пишет он, – явися благодать и человеколюбие Спасителя нашего Бога, не от дел праведных, ихже сотворихом мы, но по своей Его милости, спасе нас банею пакибытия и обновления Духа Святаго, Егоже излиа на нас обильно, да оправдившися благодатию Его, наследницы будем по упованию жизни вечныя* (Тит. 3, 4–7).

Приведу и еще, что говорит св. Павел в послании к евреям о тяжести греха согрешающих по крещении и обновлении благодатью Св. Духа. *Невозможно, – говорит, – просвещенных (крещенных) единою, и вкусивших дара небесного и причастников бывших Духа Святаго, и добраго вкусивших Божия глагола, и отпадших паки обновляти в покаяние, второе растинающих Сына Божия в себе* (Евр. 6, 4–6). И еще: *Волею согрешающим нам по приятии разума истины, ктому о гресех не обретається жертва: страшно же некое чаяние суда и огня ревность поясти хотящаго сопротивныя. Отвергся кто закона Моисеева, без милосердия при двоих, или третьих свидетелех умирает. Колико мните горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый и кровь заветную скверну возмнив, еюже освятися, и Духа благодати укоривый* (Евр. 10, 26–29).

Свидетельств из других апостольских посланий о надобности благодати Св. Духа в деле нашего спасения можно бы и не приводить. Но чтоб не подумал кто, что так учит только св. Павел, приведем слова и других апостолов, не все, а главнейшие.

Св. Петр, как я уже писал прошлый раз, в первом своем послании всех верующих называет избранными *по прозрению Бога Отца, во святыни Духа, в послушание и кропление крове Иисус Христовы* (1 Пет. 1, 2), давая разуметь, что если верующий окропляется кровью Иисус Христовой, то по освятительному действию Св. Духа и предуказанию Бога Отца.

Он же во втором послании говорит: *Вся нам божественныя силы, яже к животу и благочестию, подана разумом (когда мы познали) призвавшаго нас (Господа); имже честная нам и великая обетования даровавшася (для привлечения к вере и воодушевления на труды жизни по вере), да сих ради будете причастницы божественнаго естества, отбегше, яже в мире, похотныя тли* (2 Пет. 1, 3–4). Господь призывает, давая великие обетования. Которые последуют призыванию, тем Он подает все силы, яже к животу и благочестию, – в благодати Св. Духа. Приявшие эту благодать отбегают мирской похотной тли, очищаются от всего страстного и нечистого, и чрез то делаются способными к принятию Бога, который вселяясь в них, наконец и живо соединяясь с ними, делает их участниками божеского естества своего. Главная действующая здесь сила есть благодать Св. Духа, коей призывание и вера открывают вход, а причастие божеского естества составляет венец ее действия в нас и последнюю цель.

Св. Иоанн Богослов в первом послании пишет: *Еже видехом и слышахом, поведаем вам, да и вы общение имате с нами: общение же наше со Отцем и с Сыном Его Иисусом Христом* (1 Ин. 1, 3). Последняя цель наша – живое общение с Богом. Для сего и Сын Божий воплотился, чтоб

возвратить нам сие богообщение, потерянное грехопадением. Чрез Господа Иисуса, Сына Божия, вступаем в общение со Отцем и бываем таким образом у цели своей последней. Преподание сего высшего блага апостол поставляет целью проповеди своей и всех апостолов. Но на сем он не остановился, а указал потом и осязательнейший признак такого богообщения, говоря: *Соблюдая заповеди Его (Бога), в Нем пребывает. и Той в нем. И о сем разумеет, яко пребывает в нас, от Духа Егоже дал есть нам* (1 Ин. 3, 24). Подание Духа служит признаком, что Бог в нас пребывает; но тот же признак есть и того, что мы пребываем в Боге, как говорит он ниже: *О сем разумеет, яко в Нем пребываем, и Той в нас, яко от Духа своего дал есть нам* (1 Ин. 4, 13). Вообще же из слов св. Иоанна видно, что Дух Святой не только есть признак богообщения, но и производитель его. Духа благодати приявший приемлет новое рождение от Бога (Ин. 3, 5). Рожденный же от Бога побеждает грех, мир и диавола. *Вемы, яко всяк рожденный от Бога не согрешает: но рожденный от Бога блюдет себе, и лукавый не прикасается ему* (1 Ин. 5, 18). *Всяк рожденный от Бога побеждает мир* (1 Ин. 5, 4). Таким образом, приявший Духа благодати, обладая свободой от сих родителей греха, свободно исполняет всякую заповедь; исполнение заповедей очищает сердце; чистое сердце есть готовое жилище Бога, который и вселяется в него. Таков путь к живому богообщению, – последней цели человека. Проходит его человек действием благодати Св. Духа.

Слышишь, каким трубным голосом, по всему пространству новозаветных Писаний возвещается о благодати Св. Духа? Я нарочно все для тебя собрал, чтоб ты не думал, что о благодати Св. Духа, хоть и говорится где-нибудь в Писании, но не много, и так, мимоходом. Теперь перечитавши, и еще лучше пересмотревши сам все, ты не можешь уже так думать, а удостоверишься, что о благодати Св. Духа, содевающей наше спасение, столько же, если не больше, говорится как и о спасении в Господе Иисусе Христе, и что, следовательно, первое столь же существенно в деле спасения, сколько последнее.

Но смотри, не приди и к такой мысли: «Как же это так? Тот (учитель – будем-ка называть еще лучше: *новшак*) только и говорит, что о Христе Спасителе, а тут набрано столько свидетельств, и все только о благодати Св. Духа. Дело перетянуто на другую сторону. Как у того новшака выходит, что в деле спасения все от Господа Иисуса Христа, так тут – что все от Духа Святаго; как у того за Спасителем не видно Св. Духа, так здесь за Св. Духом не видно Спасителя». Я собрал тебе столько свидетельств о благодати Св. Духа не с тем, чтобы умалить или заслонить, что содеяно и содевается Господом Иисусом в нашем спасении; но с тем, чтоб выставить на вид, что опускается, – и кажется не с добрым намерением, – вашим новшаком, и близ Господа восставить, как и быть подобает, в твоём сознании и Духа Святаго, в равной силе и степени с Господом устрояющего наше спасение. Спасение наше в Господе Иисусе Христе, но содевается оно в нас благодатью Св. Духа. Вот почему в слове Божиим равносильно говорится, что спасение наше

сколько от Господа Иисуса Христа, столько же и от благодати Св. Духа. По сему же самому и держащий слово о спасении не должен опускать возвещения ни об одном из сих облагодетельствователей наших, но велегласно возвещая о Господе Иисусе, столь же велегласно возвещать и о Св. Духе, не забывая, однако ж, и благоволения Отца. Ибо ни Сын Божий, ни Дух Святой ничего не творят без воли Отца. Выставляю сие, чтоб ты видел, сколь неправ ваш новшак, только и речей имея, что о Христе Господе.

Желающему полно разуметь все, относящееся к нашему спасению, надлежит различать два момента: домостроительство спасения, или устройство всего потребного для спасения, и содевание спасения каждого лица. Первое совершил Господь Иисус Христос по благоволению Отца, но не без Духа Святаго, а второе совершает, по благоволению же Отца, Дух Святой, но не без Христа Господа, Сына Божия. Для спасения нашего потребны две вещи: снять с нас клятву за грехопадение и обновить естество наше, чтоб оно было безгрешно. То и другое Господь Иисус Христос совершил в Себе: снял клятву, быв по нас клятва в крестной смерти Своей, и в Своем лице явил естество наше безгрешным, чистым и совершенным. Таким образом все существенно потребное для нашего спасения совмещается в лице Господа Иисуса Христа, – в каком смысле говорится, что в лице Господа спасено человечество. Но для того, чтобы совершилось спасение каждого человека в частности, необходимо, чтобы совмещенные в лице Господа потребности спасения перешли в каждого и им были усвоены. Сие последнее совершает Дух Святой. Словом благовестия возбуждает веру в силу крестной смерти Господа, и в купели крещения омывает верующего и от первородного греха и от всех произвольных, обновляя в то же время его духовную жизнь и делая ее сильной противостоять греху и преуспевать в добре. Обе потребности спасения удовлетворяются зараз. Исходящий из купели крещения бывает и оправдан, и праведен, – всякая вина греха с него снимается, и он желает лишь одного Богу угодного добра и силен на делание его. Это и есть облечение во Христа, в коем потребное для спасения от Христа Господа переходит на верующего и крещаемого и ему усваивается не номинально, а существенно. Пока он верует только во Христа, сии потребности его суть, но только номинально, как определенные ему и готовые для него; в купели же крещения они существенно становятся его собственностью: здесь он уподобляется прививку, привитому к дереву, и живительные соки его в себя приемлющему. Древо – Господь. Соки сего древа суть клятвоснимательная и оправдательная сила крестной смерти и обновленная, в совершенстве явленная, жизнь человеческая. То и другое приемлет в себя, в себя всасывает прививок – новый верующий – в крещении. Совершает же сие не одна вода, но Дух Святой чрез воду, подготовив предварительно крещаемого к приятию того и другого покаянием и верою. Сего-то ради Господь Иисус Христос, претерпев крестную смерть и воскресши, вознесся на небо и послал от Отца к нам на землю Духа Святаго, чтоб Он всех наделял теми благами и потребностями спасения, которые

совмещены для нас в лице Господа. По сей-то причине Он и говорил: «Лучше для вас, что Я пойду ко Отцу; ибо если не пойду, утешитель не придет к вам». Тогда не видно еще было, что же такое, что не придет Утешитель Дух Святой, а теперь для нас очевидно, что если б Он не пришел, то никто не мог бы быть спасен, никто не мог бы получить и усвоить себе то, что для спасения нашего устроено или сэкономлено в лице Христа Спасителя. Вот и слава Богу, что Господь вознесся, ибо вознесшись послал Духа Святаго, который, нисшедши на апостолов, чрез них потом разлился на всех верующих и пребывает в Церкви, всех просвещая, очищая и освящая.

Итак, видишь, как дело спасения совершается. Ваш же новшак этого не знает, а взялся учить и вести вас ко спасению. Горе сему учителю, горе и тем, коих успеет он обольстить. Он все твердит о приятии в себя Христа, о вселении Христа, – и блага от сего бывающие расписывает яркими красками; но как способ к сему показывает он неверный, то и выходит, что он только манит, а ничего не дает. «Христос, – говорит, – вселяется верою». Из сказанного пред сим видишь, что не верой вселяется Христос, а благодатью Св. Духа. И самую веру возбуждает и совершает Дух Святой; но если б Он оставлял нас с этой одной верой, то и при ней ничего бы из нас не вышло. Возбудив и утвердив веру, Дух Святой приводит к купели крещения и здесь вселяет в нас Христа.

Не дивись сему, думая: «Христос Господь и сам есть Бог; чего же ради тут еще и благодать Св. Духа?» Но ведь мы с тобой не сочиняем учения христианского, как делает ваш новшак, а приемлем и содержим его, как оно есть в Писании и как предано нам изначала. Как Господу угодно было устроить, так оно и написано; и как написано, так оно и бывает. Как устроил Господь и как написано, так мы все и приемлем, не умствуя. Посмотри, как воплотился Сын Божий от Пресвятой Девы? Нашел Дух Святой и воплотил Его. Не Бог ли Сын Божий? Не Им ли вся быша? Не носит ли Он все глаголом силы своя? А между тем когда надлежало Ему воплотиться, плоть из пречистых кровей Пресвятой Богородицы соткал для Него Дух Святой. Разве не мог Он сделать этого сам? Мог; но так благоволил Бог триипостасный, следовательно, и сам Сын воплотившийся, чтобы тело для Него было совершено Духом Святым. Тайну сию Архангел принес с неба, говоря Пресвятой Деве, недоумевавшей, како будет сие: *Дух Святой найдет на тя и сила Вышнего осенит тя*. Так вот, как первоначально Господь вселился в Пресвятую Деву, и Она восприняла Его силой Духа Святаго, так и во всякого верующего вселяется Господь и всяким приемлется той же силой Духа Святаго. Так содержи, – и не умствуй.

В приведенной выше молитве апостола из послания к ефесеям хотя говорится: «Да даст Бог – *вселится Христу верою в сердца ваша*, но пред этим сказано: *Утвердится Духом Его во внутреннем человеке*. Это утверждение Духом Святым во внутреннем человеке стоит как средство, или как отверстие двери для приятия Христа. И, следовательно, вселение Христа и здесь условливается действием Духа Святаго. Да и нечего об этом много

думать, когда знаем из уст того же апостола, что во Христа Иисуса облакаются, – то же что приемлют его в себя, – только те, кои крестятся. Крещение же совершается Духом Святым, водой рождающим верующих к новой жизни по образу создавшего их Господа.

После всего сказанного, я думаю, ты готов спросить: «Как же это так? Стало быть, в устроении нашего спасения Дух Святой действеннее, и будто больше, чем сам Спаситель?!» Да на что это тебе определять, кто больше и кто меньше твое спасение содевает? Не равночестны ли, не сопрестольны ли, не единосущны ли Сын Божий и Дух Святой? Так и веруй, что твое спасение содевается в равной силе Господом Иисусом Христом и Св. Духом, или в Господе Иисусе Христе благодатью Св. Духа, – не забывая при сем содержать в мысли: по благоволению Отца, – чтоб выходило, что оно содевается нераздельным действием единосущной Троицы – Бога единого. Всяко однако ж не погресишь, если будешь помышлять, что в устроении всего потребного ко спасению преимущественно действовал Господь Иисус Христос, нераздельно однако ж от Духа Святого, а в содевании спасения каждого преимущественно действует Дух Святой, тоже нераздельно, однако ж, от Господа Спасителя. Если так, то возжелавшим спасения и взыскавшим его сколько потребно прилепляться к Господу Спасителю верой, любовью и упованием, столько же, и с такой же верой, любовью и упованием, подобает возыметь заботу и ревность о стяжании и хранении благодати Св. Духа с полной готовностью покорствоваться ее внушению и руководству.

Следовало бы теперь указать, как стяжевается, возгревается и хранится благодать Св. Духа, если она столь необходима в содевании нашего спасения. Но об этом отчасти я уже говорил в первом письме, будет случай и еще обратиться к сему предмету. Теперь же пора уже нам и кончить свою беседу. Перескажу, впрочем, все о сем хоть скороговором, чтоб сей вопрос не томил твоей головы.

Получается благодать Св. Духа по вере в Господа Спасителя, но не иначе, как чрез св. таинства, и притом в единой истинной Церкви Божией. Помимо таинств благодать не получается и вне Церкви не подается.

По получении хранится и возгревается благодать сия преимущественно пребыванием в молитвах церковных и домашних, как учит апостол: *Исполняйтесь Духом, глаголюще себе во псалмах и пениих и песнях духовных, воспевающе и поюще в сердцах ваших Господеву* (Еф. 5, 19). При сем надлежит тщательно блюсти совесть свою чистой и не запорошенной даже малейшей порошинкой, – пребывать в трудах доброделания и подвигах самоумерщвления без саможаления, углубляться в созерцание таин откровенного боговедения и путей промысления Божия, явленных в судьбах Церкви Божией и житиях избранников Божиих, и пребывать в братском и сыновнем общении с искренними ревнителями спасения, нечуждыми проявлений живущей в них благодати Божией. Внимательно и бодренно проводящий жизнь в таких порядках постоянно будет поддерживать в себе горение духа – свидетельство присутствия и действия благодати Божией.

Постоянство в таком делании сделает, что сие горение все будет восходить горе, пока превратится в серафимский пламень. Больше об этом тебе теперь ничего не скажу.

Кончить бы, но пришло мне на мысль сообщить тебе мою догадку, почему ваш новшак, когда слово Божие так много говорит о благодати Св. Духа, и когда она по существу дела так необходима в содевании спасения, ничего не говорит о сей благодати. Ведь не один какой-либо текстик, который легко просмотреть, говорит о сем, – а видел сколько?! И однако ж он, хвальный, что только Евангелию следует, и вызывающий всякого на бой по Евангелию, не заметил будто их, – и помалчивает. От чего бы это так? И что бы это значило?

Вот что можно о нем положить: он или не ведает благодати, или намеренно умалчивает о ней, или отвергает ее. – Если не ведает, то зачем взялся учить, пребывая столь невежественным в ведении Писания, что не знает того, о чем почти на каждой странице говорится? Если, ведая, намеренно умалчивает, то обличает лукавство, по коему скрывает ведомую истину, неблагоприятную для его системы учения, или того призрачного идеала христианства, которым он сам прельщен и прельщает других, справедливо опасаясь, что при свете сей истины призрак тот развеется, как дым от ветра. Если отвергает существенную надобность для спасения благодати Святаго Духа, то он еретик, богопротивник, помутитель веры верующих и их соблазнитель.

Какое ни возьми из этих предположений, всякое крайне укорно и обличительно для вашего новшака. Но нам с тобой что его щадить? Апостол велел таковых обличать нещадно (Тит. 1, 13). Я, впрочем, останавливаюсь более на том, что он лукавит. Не знать о сем при таком множестве указаний Писания, как не знать, когда он имеет глаза и читать умеет? Должно быть, знает, но лукавит и помалчивает, делая вид, что об этом, будто к делу не относящемся, нечего и говорить. Боится он за свой призрак прелестный.

Ибо стань он говорить о благодати, надо будет говорить о таинствах, без коих, по слову Божию, благодать не сообщается; стань говорить о таинствах, не минуешь говорить о Церкви, хранительнице таинств; стань говорить о Церкви, как умолчать и о всем содержимом Церковью и о всех порядках ее. И все сие еще нужно будет признать нужным в содевании спасения. А это признание в прах разобьет его призрак. Почему все это для него нож острый; ничего из этого терпеть он не может. Так научил его англичанин-еретик.

Но довольно; кончаю. Я остановился только на первом впечатлении по прочтении присланных тобой пунктов. Что еще следует по ним сказать, отлагаю до следующего письма. – Ты же потрудись побольше подумать о существенной надобности благодати Св. Духа и, убедившись в сем сам, других доводи до такого же убеждения. Тогда вы одним словом сильны будете заграждать уста вашему новшаку.

Третье письмо в С.-Петербург по поводу ереси тамошней

Будем с тобой продолжать обозрение присланных тобой пунктов учения вашего новшак.

1.

О первом впечатлении по прочтении их я тебе писал, – именно о том, что в них ни слова не говорится о благодати Св. Духа, тогда как она есть ближайшая к нам содетельная спасения нашего сила Божия. Теперь берусь за второе, – именно то, что слишком льготным представляется путь спасения. Уверовал, и все тут: и грехи прощены, и вечное наказание отменено, и падения не бойся, и добродетели все сами собой пошли из сердца, и Христос в тебе, и уж невзирая ни на что не покинет тебя, рай и Царство Небесное твое, и под. Остается только ликовать: ни трудов, ни опасений, ни борений, – дорога гладкая и превеселая. И нечего дивиться, что многие льнут к нему. Это очень привлекательно. – Но истины тут нет, а одна прелесть.

В лице Христа Спасителя точно все уже спасены, – спасение, Им совершенное, дозлетельно для всех. Но для того, чтобы и каждый частно соделался спасенным чрез Него, надлежит прийти к Нему определенным путем и получить сие спасение. Всякому спасение готово; но сам приди и возьми его. Вот тут и труды, и труды не малые, и скорби, и опасения, и борения. Посему, смотри, как изображается в слов Божиим путь спасения.

Спаситель говорит: *Внидите узкими вратами: яко пространная врата и широкий путь вводяи в пагубу, и мнози суть входящиим. Что узкая врата и тесный путь вводяи в живот, и мало их есть, иже обретают его* (Мф. 7, 13–14). То же повторил Он еще сильнее и в другой раз, в других обстоятельствах: *Подвизайтесь внити сквозь тесная врата, яко мнози, глаголю вам, възвизут внити (помимо их) и не внидут* (Лк. 13, 24). Эта теснота пути спасения не от внешних только лишений и прискорбностей, но паче от необходимости стеснять внутренние движения душевные, противные требованиям спасения. Почему вступающему на сей путь Господь говорит: *Аще кто хощет по Мне ити (т.е. путем спасения), да отвержется себе и возмет крест свой, и по Мне грядет. Иже бо аще хощет душу свою спасти (т.е. кто будет жалеть себя и поблажать требованиям самоугодия), погубит ю: и иже аще погубит душу свою (будет подавлять сии позывы и порывы) Мене ради, обрящет ю* (Мф. 16, 24–25). *И иже не примет креста своего и в след Мене грядет (т.е. вздумает идти вслед Его без креста), несть Мене достоин* (Мф. 10, 38). Вследствие сего, по слову Господа, – *Царствие Божие нудится* (с самопринуждением и усиленным трудом ищется), *и нуждницы* (нудящие себя на труды для сего без саможаления) *восхищают е* (Мф. 11, 12). То правда, что *Царствие Божие благовестуется*, – возвещается, как предмет обрадывающий; но услышавшие и понимающие, в чем дело, не ликованиям и льготностям предаются, а что делают? *Всяк в не нудится*, т.е. притрудно протесняется в него (Лк. 16, 16). Почему, хотя Он обещает упокоить труждающихся и обремененных, но наперед повелевает им взять иго на себя,

которое, как ни будь легко, все же есть иго, которое и легким названо не по отсутствию притрудностей и чувствительных жертв, но по всегда готовой помощи при поднятии и несении его, и по утешению, сопровождающему его и последующему за ним (Мф. 11, 28–30). А что шествие вслед Господа небезопасно, об этом Он не раз напоминал, говоря: *Бдите и молитесь, да не ввидете в напасть* (Мф. 26, 41); *блюдите, бдите и молитесь* (Мк. 13, 33); *бдите убо на всяко время молящися* (Лк. 21, 36); *да будут чресла ваши препоясана и светильницы горящи* (Лк. 12, 35).

И это все говорит сам Господь, все совершивший ради нашего спасения. Следовательно, и сомневаться нечего, что приступающих к Нему не льготы ожидают, а труды, и труды без отдыха, как видно из притчи о работнике, который целый день работал, но воротясь к вечеру домой, не услышал от господина: «Ложись, отдыхай», – а что? «Собери-ка мне поужинать, да постой и послужи мне; потом отдохнешь, если не встретится еще дела какого-либо» (Лк. 17, 7–8). Господь обещает покой, но в будущем веке, а здесь требует усиленного труда в исполнении Его заповедей с очищением сердца, и притом как? Наисовершеннейшим образом: *аще не избуди правда ваша паче книжник и фарисей, не ввидете в Царствие Небесное* (Мф. 5, 20). Кто же, окружив себя льготностями, бегаёт здесь всякого труда и самостеснения, тот на том свете может очутиться в положении юродивых дев, которые мечтали, что попадут в чертог женихов, и были пред ним, но попасть в него не попали. Недоставало чего-то существенного в строе их жизни, хотя они не были порочны. Вероятно, в льготностях и саможалении жили, бегая всего, что мало-мало трудновато, в той мысли, что за них Господь уже подъял все болезни и труды. Вот и остались вне женихова чертога.

Что особенно требует строгого к себе внимания, самопринуждения и труда, – так это остатки живущего в нас греха. Господь приступающего к Нему с покаянием и верой милостиво приемлет, прощает ему все прежние грехи и, освящая таинствами, снабжает силой преобладать живущий в нем грех, самого же греха не изгоняет, возлагая на самого человека изгнать его, с помощью даруемой ему для сего благодати. А тут сколько потребно внимания и бдительности, сколько приемов вооружения и брани?! Столько, что взявшийся за сие дело как следует минуты не может найти свободной от напряжения сил и забот о сем. Надо обходить сети скрытные, но сильные опутать; надо отражать и делать безвредными стрелы поминутно приражающиеся, но невидимо пускаемые и подлетающие; надо разглядывать ямы, прикрытые цветами, привлекательные приманки, ведущие в пагубу, сладкоречивые призывы, наводящие на вражеские засады. Какой все это требует осмотрительности, бодренности и напряжения сил? Где тут до ликований, хоть бы и духовных?! Мало-мало что просмотрит кто, глядь – уж и запутался, уж уранен, уж в руках врагов.

Посмотри также, как строги требования Спасителя? Не смей допустить и легкого движения неудовольствия и гнева на брата своего; мало-мало

погресишь в сем, – и уж суд тебе, и геенна (Мф. 5, 22). Между тем, у нас то и дело столкновения. И при всем напряжении внимания не избежать преткновений, а при ликованиях и льготах куда уж? Опять относительно женщин как строго? Мало-мало засмотрелся на какую, вот уж и блуд, и опять геенна (Мф. 5, 28–29). А осуждение как осудительно? Кто осуждает, – в тот самый момент, как осуждает, и за это одно действие, хоть бы других не было, уже осужден бывает, и судом не кое-каким, пустым, каково его осуждение, но судом Божиим, непреложным и вечным (Мф. 7, 1). И за праздное слово положен ответ (Мф. 12, 36); а с языком легко ли ладить? (Иак. 3, 3 и далее) Видишь посему, какое строгое потребно внимание к себе, какой бдительный труд над собою? А у ликоующих потому самому, что ликуют, ничто такое невозможно. Стало быть и грехи по всем показанным пунктам неизбежны. С грехами же ликовать и льготничать смысла нет.

Если теперь такие малости, которые у нас и грехами не считаются, встречаются такой строгий суд и приговор, то что сказать о больших грехах и страстях? О них и помина не должно быть между христианами, – так они противны духу Христову. А они в сердце, и желающий чистым быть от них, должен изгнать их оттуда. Это же каких требует трудов и какой борьбы с собою?! Возьми ты блудную страсть, возьми гордость или тщеславие, возьми скупость, возьми зависть, разгульность, своенравие и непослушливость, да какую вообще ни возьми страсть, – искоренение ее требует кровавых потов и трудов. Оттого смотри, как вынуждены бывают мучить себя те, которые опутаны какой-либо страстью и взялись искоренить ее. И совершенно справедливо, ибо иначе и успеха никакого ожидать нельзя; а не успеешь – и ступай в ад. Тем одним, что приступающему к Господу с верой, ради крестной смерти Его, все грехи прощаются, обнадеживать себя нельзя. Кто этим себя обнадеживает и небрежет об очищении сердца от страстей, тот сам себя прельщает. Крещением и покаянием действительно все грехи прежние заглаждаются совершенно, и уже не помянутся более. Но за то, получивший эту милость после того должен уже всенепременно до положения живота блюсти себя от всякого греха и от всех страстных, не увлечений только, но и сочувствий и помыслов. Для этого ему, в то же время, как изрекается прощение прежних грехов, дается сила противостоять страстям, от коих грехи, и препообеждать их, – дается сила побеждать страсти, а не искореняются он. Это искоренение должно быть плодом собственных его трудов. Оттого, вслед за обращением к Господу, у всех тотчас начинается борьба, – и борьба на жизнь и смерть. И вот что сретает приступающего с верой к Господу, а не ликование и льготы. При ликованиях и льготах можно еще выдержать добропорядочное поведение, но никак строгое к себе внимание и борьбу со страстями. Да она и не начнется у того, кто таков. А не начнется, – страсти будут в сердце у него, и сделают из него гроб повапленный, снаружи красивый, а внутри полный костей смрадных. И будет он таким образом сам себя ублажать: Христос меня спас, Христос грехи мои снял с меня, Христос рай мне дал; между тем как Христос, смотря на него,

праведно осуждает его и присуждает к геенне. Вот к чему ведет ликование и льготность! Христос не поблажник. Досмотрим теперь, как апостолы изображают жизнь христианина и чего требуют от него? Вот читай: *Со страхом и трепетом свое спасение содевайте* (Фил. 2, 12); *со страхом жития вашего время жительствуйте*. Почему же? Потому что именуете отцем Того, Кто имеет нелицемерно судить вас по делам; а Он требует, чтоб вы были святы, как и Он свят (1 Пет. 1, 16–17). Святость же сия соблюдется вами, когда сердца ваши будут непорочны и непоколебимы в чистоте пред Богом и Отцем вашим (1 Сол. 1, 3). Почему первым вашим делом да будет: *умертвите уды ваша, яже на земли* (Кол. 3, 5), или, что то же, *очистите себе от всякия скверны плоти и духа, творяще святыню в страхе Божию* (2 Кор. 7, 1). Если хотите быть настоящими христианами, подражайте тем, кои Христовы суть; а они *распяша плоть свою со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24). Сие-то и есть истина о Христе Иисусе – *отложити вам ветхаго человека, тлеющаго в похотех прелестных, и облещися в новаго, созданного по Богу в правде и преподобии истины* (Еф. 4, 22–24). И только кто очистит себя от всего страстного и греховного, будет для дома Божия *сосуд в честь, благопотребен Владыце* (2 Тим. 2, 21). Сего ради, *не льститесь, – Бог поругаем не бывает: еже бо аще сеет человек, тожде и пожнет: яко сеяй в плоть свою, от плоти пожнет истление, а сеяй в дух, от духа пожнет живот вечный* (Гал. 6, 7–8).

Итак, видишь, что как кто хочет, а должен стать чистым, если не желает лишен быть Царствия и попасть в ад; и чистым вполне, не в словах только и делах, но и в помыслах, чувствах и стремлениях. А это легко ли? Внутри нас живет грех, который недремленно и при всяком деле не забывает предлагать и себя (Рим. 7, 21–23). Мало-мало оплошность, – тотчас задымится и закурится похоть, похоть же заченьши родит грех, а грех содеян родит смерть (Иак. 1, 15). Вот и беда! Почему *мняйся стояти, да блюдетя, да не падет* (1 Кор. 10, 12). Похоть эта и сама по себе хитра на прелести; а тут при ней всегда стоит помощник ее, враг наш, который лишь только заметил хоть малое движение этой своей другини, тотчас подбегает и своими уловками спешит раздуть ее в пламень. Допусти только оплошность, – и пропадешь. *Блюдайте убо, како опасно ходите* (Еф. 5, 15). *Трезвитесь и бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити* (1 Пет. 5, 8). *Облецытесь во вся оружия, яко возмоци вам стати противу кознем диавольским* (Еф. 6, 11).

Видишь, в каком мы положении?! Как же тут ликовать-то: «Мы спасены; рай нам. Как я рада, как я рад?» Когда услышишь такую речь, говори: «Подождите, подождите, други мои! Только что услышали вы о Спасителе и спасении в Нем, как уж и крылышки распростерли лететь прямо в рай. Между раем и настоящим нашим положением еще большое расстояние. То несомненно, что кто уверовал в Господа Спасителя и пошел вслед Его в полной покорности воле Его святой, тот достигнет Царствия Небесного, непременно достигнет». Но до него надо дойти, и чтоб дойти,

идти бодро, неутомимо, нимало не уклоняясь от Богом положенного к нему пути. А тут сколько возможно случайностей, могущих помешать дойти до конца пути и достигнуть цели? Почему смотреть надо не на конец пути, не на то, что в конце его, и на то, что под ногами. Конец пути уж дело решенное, – получишь, что там, но что под ногами, об то, если просмотришь, можешь поткнуться, и притом так бедственно, что после уже перестанешь двигаться по тому пути.

Мы в сем отношении похожи на состязающихся на ристалищах. Призы уж определены и лежат наготове. Вступающий в состязание, конечно, имеет в виду получить приз и думает об этом. Но когда вступает в самое состязание, тогда у него все уже выходит из головы, одним занят, – как бы скорее всех достигнуть определенного знака. Так и в деле спасения. Как не иметь в мысли Царствия Небесного? И к вере привлекает что другое, как не желание получить его? Но когда уверовав, вступишь на путь к нему, не его уже одно имеет в мысли, не на одно его устремляй очи ума и сердца (хоть и это уместно), но паче на знак впереди, которого если достигнешь, всеконечно получишь Царствие, а не достигнешь – не получишь. Что это за знак? Чистота сердца от всего страстного и греховного. В это и вперь умные очи свои, сюда и направляй бег, на это обрати все усилия и труды. Потому что если не очистишься, не видать тебе Царствия Божия, хоть бы ты целый век свой мечтал о нем и не переставал кричать: «Мой рай, я спасен!»

С состязающимися на играх сравнивает наше дело содеяния спасения св. Павел. На играх, говорит, бег начинают многие, но почесть получает один, прежде всех добежавший до меты. Посему, говорит, и вы так теките, да постигнете; а для этого воздерживайтесь от всего, мешающего успешности вашего течения, как делают и вступающие в состязание на играх. И я, говорит, теку. Как? Умерщвляя тело мое и поработая его (1 Кор. 9, 24–27). Я еще не достиг, еще не совершился, *гоню же, аще постигну. Братие, аз себе не у помышляю достигша, едино же, задняя убо забывая, в предняя же простираяся, со усердием гоню, к почести вышнего звания* (Фил. 3, 12–14). Если такой апостол говорит, что он еще не достиг, а стремится и бежит, чтобы достигнуть, то как же нам-то говорить: «Как я рад, как я рада! Христос меня спас: рай мой»?!

Рай несомненно будет наш; но если будем тещи, и тещи прямой дорогой, т.е. если потрудимся над очищением сердца без саможаления. Слушай, что говорит св. Павел: *Бог положил нас во спасение* (или, что то же, *в получение славы* (2 Сол. 2, 14), *Господом нашим Иисусом Христом, умершим за нас* (1 Сол. 5, 9–10). Когда Бог так положил, то несомненно так и будет Нам же теперь что? Сложил руки и сиди?! Нет, не это, а вот что: *вся искушающе, добрая держите, от всякия злыя вещи огребайтесь*, – и всячески заботьтесь, да ваш дух, душа и тело непорочными сохраняются к пришествию Господа нашего Иисуса Христа (1 Сол. 20–23). *Терпения имате потребу, да волю Божию сотворше, примете обетование* (Евр. 10, 36). Св. Петр весь путь до Царствия так изображает: все, говорит, нам божественные силы, яже к

животу и благочестию, поданы. Теперь за нами стоит *привнести* к сему дарованию благодати *все тщание* и с помощью ее насадить в сердце всякие добродетели, вытеснив, разумеется, оттуда все страсти. Только сии добродетели *множатся в вас соделают вас не праздными и не бесплодными в познании Господа нашего Иисуса Христа*, т.е. покажут, что вы не напрасно уверовали. Итак, *потщитесь* сим образом *известно ваше звание и избрание творити*. *Сице бо обильно приподастся вам вход в вечное Царство Господа нашего Иисуса Христа* (2 Пет. 1, 10–11).

Так видишь, что стоит между царством и призванием к вере, – в чем сущность дела спасения, куда надо обратить все свое внимание. Царствие Божие стоит позади всего, – начальная точка движения к нему есть призвание к вере и приятие благодати, – середина насаждение в сердце добродетелей с искоренением из него страстей, ревность к чему почерпается из веры и сила на что подается благодатью. О царствии нечего беспокоиться; оно не уйдет; беспокойся и хлопочи об одном том, чтобы достойным его явиться. А ваш новшак отводит ваши глаза от сего ближайшего нам дела и устремляет их на дальнейшее. В прошлом письме я писал тебе, что в изображении устройства нашего спасения он покривил дело, отводя внимание от благодати Св. Духа, которой благоволил действовать во спасение наше сам Господь; а теперь, как видишь, и в нашем содевании спасения он тоже покривил дело, отводя внимание наше от очищения сердца. Таким образом он решительно закрывает путь ко спасению и наследию Царствия. Путь сей очищение сердца помощью благодати по вере в Господа; а он и от благодати и от очищения сердца отклоняет внимание, держа его только на начальном пункте веры и последнем наследии Царствия. Не имея сего во внимании, увлеченные им, конечно, и не действуют в сих видах; не действуя, не идут туда, куда идущими себя воображают, – и мнясь быть обладателями Царствия, сами себе заграждают в него путь. Это и имел я в мысли, говоря прошлый раз в начале письма, что у него все призрачно, неверно и ненадежно. Он сам в самопрельщении и других туда же ведет.

2.

Третья кривда в учении вашего новшака есть, что спасение дается даром.

Если бы то, что я написал выше, прочитал ваш новшак, то не утерпел бы, чтоб не закричать: «А! Так ты заслужить хочешь спасение и царство?! Ничем этого заслужить нельзя; то и другое дается даром». Это любимая фраза подобных мудрователей; и они считают ее победоносной.

Ты же смотри, услыша это, не сробей, будто захваченный на месте преступления; а помолчав немножко, обратись к нему с такой речью: «На это я отвечу тебе после; а теперь попрошу сказать мне, в деле спасения имеют ли место собственные наши усилия и труды, или нет?»

Полагаю, что этим нечаянным вопросом ты поразишь его более, нежели сколько он тебя победоносной своей фразою. Потому что набив себе в голову это *даром и заслужить нельзя*, он и подобные ему до того отуманивают себя,

что им и на мысль не приходят собственные усилия и труды в деле спасения; о них они и думать не думают и заботы никакой не имеют. Почему сразу тебе ничего и сказать не могут. Оттого и в числе присланных тобой пунктов и намек на них нет.

В Церкви Божией об этих *даром* и *заслужить нельзя* почти не поминается. Слышим только отовсюду понукания: работай и трудись; вот-вот смерть, – с чем явишься на тот свет? Ревнующие о спасении и работают, не о заслугах мечтая, а считая себя обязанными трудиться как рабы. Выдумали эти фразы родоначальники по учению вашего новшакa, потому что они очень подходят к их мудрованию о вседовлетельности веры. Но ими они извращают весь строй образа нашего спасения.

И ваш новшак туда же. Отчего? Оттого, что не умеет различать, в деле нашего спасения, *того*, что совершено и устроено Господом для нашего спасения, и *того*, что должны мы сами делать для своего спасения. У него не раз повторяется: спасение даровано нам туне, а дары Божии нераскаянны и отняты быть не могут. И выходит, что спасение наше, и наше даром. Выпало у него из головы, – если было там, – что приступающий ко Господу Спасителю с верой во спасение свое в завет с ним вступает. В завете же так бывает, что одно Бог обещает, а другое человек обязуется исполнить. В Новом нашем завете Господь обещает все то даровать и усвоить человеку, что Им совершено для нашего спасения, главнейше – оправдание в силу крестной смерти своей и дарование благодати Св. Духа, а потом и Царство Небесное; а человек обязуется, отвергнув все греховное и страстное, служить Господу неуклонно точным исполнением заповедей Его, – что и есть взять крест и идти вслед Господу, или взять на себя благое иго Его. Этот последний пункт и требует с нашей стороны усилий и трудов всевозможных. И надо сказать, что это-то и есть главное, на что должно быть преимущественно устремлено все внимание ищущего спасения. Что от Господа, то уже несомненно будет исполнено, и нечего томить себя беспокойством о том. А что лежит на нас, о том нельзя не беспокоиться, потому что исполнение этого подлежит большой опасности по причине нашей изменчивости и многих встречаемых при сем затруднений. А не будь оно исполнено, – и Господь не исполнит Своего обетования; спасение и не состоится, и Царство Небесное не получится.

Таким образом, если *даром* означает отсутствие собственных наших забот, трудов и усилий в деле спасения (а другого значения оно иметь не может); то учение такое есть разорение спасения и путь в пагубу. К тому, что в деле спасения от Господа, совершенно справедливо прилагается это *даром*; а к тому, что от нас, оно неприложимо: никто за тебя делать не станет того, что на тебе лежит; сам потрудись и исполни. То, что Сын Божий пришел, воплотился, пострадал, умер, воскрес и вознесся на небеса, чтоб сидеть одесную Отца и ходатайствовать о нас, – что послал от Отца Духа Святаго, который чрез апостолов собрал Церковь святую и в нее вложил все потребное для спасения, чтоб имея пребыть нерушимой до конца веков, она для всех всегда служила домом спасения, – все это *даром*, все это есть дело

беспредельной благодати Божией. С нашей стороны ничего при сем не требовалось и ничего не могло быть представлено. Спасаемые входят в Церковь для содевания своего спасения, – и для сего призываются к спасению. И это *даром*, – как в начале христианства, так и доселе. Но сим призыванием к спасению *даром* кончается. С сего момента начинается содевание спасения, которое без собственного нашего участия, без деятельности нашего произволения и свободы, немислимо. Внять призыванию или не внять, последовать или не следовать, и, последовавши, исполнить все требуемое или не исполнить, – все сие в нашей воле. Почему с сего момента ничего уже не бывает *даром*; но возжелай, взыщи, потрудись, – и получишь.

О сих двух моментах в деле спасения я уже поминал тебе, но не каюсь, что завел речь опять о том же. Различие их очень важно в занимающем нас предмете. Почему чем лучше ты уяснишь его себе и затвердишь, тем безопаснее будешь от увлечения новшакom. Остановлю и еще немного на этом твое внимание.

Смотри, что пишется у Премудрого о премудрости. Премудрость, говорит, создала себе дом и утвердила столпов семь; потом заклала своя жертвенная, растворила в чаше вино и уготовала трапезу; наконец послала своих рабов с высоким проповеданием созывать к себе на чашу всех желающих умудриться. Это первый момент. Которые из званых, сознав оное невежество, возжелали премудрости, те, вняв призыванию, пришли и напоились мудростью у Премудрости. Это второй момент (Притч. 9, 1–6). Первый есть предызображение того, что Господь соделал и делает нашего ради спасения, – даром; а второй изображает то, что мы сами должны делать, чтоб получить спасение.

Читай также притчу Спасителя о брачном пире, устроенном для сына своего царем. Смотри, как дело шло. Сначала царь заклал юнцы и упитанная и приготовил обед и все потребное; потом послал рабов звать на трапезу. Которые вняли зову, – убрались и пришли, – и трапеза наполнилась возлежащих. И здесь приготовление трапезы со всем потребным и звание на нее есть образ того, что в деле спасения нашего совершено и совершается Господом даром; а внятие званию, принаряжение, приход и возлежание званых есть образ того, что должны делать мы для своего спасения. Слуги в обоих этих приточных историях никого не неволят, никого связанным не тащут, но внявшие зову сами уж и пришли, и исполнили все, что требовалось исполнить. Вон на брачном пире один не исполнил того, что следовало, – и за это тотчас отправлен в более достойное его место. И праведно. Должен был сделать подобающее, мог сделать и не сделал, – и понес, что заслужил. Так и в нашем спасении. Все потребное для него устроено и все зовутся к получению его; но никто не неволится, а всякому оставляется на свободу, вняв зову, прийти и получить спасение под одним условием исполнения всего потребного к тому. Кто исполняет, получает спасение. Кто не исполняет, подвергается тому же, чему подвергся и оказавшийся не в должном порядке на брачном пире.

Чтоб тебе не путаться в помышлениях о том, что от нас и как от нас, покажу тебе, как идет в нас дело спасения.

Вообрази себе человека, в первый раз слышащего призывание ко спасению. Приходит посланный от Бога апостол и говорит: «Все мы созданы, чтобы служить Богу в преподобии и правде; но исполнить этого не исполнили. Жизнь наша полна неправд и беззаконий, прогневающих Бога. Почему нас ждет неотложно праведный суд и осуждение на вечные муки. Ныне, завтра, а может быть, и сейчас – смерть, за смертью – суд, и участь наша решится безвозвратно не на радость нам». Слышит сие душа, и сознает правду всего сказанного; потому что истины сии написаны в сердце, только не всегда помнятся, или и совсем заглушены бывают суетой и грехами, при напоминании однако ж предстают сознанию во всей силе. Сознавши правду сказанного, душа приемлет то в чувство, – и задумывается о вечной участи своей: берет ее тревожная забота, как же быть? Бог прогневан, чем умилю Его? Благ Он, но и праведен. Да если б и помиловал Он, по неисповедимым судьбам Своим, и простил мне все прошедшее, что пользы? Опутан я страстями и греховными привычками, – и никак не надеюсь устоять против них. Опять будут они увлекать меня к худому, – и опять грехи и прогневание Бога. Нет мне исхода; погибла я!

Между тем апостол продолжает речь свою, – и кончив изображение крайности, в коей находится грешник, – благовествует и спасение. Погибать бы нам всем; но человеколюбивый Бог умилосердился над ними и послал на землю едиnorodного Сына Своего, который пришедши к нам воплотился, пострадал за нас и, крестной смертью удовлетворив правде Божией, исходатайствовал нам всепрощение. Затем, воскресши и вознесшись на небеса, послал от Отца Духа Святаго, чтобы Он возжелавшим спастися в Нем, Сыне, пособствовал содевать свое спасение, т.е. чтобы тем, кои, покаившись и уверовав в Него, положат твердое намерение прочее не прогневлять Бога грехами, давал силу противостоять греху и ходить неуклонно в воле Божией.

Внемлет сему душа, глубоко обеспокоенная крайностью своего положения, что и Бога умилю не имеет чем, и что, если б Бог как-нибудь Сам простил ее, то не надеется так жить, чтоб снова не прогневлять Бога, – внемлет и возникает к благонадежии спасения. Слава Тебе, Господи! Вот и Бога умилювание, и грехов прощение, и силы на добро дарование. – Внемлет, возникает к благонадеянию и порывается желанием, как бы сподобиться сих благ, – и прощение грехов получить и силой на добро облечься.

Но се опять слышится благовестительное слово апостола. Сей Дух, Сыном Божиим посланный от Отца, нисшел на нас апостолов и, просветив умы наши ведением таин Царствия Божия и облекши силой знамений, соделал нас довольными к верному исполнению заповеданного нам Господом Спасителем пред вознесением: *Шедше научите вся языки*. И вот мы с того часа ходим всюду от лица Божия и благовествуем, призывая всех ко

спасению. *Покайтесь убо и веруйте во Евангелие, – да крестится кийждо вас, и приимете дар Святаго Духа* (Мк. 1, 15. Деян. 2, 38).

Выслушав это, душа радуется, окрыляется надеждой получения спасения и воодушевляется готовностью следовать предложенному пути. Но возникает вопрос: правду ли говорит этот проповедник? «Покайтесь», – говорит. – Я уже каюсь, скорблю, что нагрешила, и сильно желаю сбросить это бремя грехов и не отягчать себя более ими. «Но, – говорит, – веруйте». Конечно верить надо; как без веры следовать ему? Правда, благовестие очень утешительно, и я готова верить; но ведь и обманутой можно оказаться, – дело возвещается крайне великое. Сын Божий воплотился, умер на кресте, воскрес, вознесся и ниспослал от Отца равночестного Себе Духа Святаго, Который и нисшел, и готов датися всем. Все сие неописанно высоко и благообильно. Но тем горше будет, если окажется в этом неверность. Речь апостола искренна, жизнь безукоризненна, добросовестность сияет в очах его; но он может и сам быть в заблуждении, и других вводить в него, не думая, что говорит ложь. Как же удостовериться? Когда б удостоверилась, сейчас бы пошла исполнять, что он говорит.

Эти колебания и недоумения совершенно в порядке вещей, и всякую почти встречают душу на переходе к решительному уверованию и действию по вере. И пока они не будут устранены, никакие добрые решения в душе положены быть и установиться не могут. Кто может решиться теши, не будучи уверен, что потечет на верное? Вот почему видим, что благовестие апостольское всюду было сопровождаемо осязательными свидетельствами и удостоверениями, что оно от Бога идет, именно, – знаменами. Св. Марк написал об апостолах: *Они же изшедше, проповедаша всюду, Господу поспешествующу и слово утверждающе последствующими знаменми* (Мк. 16, 20). А книга Деяний передает и опыты того. Там хромой от чрева матерня стал ходить, по слову апостолов (Деян. 3, 2–7, 14, 10); там расслабленный поставлен на ноги (Деян. 9, 34); там мертвый воскрешен (Деян. 9, 41; 20, 12); там противник Евангелия наказан слепотою (Деян. 13, 11); там бес изгнан (Деян. 16, 18). И всюду всякого рода недуги были исцеляемы даже тенью мимопроходившего апостола (Деян. 5, 15), или главоотяжами и убрсами, бывавшими на теле его и потом полагавшимися на больных (Деян. 19, 12).

Поелику так всюду было и всюду о том слышалось, то вопрос, верно ли благовестие, вместе с порождением своим находил и решение. Сам по себе он не мешал образованию веры, а напротив, пособствовал ей, побуждая слышащего и готового уверовать прояснить для себя основания веры, чтоб она была разумнейшая и нерушимо твердая. Как основания сияли во очию всех, то дело сие совершалось скоро. – Бери теперь такую душу, которую слух и зрение (т.е. знамение пред очами или услышанное) совершенно удостоверили в истине окрыливших ее благонадежием спасения обетований и верности предложенных к получению их средств. Что она? Тогда она всей мыслию, всем чувством и всей силой восприяв благовестие, произносит

решение всю себя всецело посвятить на благоугождение Богу, Которого прежде так прогневно, – только да изречет Он ей всепрощение и да облечет силой препобеждать грех и ходить в воле Его.

Заметь содержание сего решения. Не веровать решается: вера уже принята; но по вере благоугождать Богу. Это главное.

Внутреннее обращение души к Господу таким образом завершено. Но оно еще только мысленно, еще в предначертании, еще не стало действенным; посему ненадежно. Его надо запечатлеть в душе, божественной проникнуть силой и укрепить. Это совершает святое крещение. Душа покалась, верует. Теперь должна приступить ко крещению. И действительно, уверовавший приходит к апостолу, изъявляет веру свою, исповедует грехи свои с обетом жить прочее по воле Божией (Деян. 19, 18), и тем открывает себе доступ к св. крещению, – которого апостол и удостоивает его или сам, или чрез помощников своих.

Из купели выходит он уже не только прощенным и облеченным силой, но и в чувстве всепрощения за все прошедшее и в чувстве силы на одоление греха и хождение в воле Божией, – выходит *мертвым убо греху, живым же Богови о Христе Иисусе Господе нашем* (Рим. 6, 11).

Так совершается христианин. Что же далее? Поелику воссияло ему солнце благодати, то он *исходит на дело свое и на делание свое до вечера* (Пс. 103, 23) жизни, считая себя рабом купленным, обязанным творить одну волю купившего его, по конце же жизни, если пребудет до него неизменным в принятом решении, принят будет в Царствие Небесное на нескончаемые радости.

Так человек делается христианином. Что дальше пойдет, будет уже не чем другим, как непрерывным повторением того, что действовало здесь. Рассмотрим же, что во всем этом действовало без участия самого человека? Ничего. – В каждом повороте внутренних изменений действует он сам, своим произволением и напряжением сил своих. Пришел проповедник и начал речь. Слушать или не слушать, есть дело свободы каждого. Иные остановились, окружили его и слушают; а мы с тобой пошли своей дорогой, говоря: «Что он тут начинает суесловить?» Прослушав первую часть проповеди о бедственности положения грешника, сознаться, что мы действительно в таком положении, есть наше дело: иные сознаются, а мы с тобой указываем лишь на других. Сознавшись в этом, обвинить себя и признать правость кары Божией за то, опять наше дело: иные осуждают себя, а мы с тобой говорим в себе: «Что ж такое?» Обвинив себя и признав правость кары Божией, восчувствовать, сколь сие страшно, возболезновать о том, возжелать и взыскать избавления, тоже наше дело: иные приходят в такие чувства, – ужасаются, сокрушаются, искать начинают, нет ли какого исхода, а мы с тобой остаемся совершенно равнодушными.

Проповедник указывает богоучрежденный способ избавиться от крайности, в которой узрел себя грешник; но родилась потребность удостовериться: правда ли? Кто проложит нам путь к вере в истину столько

нужных и утешительных обетований? Никто сторонний, – и это наше дело. Апостолы, силой Божией облеченные, представляют документы к удостоверению в истине слов своих; но усмотреть сии документы, уразуметь их значение и вследствие того удостовериться в истине обетований, должны мы сами. – И видим, что иной, как только родился у него означенный вопрос, говорит в себе: *«Жестоко слово сие; кто может послушати его?»* И сразу отворачивается.

Другой всматривается в документы; но порассмотревши их, оценивает своим образом: *о веельзевуле изгоняются бесы*, – и тоже отходит. Но иные тем вопросом не смущаются, ни документов не толкуют криво, а нашедши их вполне удостоверительными, веруют возвещенному, в разной степени искренности, живости и воодушевления.

От веры начинается третий поворот внутренних движений в деле обращения – решение на основании веры. Уверовавший говорит в себе: *«Итак, бросаю грех, полагаю намерение творить одно угодное Богу и в сем решении приступлю к Господу Спасителю, в уверенности, что Он простит мне все прошлое и даст силу оказаться исправным впоследствии. Это решение есть главный момент в деле обращения, коренной, источник. В нем получают значение и конец предшествовавшие движения и от него зависит все последующее. Не будь его, все ни к чему: и сокрушение с уверованием останется без конца (будто посылка без заключения), и последующая жизнь не может быть вполне такой, какой ей следует быть о Христе Иисусе. Между тем от кого зависит сие решение? От самого человека. Он сам своелично и самоохотно должен произнести его. Ни вера не определяет его необходимо, ни Бог не вынуждает его против воли. – И видим, что не всякий уверовавший тотчас же и произносит сие решение. Иные отлагают его назавтра, и из них один возвращается к нему, а другой отходит на страну.*

Решение – главный момент в нравственном строе обращающегося к Господу; но пока оно еще не запечатлено таинственно благодатью, дотоле оно непрочное, ненадежное, бессильное. Почему вслед за ним предлагается св. крещение. Кто нудит ко крещению? Никто. Решившийся следовать Господу сам идет к нему в уверенности, что в нем получит восполнение всего, недостаток чего в нравственно-религиозном строе своем чувствует его сердце.

Что дается в крещении, то есть дар Божий, который подается, однако ж, не безусловно. Условие – сказанное решение по вере. Ради сего по вере решения благодать Божия входит внутрь чрез таинство и, сочетаваясь там с духом человека, держащим то решение, и закаляя сие решение, полагает семя и зародыш новой духовно-благодатной жизни. Своеличное решение, слабое по себе, облачается здесь силой свыше, и окрещенный исходит посему из купели с чувством силы о Господе, говоря: *Все могу о укрепляющем мя*. Тут благодать и свобода сочетаются воедино и потом уже неразлучно действуют во все течение жизни, если не разлучит их опять прившедши какой-либо грех. – Новое начало жизни положено.

Видишь, как все движение внутренних изменений до положения сего начала и самое сие положение совершаются не без участия деятельности нашего произволения и свободного напряжения наших сил. Как же теперь говорить, что спасение дается даром, без участия наших трудов и усилий, когда самое начало содеяния его полагается не даром, – не без участия наших трудов и усилий?

Не подумай однако ж, что ты сам, один, обратился, если уже обращен, или обратишься, если еще не обращен. Нет; я не с тем сказал все сказанное, чтоб ты так подумал, – и вследствие того стал много о себе думать и самонадеянничать, а с тем, чтобы ты крепко держал в мысли и сердце, что спасение не устроится без участия нашего произволения и напряжении наших сил, и вследствие того не опускал рук, слыша, что пришла спасительная благодать и устроит спасение всех.

Я сказал впереди, что ни одно из движений, коими доходят до обращения, или положения начала спасения, не бывает без участия нашего произволения и напряжения наших сил. Теперь прибавлю, что ни одно из них не бывает и без содействия благодати. Вместе с словом благовестия, призывающим к спасению чрез слух уха, проходит благодать в душу и возбуждает ее. Но возбуждает только мысли и чувства. Коль же скоро надо образоваться желанию и склонению воли вследствие того, она отступает и ждет, что избереет хозяин дома души. Когда образуется желание и склонение произволения, она снова приходит на помощь и помогает установиться тому, на что склонилось произволение. Так образуются сокрушение о грехах, желание избавиться от крайности, в какую они поставляют, вера в предлагаемый образ избавления, решение, принимаемое вследствие того, и приступление к таинствам. Во всех сих моментах благодать Св. Духа идет вслед за произволением. Не будь его, благодать Божия не станет своей силой, против воли, производить то, что должно зависеть от движений произволения. Когда же наконец благодать, действовавшая доселе совне, осеняя, в таинстве входит внутрь и сочетается с духом человека, то тут не требуется уже особое движение произволения. Оно приготовилось к сему всем предыдущим и отверзло себя для благодати преданием себя Господу в конечном решении. Отселе благодать пребывает уже неразлучно с свободой, но действует все так же, как и прежде, спомоществуя и укрепляя желания и силы по делу спасения, но никогда не касаясь святилища свободы, – ее произвольного выбора и склонения.

Спросишь, а вера-то где же тут? Тут же; только не на том месте, где ее полагает новшак ваш и подобные ему. Без веры ни одного шага не бывает; но действует во спасение не она, она только возбуждает деятельные силы и благодать к нам привлекает; далее же все уже идет взаимодействием свободы и благодати, хотя под непрерывным влиянием ее. Вот смотри! Обращающийся к Господу верует, что находится в опасном положении от грехов, и начинает сокрушаться и искать исхода, – а благодать углубляет сие чувство и искание. Поверит, что тот способ избавления, который

предлагается благовестием спасения, действительно и верно избавит, – и решается действовать по нему, – а благодать закрепляет сие решение. Поверует, что спасительные силы подаются не иначе, как чрез таинства, и приступает к ним в полной уверенности, что получит их, – и действительно получает по вере и именно чрез таинства. Поверует, что последующая жизнь благоуспешно может теши к преднамеренному так же не иначе, как взаимодействием свободы и благодати, – и напрягает все свои силы на предлежащие дела, не своей, однако ж, силой чая совершить их успешно, а благодатью Божией, к коей и обращается молитвенно при каждом шаге, веруя опять, что после напряжения им своих сил до возможных пределов, благодать сия не оставит прийти к нему на помощь к совершению неотложного дела, восполняя оскудевающее в его собственных силах, кои также суть Божии. Таким образом вера походит на духовную некую атмосферу, в коей развивается и растет древо спасения; но самое насаждение и возрастание сего древа производится действием внутренних сил, возбуждаемых и укрепляемых действием солнца благодати.

Изъясняя, как полагается начало содеванию спасения, я имел в мысли только, как бывает сие, когда кто приступает к Господу в первый раз и крестится. Но таким же образом сие происходит, когда кто снова обращается ко Господу, потеряв благодать крещения греховной жизнью. И у этого также пробуждается душа приведением на память гнева Божия и восчувствованием от того страха и опасения за свою вечную участь. Восчувствовав это, взыскивает и он, как избавиться от грозящей беды, и зная уже, что этого нельзя иначе достигнуть, как покаянием, приступает к сему таинству. Оплакав грехи свои с болезненным сокрушением сердца и положив твердое намерение не поблажать более своим греховным похотям, а идя наперекор им, исполнять верно всякую волю Божию благую и угодную, исповедует он грехи свои духовному отцу своему, и в момент разрешения им его от сих грехов снова сподобляется спасительной благодати, которая сочетавшись с его духом, опять полагает в нем твердое начало новой жизни о Господе. Из сей слезной бани выходит он таким же, какими выходят из купели крещения, – ревнителем добрых дел по вере с помощью Божией благодати. Что бывает здесь особенного, так это то, что чувство помилования не всегда вдруг приходит, не всегда вдруг приходит и чувство силы о Господе. Зависит это от того, как глубоко кто падает по крещении и сколь долго пребывает в падении, – и еще более от того, сколько раз кто снова падал по принесении покаяния. Но после больше или меньше продолжительных трудов над собой и подвигов самоумерщвления приходят наконец и эти чувства у всякого, – и благодатное состояние восстанавливается вполне. К сему направлены епитимии, которые составляют существенную часть в получении прощения грехов и уврачевания ран душевных.

Видишь теперь, что начало новой жизни о Христе или начало спасения не даром дается за веру, но полагается свободными движениями духа, по вере, при помощи благодати Божией. – Далее сам уже можешь заключить, что

если начало так шло, то тем паче так должно идти продолжение содеяния спасения. Так это и есть. Оно сеется не верой, а напряженной деятельностью своих сил, возбуждаемой верой, при помощи благодати Божией. Все тут бывающее пространно изображено местами Писания в начале письма. Посмотри, какие труды несет спасающийся, – и забудешь думать о *даром*. Теперь об этом нечего бы и говорить, но пришло мне на мысль немного пояснить тебе, от чего так бывает, что новая жизнь начата и благодать получена, – а труды поднимаются все же очень большие, измождительные.

Смотри ты на человека, вышедшего из купели крещения или из слезной бани покаяния, – каким он выходит? – Выходит ревнителем добрых дел на богоугождение о Христе Иисусе Господе с помощью благодати. Как дошел он до этого? К сему привели его встревоженная совесть и страх Божий. Они, пробудившись, заставили его взыскать спасения и обратиться ко Господу. Он взыскал по порядку, самим Господом установленному, – и се вступил на путь спасения и готов шествовать по нему в чувстве силы о Господе.

Что ожидает его? – Непрестанная борьба с собой в очищении сердца от страстей и греховных склонностей и привычек; потому что иначе нельзя ему выполнить вынесенного из начального обращения решения быть ревнителем добрых дел на богоугождение. Подумаешь, – опять борьба; там ведь уж была борьба, перелом жизни сделан; кажется уж, и довольно бы. Вот это я хочу тебе теперь объяснить. Но для этого я должен тебе представить коротенько устройство нашей человеческой природы.

Ведай, что во внутренней нашей жизни есть высшая некая сторона или сила, которой сущность есть жить в Боге, по воле Его, отрешенно от всего. Я называю ее особой высшей частью нашего естества, духом, – тем духом, который вдохнут в лице первозданного из уст Божиих. Движения или проявления сего духа суть: первое – непосредственная уверенность в бытии Бога, с сознанием полной от Него зависимости, что можно обозначить одним словом – *страх Божий*; второе – *совесть*, или показывание воли Божией с понуждением исполнить ее, и затем – с одобрением за исполнение и с осуждением за неисполнение; третье – *искание богообщения* с недовольством ничем тварным.

Ты как хочешь это называй, – особой ли частью нашего естества, или только высшей стороной души, – не в этом дело; только признай, что означенные движения духовные есть в нас и составляют высшее наше достояние, норму жизни человеческой, то, что делает человека человеком. Я же буду называть это духом.

Под сим духом есть в нас душа и тело, которые совмещают силы и потребности, приспособленные к жизни на земле: в теле, например, потребность есть, пить, отдыхать, спать и подобное; в душе – потребности семейные, общественные, художественные, деловые, научные и подобные. Сими сторонами жизни мы стоим на одной линии с животными; только они у нас более осмыслены, потому что приподняты значительно от земли данным нам духом.

Из сего сам можешь заключить, что задавать тон жизни в человеке должен дух; душа же и тело должны ему покорствоваться, состоять в его услужении, действовать в его видах. Силу на это дух почерпает из богообщения, которое облакает его царственной властью над душой и телом. В первозданных до падения так это и было. Они жили духом в Боге, и дух их, черпая из сего богообщения силы, властвовал над душой и телом. Но когда они по вражью искушению пали, порядок движений их жизни изменился. Дух, отпав от Бога, потерял властную над душой и телом силу, и они начали вести свои дела независимо от него, по своей воле. От этого все внутри расстроилось и пошло врознь. Духовные движения оставлены в стороне; качественная начала в человеке жизнь душевно-телесная, с слабыми остатками проявлений духа, – и он перестал быть тем, чем должен был быть. При этом потребности души и тела, сами по себе безвинные, не будучи управляемы высшей силой, повлекли к разным способам своего удовлетворения и превратились в кучу наклонностей и привычек, уже небезвинных по причине преобладания, излишества, уклонения от своего природного чина и даже неестественности. К тому же среди их развился особый класс неправых движений, страстей, противников всякого добра, порождений эгоизма под влиянием врага нашего, дьявола. Таково состояние падшего и всякого человека, во грехе пребывающего. Жизнь его движется по душевно-телесным наклонностям, привычкам и страстям, без внимания к требованиям духа, заявляемым страхом Божиим, совестью и чувствами неудовлетворительности такой жизни. Дух и в них жив; но пренебрегается, забит, загнан.

Восстановление падшего, которое составляет сущность христианства, бывает именно чрез восстановление духа и возвращение ему власти над душой и телом и очищение их от всех прившедших к ним незаконно наклонностей, привычек и страстей. К сему и направлено как домостроительство спасения вообще, так и содевание по нему спасения каждым спасающимся. Духу нашему восстановлену быть подобало благодатью Духа Божия. Но доступ к нам Духу Божию был прегражден лежавшей на нас клятвой, по причине крайнего оскорбления Бога презрением его воли в падении. Надлежало снять сию клятву, чтоб открыть путь к нам благодати Св. Духа. Для сего Сын Божий воплотился, пострадал и умер на кресте, – чем снял с нас клятву, быв по нас клятва. После сего Духу Святому низойти к нам не было уже преграды. Он и нисшел, как только вознесся Господь Спаситель по воскресении. В этом сущность домостроительства нашего спасения.

За тем и содевание каждым своего спасения посредствуется уже неотложно приятием благодати Св. Духа. Но видел ты, чем обнаруживается первое действие Духа Божия на человека чрез слово благовестия? Тем, что Он растревоживает его совесть и поражает страхом Божиим. Страх же Божий и совесть, как я пред сим сказывал, суть принадлежности нашего духа. Следовательно, благодать Духа, начиная действовать в наше спасение,

действует прямо на наш дух, оживляя его естественные чувства и давая ему силу возвысить голос требования своего над всеми голосами низших сил, властвовавших доселе незаконно. Припомни теперь, как от сего первого движения доходит обращающийся к Господу до решения всего себя предать Господу и всячески Ему благоугождать, отвращаясь от всего, Ему противного, и как за тем, по принятии св. таинства крещения или покаяния, исходит он в чувстве силы противостоять всему греховному и совершать всякое добро. Эта сила и есть свойственная нашему духу сила, потерянная в падении и теперь восстановленная благодатью. Следовательно, у обращающегося к Господу, как изображено выше, не иное что совершено, как восстановлен дух его благодатью Святаго Духа. – И се начало новой жизни!

А в душе и теле что в сие время произошло? Там все прежние небезвинные наклонности, привычки и страсти остались, как были; только власть у них отнята. Прежде, что ни захотят, – подавай им. И человек хотя-нехотя тянулся исполнять их веления; а теперь уже не то. Требования свои они и теперь предъявляют; но благодать Божия, восстановив дух, дает ему власть указывать человеку противоположные им требования, и сообщает силу отразить те и исполнить сии. Почему с сего момента и начинается внутри брань. Грех чрез обычные прежде душевно-телесные склонности и страсти восстает на дух, покушаясь снова покорить его им; а дух при помощи благодати Божией отражает его и направляет силы души и тела к противоположному. Начавшись, сия борьба и длится. Если дух ни в чем не поддается, грех все слабеет и слабеет, дурные склонности и страсти замирают, – а он, дух, все более и более приобретает власти действовать в своем чине чрез душу и тело беспрепятственнее. Конец брани, когда худые склонности и страсти совсем изгнаны будут из тела и души, дух облагодатствованный останется совершенно свободным владыкой всех душевно-телесных движений. И се смысл обетования: *идеже Дух Господень, ту свобода* (2 Кор. 3, 17).

Итак, вот в чем теперь дело обновленного духа, пришедшего начало новой жизни! Вот на какое делание исходит он по выходе из водной купели крещения, или из слезной бани покаяния, – на то, чтоб очистить душу и тело от всего греховного, страстного и чувственного, сделав все естество наше чистым, устроить из него достойный храм триипостасному Богу, – в чем живот вечный, который и пребудет по исходе отселе вечным его достоянием.

Теперь видишь, почему и по приятии благодати и обновлении духа нашего предлежит еще труд, и труд долгий и прискорбный. Надобно, по восстановлении духа, высвободить еще душу и тело из плена греховных наклонностей и страстей, и возвести в свободу духа.

Не пропусти ты без внимания эти два момента, – восстановление нашего духа в его правах и власти и очищение души и тела от всего греховного и страстного. Первое совершается в порождении в нас начала новой жизни, как пред сим изображено, а второе должно быть совершаемо всю жизнь по восприятию того начала благодатью Духа о Христе Иисусе

Господе нашем.

Поясню тебе это примером. Положим, что освобождается город от пленивших его врагов. Прежний законный владелец города с войском своим подступает к нему, прогоняет войска врагов, вторгается внутрь и завладевает крепостью внутри города, кремлем. Кремль взят, а город кругом весь еще в руках врагов. Первой заботой завладевшего кремлем бывает укрепиться в нем и обезопаситься: а первой заботой врагов, владеющих еще городом, захватить его и снова завладеть им. И начинается после генеральной битвы пред городом частная и частая война внутри города. Враги делают нападения, кремлевские владельцы отражают их и с своей стороны делают вылазки. Будучи сильнее, кремлевские, ослабив врага частыми вылазками, начинают забирать в свои руки и части города, одну за другою; наконец совсем выгоняют врагов из города и предградий и делаются полными владельцами всего. Точь-в-точь то же происходит и в нас, когда кто обращается к Господу и освящается таинствами. Дух восстановлен и облечен благодатью; а душа и тело еще в плену у греха и страстей. Законному владельцу их, человеку, следует теперь, укрепясь в духе и вооружась всеми богодарованными средствами, вытеснить грех и страсти из прочих частей своего естества, борьбой и победением их, чтоб стать полным владельцем всего, как в начале было предназначено. Обратившийся к Господу и приступает тотчас к сему.

Как это совершается? Так же, как полагается начало новой жизни, – взаимодействием свободы и благодати. Сам человек должен всевозможно над этим трудиться и все к тому напрягать свои силы. Смотря на эти напряженные его усилия, и благодать Божия будет притекать и завершать то, что ищется, потому что сам человек ничего до требуемого конца довести не может. Не стань трудиться человек, благодать не станет за него делать то, что он должен делать сам. Она приходит только на помощь, – тогда как человек истощит уже все свои силы, кои тоже суть дар Божий. Но усиливаясь и некий видя успех, пусть не мечтает человек, что и сам одними своими усилиями, может дойти до конца искомого. И малой страсти не может он совсем победить, а не только большой, и тем паче всех. В целом очищение души и тела от страстей есть дело благодати.

Видишь теперь, что тому, кто восприял новое начало жизни в крещении или покаянии, предлежит не покой, а труд и пот, борьба и самоличное действие против страстей и греха. И это не по произволу какому, а по неотложному закону течения восстановления нас от падения. Вот почему ты видишь в житиях всех святых, Богу угодивших и прославленных, что они всю жизнь свою проводили в строгих подвигах самоумерщвления внутреннего и внешнего и в трудах по упражнению в добродетелях с непрестанным прибеганием к Богу. Это и приводило их наконец к тому, что худые наклонности и страсти были совсем изгоняемы у них из души и тела, а на место их водворялись добрые расположения. Когда таким образом все греховное и страстное изгонялось вон, человеческое в них естество являлось

в природном, первоначальном своем виде, – их дух, душа и тело, проникнуты быв благодатью, осиявались божественным светом, что служило явным знаком, что они наконец содевались храмом Бога триипостасного, как обетовал Спаситель.

Вот что должно иметься в виду и что наконец достигается! Благо неописанно великое! Но на первом месте пусть стоят труды и поты, и душевные и телесные. О преуспевших и сказано: *иже Христови суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24).

Итак, спасение не даром дается, а содевается, – и содевается взаимодействием свободы и благодати, туне нам присужденной и усокровиществованной, но не туне даемой (т.е. не без участия склонений свободы). В устройении (домостроительстве) спасения, все соделано туне, одною благодатью; в содевании же спасения каждым ничего не бывает туне, одной благодатью, но все делается взаимодействием свободы и благодати. Тут ни благодать ничего не станет делать одна, если не видит склонений и усилий свободы, ни свобода ни в чем успеть не может одна без помощи благодати. Спасение спеется неразлучным их действованием, – когда кто по вере в Господа Спасителя, решившись всячески угождать Богу с отвержением всего противного Ему и укрепляем будучи на то благодатью Св. Духа в таинствах, работает в сем порядке всесильно и непрерывно. Апостол Павел говорит о себе: «Я больше всех апостолов потрудился; но не я причина успеха, а благодать, яже со мною». Это значит, что он с своей стороны напрягал все силы, но не они совершали дело, а благодать, соприбывавшая ему. Не будь ее, ничего бы он и не сделал. Почему заключил: *благодатию Божию есмь, еже есмь* (1 Кор. 15, 10).

Не подумай, что это участие свободы и напряжения сил требуется маленькое; нет – не маленькое, а в такой степени, какую только может вынести естество наше. Это осязательно испытывается особенно в главном моменте, – в решении, отвергнувшись себя, последовать Господу. В первый ли раз кто приступает к Господу, или падши по крещении, снова обращается к Нему, решение сие есть болезненный и претрудный перелом всего внутреннего строя, скрепляемый готовностью на всякого рода лишения и даже смерть, если окажется, что иначе нельзя устоять в принятом решении. Последование Господу не по цветам есть ступание, а по терниям и среди терний, не прямо в рай вхождение, а прежде на крест восхождение, чтобы с него уже поступить и в рай. Все это в час решения передумывается, перечувствуется и приемлется. Хоть смерть, а не отступать – это сущность решимости работать Господу. Какое напряжение нравственных сил должно быть употреблено, чтобы дойти до такого пункта?! И это только начало. Затем и в действительной жизни по сему решению подобное напряжение требуется что ни шаг, и без него ничего не делается. – Так изволь это знать, – и *туне выбрось* из головы, и берись со страхом и трепетом содевать свое спасение, привнося к благодати *все тщание*, как заповедует тебе св. Петр (2 Пет. 1, 5).

Смотри теперь, сколько правды в словах: веруй, и ты спасен? – На деле так бывает, что если кто, уверовав, пойдет по тому пути, какой указывает вера, то несомненно достигнет спасения. Посему не написано: *иже веру имет*, спасен есть, но – *спасен будет*, если, разумеется, исполнит все, что с его стороны требуется исполнить. То истинно есть, что уверовавший и обновившийся благодатью в крещении или покаянии питает непоколебимую уверенность, что путь, на который он вступил, несомненно ведет ко спасению, что несомненно он и его приведет к нему, если не погрешит в шествии своем; даже более, он уверен, что начавший дело спасения в нем Господь и до конца доведет сие дело, – и в сем чаянии совершенно предаст себя Его водительству; но это нисколько не увольняет его от собственных трудов и усилий, да он и сам не думает пресекать их, сознавая их обязательство, а напротив, всячески возбуждает себя к тому, чтоб, не щадя сил, всеусердно браться за все, подлежащее на пути шествия его.

Теперь следовало бы мне сделать коротенькие замечания против всякого из присланных тобой пунктов. Но приходится отложить это до следующего письма, потому что, как видишь, мы с тобой немного заговорились.

Спасайся! А между тем поразмысли о всем сказанном и постарайся выбить из головы это соблазнительное *даром*, чтоб его и следа там не оставалось. Экие у вас там народились счастливы, что им Царство Небесное дается даром?! Не ревнуй сим лукавнующим.

Четвертое письмо в С.-Петербург по поводу ереси тамошней

Спешу окончить нашу с тобой беседу о присланных тобой пунктах учения вашего новшака.

Может быть, и еще что-нибудь следовало бы сказать вообще об них, но берусь делать замечания о каждом пункте: тут не пройдет без внимания и общее, если осталось не показанным.

1) *Спасение совершилось, и все уверовавшие во Христа спасены.*

Совершенно все, что потребно для нашего спасения, устроена сокровищница спасения, – домостроительство (экономия) его. Приходи всякий и бери, сколько можешь вместить. Путь к сей сокровищнице, билет на вход в нее и на получение всего в ней содержащегося дает вера. Кто уверует и придет к сей сокровищнице, тому богоучрежденными порядками будет дано все потребное для спасения. Это, как я писал прошлый раз, – прощение грехов ради крестной смерти Господа и благодать Св. Духа.

Как ни велики сии дары Божии, даваемые при самом первом приступлении к Господу верой, – при всем том уверовавшего и чрез таинства приявшего означенные дары нельзя назвать уже спасенным. Этим полагается только начало спасения. Уверовавший вступает на путь, верно и несомненно ведущий ко спасению, но спасенным он явится, когда кончит сей путь непреткновенно и неуклонно. Посему у св. Марка Господь и говорит: *Иже*

веру имет и крестится, спасен будет (Мк. 16, 16), а не спасен еще. Несомненно будет спасен, если пребудет верен вере и не престанет исполнять потребное для спасения. Не сомневайся, что получишь спасение; только неленостно теки по пути к нему, подражая св. Павлу, который говорит о себе: «Теку на верное, но еще не достиг; гоню же, чтоб достигнуть» (Фил. 3, 12–14). Только вот что можно сказать – *спасены*, что если кто из уверовавших, вышедши из купели крещения или покаяния с отвращением от всего греховного и возревнованием о всем добром, тотчас и отойдет из сей жизни, то он не подпадет осуждению, потому что со времени крещения исключается из списка погибающих и включается в список спасаемых. Но если он по душе и телу остался еще нечистым, то недостающее сие восполнится молитвами церкви, кои слышатся в ней на каждой службе.

2) *Спасение даровано нам туне, а дары Божии, как непреложные и вечные, отняты быть не могут.*

Устроено для всех спасение *туне*, но даваться никому не дается *туне*. Об этом было все почти прошлое мое письмо. Воплощение Сына Божия, крестная смерть, воскресение и вознесение, сошествие Святаго Духа и Церкви Божией устроение, в коей единой только все желающие спасения и спастись могут, – все сие совершено туне, даром. И зовутся все ко спасению тоже даром. Но потом, как только внял кто призванию и начал движение к получению спасения богоучрежденным порядком, с той минуты уже ничего не бывает даром, а во всем требуется напряжение своих сил, тщание, и труд, – и если это не будет, ничего не получишь: ищи и обрящешь, толцы и отверзется тебе. Так что вернее будет, если ты навикнешь говорить: «Спасение содевается при помощи благодати», вместо: «Дается туне».

Общая мысль сего пункта: спасение даром даровано и отнято быть не может, потому что дары Божии неотменны, – совершенно ложна, лстива, пагубна, ибо подрывает всякую энергию нравственных сил, и останавливая текущего ко спасению, лишает его возможности получить его. Домостроительство спасения неотменимо и вечно сильно, – вседовлетельно на спасение всех во все времена живших, живущих и имеющих жить, и сила его простирается на всю вечность. Но к спасению каждого лица сии качества – непреложность, неизменность, вечность, – безусловно прилагаемы быть не могут, пока кто здесь на земле. В сем отношении можно только говорить: «Кто уверует и по вере верно будет исполнять все потребное для спасения, как сам Спаситель установил во св. своей Церкви, тот несомненно спасен будет; кто же не исполнит сего потребного, тому нельзя надеяться спасену быть, но тому одному, что спасение Господом устроенное непреложно, даже после того как он верой приступил к Господу и получил начатки спасения, прощение грехов и благодать Св. Духа. Кто, получив прощение в грехах, опять согрешит, тот теряет сей дар; равно кто, получив благодать Св. Духа, оскорбляет грехами сего Духа Божия, тот лишается сего дара. Таковой опять поступает в разряд непрощенных и безблагодатных. Воспринятое начало спасения сгублено; надо снова его искать». Слово отнято быть не может по

причине нашей изменчивости, неприменимо к получению и содеянию спасения, следовательно, ложно употребляется, и обманывает неопытных.

3) *Человек спасается чрез веру во Христа.* Хорошо сказано: «Спасается». Стало быть, не спасен еще, а лишь содевает свое спасение, проходит курс, течение спасения. И что спасается чрез веру во Христа Господа, тоже верно, если под верой во Христа разуметь веру христианскую во всем ее существенном устройстве. Помимо сей веры нет спасения. Но если под верой во Христа разуметь лишь уверование, что Христос Спаситель совершил все потребное для нашего спасения, то такая одна вера не содевает нашего спасения, если кто с ней одной останется. Она только дает первый толчок движения ко спасению. Прияв ее, надобно покаяться и положить твердое намерение неуклонно работать Господу, отвращаясь от всего Ему неугодного; далее приступить надо к таинствам во св. Церкви и прияв чрез них всепрощение и благодать Св. Духа; наконец, облекшись этой силой, теши неуклонно путем заповедей Господних во исполнение данного обета. Кто так устроил свое дело спасения, о том следует говорить, что он спасается верой Христовой или верно содевает свое спасение в Господе Спасителе.

4) *Уверовавшие во Христа и, следовательно, усвоившие себе искупление в собственность, вечной гибели не подлежат.*

Слова сии требуют дополнений, чтобы как следует выразить истину, о коей говорят. Усвоение искупления приписывается уверованию в Господа Иисуса Христа. Это не полно. Искупил нас Господь своей кровью, или крестной смертью. Усвоится нам искупительная сила крестной смерти Господа во св. крещении, как изъясняет св. Павел (Рим. 6, 3–4). Тут сраспинается человек Христу Спасителю, обливается Его кровью и омывается. Вера предшествует сему и сопутствует; но одна без крещения не усвоит искупительной силы крестной смерти Господа. И при крещении не одна она служит приятелищем такой силы, а вместе с покаянием и твердым решением жить прочее свято. Когда же сие есть, тогда истинно приемлется сила искупления, – и тут же крещаемый изымается из круга подлежащих вечной гибели и вносится в круг спасаемых. Но сказать, что усвоивший себе означенным порядком искупление не подлежит вечной гибели, можно только под условием, если он опять не согрешит. Грех по крещении пресекает действие всех даров, полученных в нем, и снова делает согрешившего сыном гибели, и еще в более строгом смысле, нежели в каком он был ей повинен прежде, как пишет св. Павел в послании к евреям: *Волею согрешающим нам по приятию разума истины* (и омовении в водах крещения – выше ст. 22), *ктому о гресех не обретается жертва: страшно же некое чаяние суда, и огня ревность поясти хотящаго сопротивныя.* За что так? За то, что предавшись греху, *кровь заветную, еюже освятися* (в крещении), *скверну возмнил и Духа благодати укорил* (Евр. 10, 26–29), или, как сказано в другом месте, – *второе распял Христа* (Евр. 6, 6).

5) *Каждый уверовавший во Христа тотчас же получает отпущение грехов и избавляется от вечного наказания.*

Тут та же мысль, что и в предыдущем пункте, с малыми оттенками, видными в слове *тотчас же*, как будто слово сие нарочно прибавлено, чтоб внушить, чтобы кроме веры ничего уже более не нужно; а это не так: нужно покаяние неотложно. И в первый раз приступающие ко Христу должны исповедать грехи свои, как делали ефесяне пред св. Павлом (Деян. 19, 18). Тем паче это требуется от согрешающих по крещении. Разница та, что там очищает от грехов исповеданных крещение, а здесь – таинство покаяния при священническом разрешении. Таким образом, отпущение грехов при вере всегда посредствуется таинством. И иначе сие не бывает и быть не может. Можно набить себе убеждение, что и без таинств простятся грехи; но это будет самопрельщение. – Вторая половина пункта: и избавляется от вечного наказания, – верна в том отношении, что получивший очищение и отпущение грехов вычисляется из списка присужденных к вечному наказанию. Но если тут разумеется, что он никоим образом уже не подпадет сему наказанию, то это неверно. Если снова согрешит, то подпадет ему, и еще в строжайшем смысле, как я уж замечал. Почему, получив отпущение прежних грехов, стой бодренно и мужественно, чтоб греховные пожелания, оставшиеся в душе и теле, опять не поднялись и не увлекли на старое.

б) Для спасения следует принять в себя Христа. Для этого нужно сознать себя грешным, уверовать во Христа, возблагодарить Его за все, что Он для нас сделал, сознать себя спасенными навеки, и быть убежденными, что с этой минуты все грехи наши прощены и мы становимся неизменными причастниками жизни вечной.

Опять то же самое, только пространнее, сильнее и настойчивее, как будто ваш новшак решился во что бы то ни стало вбить в слушающих дух самопрельщения. «Быть убежденными, что грехи нам прощены и жизнь вечная наша». Можно, как я уже говорил, набить себе такое убеждение, но не по истине, а по самопрельщению. Чувство прощения приходит в душу, как наитие свыше. Господь изрекает всепрощение в сердце, и оно слышится внятно. Нам, кои большей частью приступаем к Господу, – если приступаем, – после того, как успеваем потерять благодать крещения, даже и после того, как искренно исповедуем грехи свои, оплачем их и положим твердое намерение не грешить более; нам, говорю, не тотчас в разрешении грехов или по разрешении их духовным отцом дается чувство благоволения Божия и всепрощения. Здесь это верой только приемлется; в чувство же входит после довольных над собой трудов, болезненных и безжалостных. Наложит ли духовник епитимию или не наложит, но эта Божия епитимия – отсрочка в даровании чувства помилования, – всегда бывает, более или менее длительная, судя по грехам. Когда же придет наконец сие чувство, то тут бывает не то, что при убеждении. Убеждение в мысленной части бывает, и оттуда действует на сердце. А тут чувство помилования входит в сердце и овладевает им, и заставляет радоваться и ликовать все силы души и тела. Покаявшийся чувствует на себе при сем объятия отчи. Это райское состояние дается всем тем, которые довольно потомят себя в сокрушении и

преутруждении, – конечно все под условием веры и смиренного к Господу припадания. Итак, если сие именно понимает ваш новшак, говоря об убеждении в прощении грехов, то добре. Но я очень сомневаюсь, чтоб он так думал, потому что для него слова: труд и подвиг – нестерпимы. Почему, наверное, он полагает, что прощение дается за одну веру, которая порождает и убеждение. Это прямой путь к самопрельщению.

Когда такое чувство сказанным путем войдет в сердце, то в то же время там начинает теплиться и духовная жертва благодарения и живет неразлучно вместе с тем чувством. Тут же просветлевет и чаяние наследия вечной жизни, тогда как до сего момента она тускла, робка и нерешительна.

Повторю еще весь путь: нам, приступая к Господу в покаянии, надо оплакать грехи, исповедать их искренно с изъявлением решительного намерения не поблажать более себе, и получить таинственное в грехах разрешение от Господа чрез уста духовника; затем начать труд самоозлобления для подавления греховных привычек и в наказание за прежнее своеволие. Когда греховные движения поутихнут и совесть безжалостная насытится произвольными лишениями, тогда Господь сжалится над кающимся и даст ему ощутить всепрощение, которое было за ним только по вере. Нарочно повторяю это, чтоб кто, наслушавшись вашего новшака, в самом деле не возмечтал, что коль скоро верует, то уж не о чем более заботиться, – позволительно питать убеждение, что и грехи прощены и жизнь вечная наша.

Первые слова этого пункта, что для спасения следует приять в себя Христа, – можно бы оставить не оговаривая. Но как тут говорится о приятии только Христа Спасителя, как и во всех пунктах, то нельзя не оговорить: точно для спасения необходимо приять в себя Христа Господа, но неразлучно со Отцем и Св. Духом. Дух Святой приходит возбуждать чрез слово благовестия или вообще чрез божественное слово чувства греховности, опасения за свою вечную участь, раскаяния, решения начать жить исправно, и уверовавшего в таинстве крещения облакает во Христа, а в таинстве покаяния возоблекает. Все сие по благоволению Отца. Когда затем получивший таким образом начало новой жизни по духу ее преобразует с помощью благодати и душу, и тело, и станет весь чист, тогда и вся Пресвятая Троица воссиявает в верующем нераздельно, воссиявает само Божество триипостасное. И се муж совершенный, достигший меры возраста исполнения Христова. – Нарочно это я тебе и твоим прописываю, чтоб не сбились вы там с толку неопределенными фразами своего новшака.

Смотри-ка еще, какие средства указывает он к приятию Христа? «Нужно сознать себя грешником, уверовать во Христа, возблагодарить Его, сознать себя спасенным навеки». Это что-то слишком идеально и отрешенно, – по-духоборчески. Все это надобно иметь; но без св. таинств Церкви – крещения, покаяния, причащения, никто не может одними умовыми движениями приять Христа. Чайание сего или уверенность в сем есть пустая мечта, обольстительная и пагубная; ибо уверяя, что прият Христос помимо

способов, Им самим учрежденных, помимо которых Он не приемлется, – она отклоняет от употребления сих способов, оставляет человека без Христа, – без Коего и спасения нет. Вот как непрестанно толкуя о Христе, ваш новшак отдаляет от Него.

7) *Таким образом мы принимаем в себя Христа, Который уже, не взирая ни на что, никогда не покидает нас, но всегда пребывает в нас.*

«Таким образом приемлем Христа», т.е. таким, как он выше сказал, мысленным, духоборческим и хлыстовским. Нет, не таким образом приемлется Христос Господь, как уже я не раз говорил. Сам Господь иной от этого установил образ приятия Его, и помимо сего, Им установленно образа, другим каким-либо приятить Его не надейся никто.

А это: «принятый Христос, не взирая ни на что, уж никогда не покидает нас», откуда взято? Неужели Христос пребудет и в том, кто грехами своими, после принятия Его учиненными, кровь Его пограл и самого Его распял? (Евр. 6, 6; 10, 26–29). Грехи ведь делают душу и тело смрадными. Как же это наш новшак дерзает держать Господа в сем смраде? В плен, что ли, Он попал, быв восприят человеком? Бог сам свидетельствует, что грехи наши отлучают Его от нас. Так и Христос Господь оставляет согрешившего, в коем был прежде. И благоволение Отца отходит от него, и благодать Духа отстраняется. Там начинают властвовать другие духи. «Христос никогда уже не покидает нас; мы причастники жизни непременно», – что это за речи? Разве полагает он, что по приятии Христа человек уже грешить не может? Но это уж слишком произвольно. Непонятно это внушение. Если сам он о себе так думает и других учит так о себе думать, то вот и еще черта самопрельщения. Христос в нас, прибавим благодать Духа Святаго и благоволение Отца, – дотоле, доколе человек воздерживается от грехов и не отдаляет Их. Но Они, присущи бывая в нем, не вяжут его свободы. Почему всякий может пасть, на какой бы высокой степени совершенства ни стоял. А падет, Они отстранятся, – и останется человек один с грехами своими, и теми, кои ввергли его в грех, вместо милостивого Бога и Спаса нашего.

8) *Принявшему в себя Христа несвойственны смертные грехи; за грехи вообще он подлежит лишь временным наказаниям.*

Если первое положение разумеется под таким условием: пока Христос в нем, то, конечно, это справедливо. Но если полагается, что сие бывает по какой-либо необходимости, то тут нет истины. Первый бесплотный пал; бывший между апостолами пал; сколько примеров падения святых, мужей высокой жизни и чудотворцев?!

Стало быть, нелепо мечтать о безгрешности человека вообще заурядных. Правда, св. Иоанн Богослов говорит, что *рожденный от Бога не согрешает*. Но тут же прибавляет: *но блюдет себе* (1 Ин. 5, 18). И выходит, что он не согрешает потому, что блюдет себя. Не станет блюсти, и согрешит. Свобода всегда остается за человеком. И он может пасть, как бы высоко ни стоял и как бы близко к Богу ни был поставлен.

Последнее положение: «грехи вообще, – по ходу речи, – исключая

смертных, подлежат временному наказанию», – верно. Это такие грехи, в которые и праведник семь раз на день падает. Они все, как только признаны, очищаются внутренним покаянием; которые же из них остаются незамеченными, те отпускаются при общей молитве о грехах, неведомыми оставшихся, каждый вечер. Но все же и за них должно удовлетворять правде Божией. Милость Божия и устраивает сие, посылая временные очистительные скорби и лишения. Грехами и малыми шутить не следует. Кто считает важным праздное слово, или взгляд, на что-либо увлекшийся, или смех несдержанный и т.д.? Видим, однако ж, в словах Господа строгое их осуждение вообще у всех людей; у приявших же Господа и извинительные грешки могут оказаться не извинительными. Потому благодарно приемли, когда посещает скорбь.

9) *Вера во Христа, как дар Божий, никогда не отнимается у принявших в себя Христа; потому что дары Божии непреложны и вечны. Также остается при них и не отнимается у них благодать искупления.*

Дары Божии непреложны. – Правда ли? Если дары Божии даются не безусловно, а под условием предания себя Богу и божественным порядкам, расположение же сие может измениться по свободе человека; то нельзя говорить решительно, что дары Божии непреложны. В силу нарушения сего условия они могут быть взяты обратно. Над получившим мнас и ничего на него не приделавшим какой произнесен суд? *Возмите от него мнас* (Лк. 19, 24). Тот же суд и над верующим, когда он оказывается в чем-либо неверным вере. Вера – дар, но не безусловный и не непосредственный. Дару веры предшествует своеличная вера с покорением ей ума, возжелание веры и взыскание ее. То правда, что вера, яко дар, могуща, возвышенна, но не вяжет свободы ума. Ум может восстать на нее, придумать извороты и отложиться от ней, а затем увлечь к отложению и волю, и сердце, и всего человека. Где же после сего держаться дару веры? Он и отходит или вземлется.

И опыты таких отпадений во все времена бывали и теперь есть. Что же и говорить о неотъемлемости веры? И вообще о неотъемлемости чего-либо, как будто по некоей роковой необходимости, даже в области благодатной, утвердительно говорить не приходится. Потому что тут благодать действует совместно с свободой, и действует под условием самоохотной покорности свободы. Прекратись сие условие, прекратит и благодать свое действие.

Второе положение сего пункта, что остается неотъемлемой и благодать искупления, – тоже неверно. Благодать искупления пребывает, пока жива вера, и ревность жить по вере, держащая человека постоянно в подвиге самораспинания ради Господа, коим прививается человек ко кресту Господню. Замри вера и такая ревность, – а это возможно в свободной всегда твари, – отойдет и благодать искупления. Св. Павел почитает возможным для уверовавшего и приявшего искупление не только это, но и попать кровь искупительную и второе распять самого Икупителя, как же остаться в такой благодати искупления? Следовательно, несправедливо называть ее неотъемлемою.

О любви сказано, что она николиже отпадет, а при ней неотлучна и вера с упованием. Но такая любовь – верх христианского совершенства, для всех достижимого, но не всеми достигаемого. Не о всякой любви так можно сказать. Наша обычная любовь такова большей частью, что покажи только чечевицу, которая повкуснее, и мы готовы бываем отступить от своего любимого, хоть не навсегда, а только на этот случай.

Но и такое отступление – все же отступление. Таким образом, о неотменности и непреложности в отношении к человеку речь неуместна очень.

10) *Принявшему в себя Христа и потом согрешившему нужно лишь покаяться, и он тотчас получает непосредственное прощение, так как Христос есть неисчерпаемый источник милосердия и прощения.*

Это говорится затем, чтобы внушить, что христианину согрешившему не нужно исповеди и Богом установленное (авторизованное) разрешения от духовного отца в таинстве покаяния; а довольно вздохнуть в сердце о грехе, и он прощен тотчас, как вылетит вздох из груди. Даже и твердого намерения воздерживаться от греха при сем не требуется. Уж это чересчур льготно. Даже в обычных наших житейских порядках так легко не обходятся проступки, например, слуг и детей.

Грех всякого человека есть великое оскорбление Бога, написавшего в сердцах наших закон свой. Грех христианина несравненно более оскорбляет Бога, так как христианин и ведение заповедей яснейшее и полнейшее получил, и приял благодать, укрепляющую его на исполнение сих заповедей, и обетование богатейшее на исполнение положенное слышал и знает. Христианин же, принявший в себя Христа Господа, что есть высшая степень христианского совершенства, греша, оскорбляет Бога, надо сказать, безмерно. Апостол так и определяет, что он кровь Христову попирает, даже распинает самого Христа, принятого в себя, и Духа Святаго оскорбляет. И несмотря на такую неописанную страшность греха, христианину грешнику говорится: «Ничего, вздохни только, и ты прощен». Говорится так во имя неисчерпаемого милосердия Христова. Воистину Он бесконечно милосерд; но нисколько не поблажник. Не по Его разве внушению апостол написал выше помянутый суд над христианином грешником? Не от Его разве лица изрек он такой приговор? Над блудником коринфским св. Павел произнес страшный приговор предать такового сатане, разве не по Господню внушению? Вот почему и в древней Церкви явные грешники несли долгие и тяжелые епитимии. И получали прощение уже после того, как заявляли и искренность своего раскаяния и твердость намерения чуждаться прочее греха, не словом, а делом. Строгость сия в св. Церкви и доселе держится в покаянных канонах, по коим духовники налагают епитимии. И не думай никто получить прощение, не выполнив епитимии. Духовники-поблажники не добро, а зло делают кающимся, не налагая епитимии. И при епитимии чувство прощения от Господа не вдруг приходит, а надо много потомить себя и сокрушением, и лишениями, и слезами, чтоб возвратилась милость Божия в

сердце христианина грешника. Так бывает; соответственно сему идут и законы церкви о покаянии. Господь Спаситель всегда примет кающегося, но милость Свою вполне возвращает не вдруг: потрудись и докажи, что глубоко, а не мимолетно сокрушаешься, и опять милость Божия осенит тебя.

И это бывает только после исповеди и разрешения в таинстве покаяния. Без исповеди же и разрешения, хоть ты целую жизнь промучься, ничего не получишь. Ибо грех по крещении лишает благодати обновления духа. Ее надобно вновь сподобиться, чтоб помощью ее очистить втеснившиеся снова в дух, которое есть второе крещение в слезной купели. Поелику оно таково, то ему предшествует то же, что и крещению, т.е. вера, сокрушение слезами, исповедь с положением решения ходить прочее в воле Божией. Ради таковых расположений сердца, вместе с разрешительным словом отца духовного возвращается благодать, и, сочетаваясь с свободой, полагает снова начало духовно-благодатной жизни, подобно тому, как бывает сие при погружении в воду крещаемого с произнесением крещальных слов, какие произносить повелел Господь. Без этого же благодать не возвратится; следовательно, и духовной жизни в собственном ее значении не будет. Что касается до непосредственного прощения, то оно бывает лишь в отношении к грехам, ненамеренно прорывающимся, – каковых больше всего в помыслах и чувствах, меньше в словах и еще меньше – или чуть заметны они – в делах. Ревнитель богоугождения, страхом Божиим проникнутый, как только заметит такой проскользнувший грех, тотчас обращается к Господу, им всегда зримому, сокрушенно кается, осуждая себя, и прощен бывает. Но и при этом, коль скоро какой грех тяготит хоть сколько-нибудь совесть, лучше поспешить к духовнику и, исповедавшись, получить разрешение.

Такой порядок блюдет в церкви Божией, истинной блостительнице польз чад своих. Она, употребляя строгости, не тяготит и мучит согрешивших жажду изъясляет, а о том попечение показывает, что наиболее спасительно для согрешивших. Льготности и поблажки чужды ей, не по отсутствию материнской любви, а напротив, по пламенности сей любви. Она налагает тяготы, не как казни, а как спасительные врачевства. – То правда, что иным не нравится эта строгость; но это зависит от непонимания своих существенных польз духовных.

11) *Первым долгом принявшего в себя Христа должны быть благовествование, исповедание и проповедь.*

Это говорится не для чего другого, как для оправдания своего самозванства. Если у вашего новшака всякий верующий есть уже и приявший в себя Христа; то выходит, всякий верующий долг имеет и проповедать, – не просто может проповедать, а долг имеет; так что если не станет так поступать, то грешит. Можно так законополагать? Никак нельзя. Чтоб проповедовать, надо иметь способность к тому; а у всякого ли она бывает? – Если не у всякого, то нельзя на всех и долг такой налагать без ограничений, по крайней мере таким прибавлением: если кто способен. Но и из способных не всякий может исполнять сей долг как следует, потому только, что

способен. Надо поучиться вере и узнать ее основательно. Не узнавши хорошо догматов веры, при всей способности к проповеди, можно напутать и вместо пользы вред принести. Вот и еще ограничение. Но и этого мало. Надобно, чтобы выступающий на проповедь был благонадежен с нравственной стороны, иначе он будет одной рукой созидать, а другой разорять. Это и еще ограничение. Но пусть все это есть – и способность, и подготовка, и благонадежность: все ли тут? Нет; взявшемуся за дело сие надо вести его всеусердно, а для этого необходимо, чтоб душа его лежала к сему именно роду делания. Если не лежит душа, не сладить ему с собой, и дело проповеди не будет успешно. – Но пусть и это есть – душа лежит; может иной находиться в таких обстоятельствах, что ему никак нельзя взяться за это дело. Но пусть все благоприятно делу проповеди, – надобно же, чтоб был порядок в ведении сего дела; иначе произойдет толкотня, крайне вредная для дела: ибо если всякий уверовавший пойдет проповедовать, то возможно, что в одно и то же место и к одним и тем же лицам за одним придет другой, там третий и десятый, и один начнет проповедь с одного пункта, другой с другого, третий с третьего, – а когда не дана норма проповеди, как в православной Церкви Символ веры, то не дивно, что каждый что-нибудь и разное от другого воспроповедует. А от этого какого плода ожидать? Только сумятица! Бедные слушатели не будут знать, куда обратиться – заговорят их и закружат.

Вот сколько ограничений, и все они прямо выходят из существа дела проповеднического. Потому, будто всякий уверовавший имеет долг проповедовать, сказано очень необдуманно, – и, как я заметил вначале, только для того, чтобы оправдать свое самозванство. Наш самозванец свое проповедничество оправдывает словами Спасителя: *иже исповесть Мя пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим, Иже на небесех* (Мф. 10, 32). Но эти слова не могут оправдывать, ибо здесь говорится об исповедании, а не о проповедании и благовестии. Это два действия разные. Исповедающий Господа только свою веру в Него исповедует, когда требуют обстоятельства, не имея в мысли обращать к ней других; а проповедующий только и имеет в виду, что обращение других к вере, им проповедуемой. Проповедующий, само собой, есть уже и исповедающий. Он может и намеренно вводить в проповедь свое исповедание, когда его уверование представляет особые доказательства небесного происхождения веры, как делал св. Павел. И исповедающий тем самым, что исповедует, уже проповедует. Может и он к исповеданию приложить и проповедь, как и делали многие мученики и мученицы. При всем том исповедание и есть и признается особым действием, при коем не требуется необходимо и проповедь. Исповедник, давший исповедание и без проповеди с целью обращения, есть исповедник. Потому нельзя так толковать места Писания, в коих говорится об исповедании, будто они говорят о проповедании.

В первенствующей Церкви, где, кажется, очень было бы уместно, чтобы больше уст познавало веру в Господа, не видим, чтоб каждый уверовавший выходил на проповедь или был обязываем к тому. Апостолы

других кроме себя проповедников воспитывали при себе. Так воспитан св. Тимофей при св. Павле. Эти воспитанники при апостолах тогда исправляли дело проповеди, или что-либо касающееся проповеди, по их указанию и руководству, а после них остались уже начальными проповедниками, и подобно тому, как сами были воспитаны при апостолах, при себе воспитывали преемников себе, давая и им заповедь обучать способных, чтоб они потом и других обучали. Так это началось, так продолжалось, так и ныне есть в православной Церкви, – что наличные правители Церкви воспитывали и воспитывают преемников себе, и их определяют на дело проповеди. Оттого в Церкви Божией царствовало и царствует единство верования и всех порядков церковных. Таким образом очевидно, что проповедание не было никогда делом всякого верующего, но что проповедники были избираемы и приготавлиемы к сему делу старейшими учителями веры.

А ваш самозванец как был подготовлен?! Вчера танцевал, бегал по балам, театрам и гуляньям, а ныне взял в руки Евангелие, и ну проповедовать. И жди от него истины! Где же ему попасть на след учения св. Церкви, – со времен апостолов единого и неизменного, когда он и не заглянул ни к одному православному пастырю, чтоб хоть общее что православное послушать? Да если б он и сделал это, и точно узнал православную веру, как дерзнул выступить на проповедь, не будучи послан? Разве у вас там нет старейшего архипастыря? Вот и очевидно, что он самозванец и не знает истины Божией: ибо если бы знал ее, не стал бы самозванничать.

Сказанного достаточно, чтоб уверить тебя, что благовествование и проповедь не есть не только первый, но и хоть бы какой-нибудь долг всякого верующего. Первый долг верующего – очистить себя от страстей, чтоб уготовать себя в храм триипостасному Богу. Для проповеди же и благовестия назначаются способные, или дар на то получившие, подготовленные, надежные по нраву, возревновавшие о сем деле и никаких к тому препятствий во внешних своих обстоятельствах не имеющие, – назначаются старейшими в Церкви учителями и действуют по их указанию и руководству. Кто иным путем выступает на проповедь, тот самозванец и, очевидно, правой веры не ведает и не содержит.

12) *Благовествование, проповедь и добрые дела суть непрменные последствия принятия в себя Христа.*

Вот уже тут исповедание выпущено, – верно по сознанию, что ему нельзя стоять в одном ряду с проповедью. И прежде-то оно вставлено, чтоб только текстик можно было прицепить к нему, и тем прикрыть свое самозванство. Что-де делать? Долг велит, и проповедую. Христос сказал: *Аще кто исповесть* и проч. Боюсь, что не исповедует Он меня пред Отцем, и проповедую. Но хоть бы он тысячу раз каждую минуту это повторял, не может заглушить сознания своего самозванства. Оно и тревожит его.

Почему новое придумывает основание: как принявший Христа, не могу не проповедовать; проповедь – необходимое последствие принятия в себя Христа. «Откуда это ты взял?», – спросить бы его.

Уверовавший чрез божественные таинства св. Церкви вступает в общение с Господом Спасителем, приемлет благодать Св. Духа и объемлется благоволением Отца Небесного. Необходимым сего последствием есть пламенная ревность, во всем до малейшей случайности, ходить в воле Божией, с отвращением от всего противного тому. На сие тщание все привнести заповедует св. Петр (2 Пет. 1, 5); о сем только помышлять и сие только искушать велит и св. Павел (Фил. 4, 8; Рим. 12, 2). Пересмотри и следующие места: Еф. 5, 17; 6, 6; Кол. 1, 9; 4, 12; 1 Сол. 4, 3; 5, 18; Евр. 10, 35; 15, 21; 1 Пет. 4, 2; 1 Ин. 2, 17), – и убедишься, что главное твое дело волю Божию исполнять, а не в проповедники соваться. Что же касается до круга деятельности каждого в сем духе, то он указывается дарованиями и естественными, кои тоже от Бога, и благодатными. Апостол Павел и говорит, что *всякому дается дарование Духа на пользу* (1 Кор. 12, 7). А св. Петр определяет: *Кийждо якоже прият дарование, между себе сим служаще* (будьте, – или служите, 1 Пет. 4, 10). Итак, кто получил дарование учения, тот учи (Рим, 12, 7); но не самочинно, а подчиняясь распоряжениям старейших учителей, чтоб в Церкви Божией было *все благообразно и по чину* (1 Кор. 14, 40). А чтобы всякий должен был непременно учить, и даже более – не мог удержаться, чтоб не учить, – это выдумка вашего самозванца новшака, который всячески ухитряется закрасить как-либо свое неблагообразное самозванство.

13) *Каждый принявший в себя Христа непременно творит добрые дела, которые не спасают человека, а суть плоды веры; из нее они вытекают сами собою.*

Тут что ни положение, то ложь или путь ко лжи по причине неопределенности выражений.

Непреренно творит дела. Да есть ли кто или был ли кто когда, который бы творил добрые дела непременно? Непременное не по воле бывает; а доброе дело, чтоб быть добрым, должно исходить из доброй воли и твориться самоохотно: *Не по нужде благое твое да будет,* – пишет св. Павел Филимону, *но по воли* (Фил. 1, 14). И римлян он учил *миловать с добрым изволением* (Рим. 12, 8). А коринфян прежде сего предостерегал он: *Смотрите, давайте якоже кийждо изволение имать сердцем: доброхотна бо дателя любит Бог* (2 Кор. 9, 7). Посему дела, непременно бывающие, никак не попадут в круг добрых дел.

Ни Христос Господь, облакающий верующего в крещении, ни благодать Духа Святаго и с дарами Его, подаемыми в миропомазании, ни благоволение Отца Небесного, объемлющее его вследствие того и другого, – не неволят его на одно добро, а оставляют за ним полную свободу избирать, что хочет, и делать, что изволяет. Если он после сего делает добро, то сие потому, что исходит из купели ревнителем добрых дел, облеченным и силой на творение их. Но сия ревность произвольно им воспринята в минуты сокрушенной скорби о грехах и взыскания помилования; благодать же Божия, пришедши потом, укрепила ее и сделала мощной. Но свободы человека ничто из сего не

связало. Всякое дело, сознание им обязательным для себя, свободно им избирается, хотя по побуждениям, вынесенным из хода совершившегося в нем изменения; свободно избирается, свободно оно и творится, – хотя все с помощью благодати Св. Духа.

Это присутствие свободного произволения при доброделании осязательнее всего видится в том, что никакое доброе дело не обходится без борьбы, – своеобразной борьбы человека, с худыми позывами, всегда возникающими пред лицом доброго дела. По оживлению духа благодатью, как я толковал тебе прошлый раз, душа и тело еще остаются в узах прежних дурных склонностей, привычек и страстей. Вот они-то и лезут всегда к ревнителю добрых дел при всяком деле, предлагая себя вместо сего дела. Ревнителю предлежит прогнать их и восстановить чистоту настроения относительно доброго дела, особенно со стороны побуждения к нему. Но и тут еще не все. Как только придет момент совершения дела и, следовательно, напряжения на то сил, выступает лень и вяжет руки и ноги. Надо победить и ее. А там, как только сделано первое на добро движение, встречаются препятствия, непредвиденные, нередко воздвигаемые врагом всякого добра. И их надо преодолеть. И вот после каких борений, трудов и усилий творится наконец добро. – Как же можно приложить к нему, что оно бывает непременно? Оно бывает непременно с помощью благодати Божией; но благодать приходит на помощь и не иначе помогает человеку, как идя по следам его произволения. Всякое дело есть плод взаимодействия свободы и благодати.

Добрые дела не спасают. – Как так не спасают? *Се гряде скоро,* – говорит Господь, – *и мзда Моя со Мною, воздати коемуждо по делом его* (Откр. 22, 12). И будет, что кто делал добрые дела, тот пойдет в рай, а кто не делал их, тому наследие – ад, т.е. первый спасен будет, а второй пойдет в пагубу. У св. Матфея Господь предызобразил суд, имеющий решить вечную участь каждого, – и смотри, как составится приговор: вы сделали то и то, приидите же, наследуйте Царство; а вы не сделали этого, – идите же в огонь вечный (Мф. 25). Как же говорить, что дела не спасают, когда в решительный для нас момент ничто, кроме дел, не берется во внимание? Почему по всему пространству Писания непрестанно твердится нам: «Делайте, делайте».

Спросишь: «А как же говорится, что кто веру имеет, спасен будет, и что без веры и угодить Богу нельзя, и под.?» – Это говорится не в умаление значения добрых дел, а в показание, как преуспеть в добрых делах. Спасение от добрых дел; но в добрых делах преуспеть как должно без веры нельзя. Вера подвигает на добрые дела, вера указывает их, вера приводит и к получению сил на делание добрых дел. Почему вера пособница к делам добрым. Главное – дела, а она – пособие. Вон ты привел текст-то: *Без веры Богу угодити не возможно.* Что это значит, думаешь? Что кто верует, тот и Богу угодил?! Нет. Богу угодить нельзя иначе, как покорностью Ему и точным исполнением воли Его святой, которую для нас Он объявил в заповедях. Почему тот и угодник Божий, кто заповеди Его исполняет. Но как

в исполнении заповедей преуспеть нельзя без веры, то и говорится, что угодить Богу нельзя без веры.

В прошлый раз я тебе объяснял, как все бывает. Вера пробуждает совесть и страх Божий. Страх Божий с совестью приводят к решимости оставить грех и начать жить добродетельно. Решившийся так приступает к таинству крещения, если в первый раз обращается, или покаяния, если стал грешником по крещении, какими бываем все мы. Обновившись в таинстве, он выходит сильным на добро ревнителем добрых дел и начинает их делать. Не получив благодатных сил, не с чем добрые дела творить, а без веры благодати не получишь. Так все это и нужно для спасения: и вера, и благодать, и добрые дела.

Добрые дела суть плоды веры, из нее они вытекают сами собою. Как хлопочет ваш самозванец и новшак уволить себя и увлекающихся его выдумками от всякого труда и напряжения нравственных сил?! Веру только прими, а добрые дела уж сами собой потекут из нее. – Словно хочет уложить всех на покой. Уверовал, и лежи; лежебоками вас хочет сделать. Да еще что выходит? Вера во Христа, говорил он (пункт № 9), – дар Божий, а добрые дела суть плод веры и сами собою вытекают из ней. Теперь смотри! Когда придет Господь на Суд, и станет спрашивать: «Ты что не делал добрых дел?» – тогда, кто посмелее из учеников вашего новшака, может возразить, подобно тому в притче, кто на свой мнас ничего не приделал: а чем бы они наделались у меня? Когда бы Ты дал мне веру посильнее, она бы уж сама наделала их. Но как Ты не дал такой мне веры, то и некому было наделать их для меня. – Вот и прав! Видишь, как льготно? В сей жизни лежи на боку, – пусть вера делает дела, коли хочет; а на суде отговориться можно. Одного только не сказывает ваш новшак, как быть, если Судия не примет в резон такого заявления? Схватят слуги и потащут в достойное место. Где возьмешь силы противостоять? И бухнешь в пещь вечно пламенеющую огнем.

Сами собою вытекают. Выбрось из головы, если туда попала мысль об этом – *сами собою*. В нравственно религиозном порядке жизни ничто само собой не бывает. Всякое даже малейшее дело должно быть сделано сознательно и по своеличному напряжению сил. И только сознательные и свободные дела бывают собственно наши дела, за которые и жди или награды, или наказания. Все же дела, кои в нас сами собою бывают, помимо сознания и свободы, цены никакой не имеют. Благодать Божия, присущая всегда верующим и крещенным, возбуждает, но не нудит; и потом когда решится человек на дело какое, она не берется сама за него делать его, а только стоит близ самолично и самоохотно действующего человека, всегда готовая помочь. Коль скоро при всем усердии и напряжении своих сил человек не силен бывает доделать дело, она тотчас подходит и помогает. Осязательно ты можешь это видеть в терпении чего-либо ради Господа и заповедей Его. Всякое доброе дело должно идти так: сознай его обязательство для тебя, возжелай сделать его, и воодушевление на то возьми из сокровищ веры; затем, помолившись и благодать Божию призвав на помощь, приступай

к делу и трудись себя не жалея, славы ради имени Божия. Всякое дело и будет как заново творимое.

14) *Крещение не пользует того, кто сознательно не принял в себя Христа.*

Если это говорится по скрытой мысли, что и без крещения можно обойтись или приять Христа, то это ложь. Если же говорится только в отношении к несознанию в себе Христа, то об этом вот что скажем. Сознательное приятие в себя Христа, или ощущение приемлемого и приятого Христа, есть высшее дарование в порядке жизни христианской, когда христианин, подобно св. Павлу, исповедать может: *Живу не тому аз, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). Но сие дарование не вдруг дается. С верой крещаемый облекается во Христа, следовательно, приемлет Его; но ощущение сего не всегда тут же дается. Не всегда оно дается тотчас же, и когда кто восстанавливает в себе благодать крещения в таинстве покаяния. А когда кто по крещении или покаянии потрудится ради Господа без жаления себя и принесет побольше Господу жертв самоотвержения, и когда таким образом очистит себя достаточно от страстей и греховных привычек, тогда уже Господь даст ему и ощутить свое присутствие. До того же времени Он пребывает в нем неощутимо, хотя во всем помогает ему. И здесь бывает то же, что в обыкновенном порядке божественного промысления. Многие из промыслительных для нас дел Божиих бывают невидимы, когда бывают, а усматриваются после, и то не все; иные навсегда остаются неувиденными. Так и в благодатном порядке спасительной жизни иное ощущается, иное не ощущается. Так бывает и в благодатном действии вселения Господа, или восприятия Его; не всегда оно бывает ощутимо. Некто (Диадок в Добротолюбии) пишет, что благодать Божия в момент запечатления собой обращающегося в таинстве дает ощутить сладость свою во всей силе; а потом скрывает свои утешения и возвращает их снова уже после того, как ревнитель спасения многими претрудными и прескорбными опытами покажет несокрушимой свою верность, и когда очистит сердце от всего, что в нем было нечистого и страстного. Таким образом, несознание или неощущение в себе Христа не есть показатель неприсутствия Его. Следовательно, о том, кто не имеет такого сознания или ощущения, никак не следует говорить, будто крещение его или исповедь были бесполезны. И самому неощущающему не следует так думать, коль скоро он удостоверен в совести своей, что ни в чем себе не поблажает и что воспринятая им в крещении или покаянии ревность жива и действенна. Стремиться к такому состоянию, чтоб ощущать Господа в себе, или благодать Его, должно всякому, ибо сие всяк христианин; но когда сего ощущения или сознания нет, то не то надо вывести: стало быть, крещение или покаяние бесполезно, – а усугубить ревность к подвигам молитвы и самоотвержения и к трудам доброделания, чтоб очиститься от страстей. Тогда и Господь вселится так, что и ощутить Себя даст.

15) *Каждый, принявший в себя Христа, может уразуметь все Святое Писание и истолковывать его другим. Впрочем, до некоей степени понимать*

Священное Писание может каждый, даже и не принявший в себя Христа.

Это открывает просторный вход произвольным толкованием Божия слова и всякого рода заблуждениям, или возведению в непреложные истины своих личных мнений. Можно ошибочно признать себя принявшим сознательно Христа, и затем уже все мысли, рождающиеся при чтении Писания, считать от Христа внушаемыми, а они могут быть очень далеки от истины. Потому Церковь Божия никаким таинственным внушениям не доверяет, но для оценки верности постижения и истолкования Писания имеет неизменную норму христианского видения – Символ веры, общность верования православных христиан всех времен и мест. Эта норма и должна быть руководительницей в понимании и толковании Священного Писания. Ничто не сообразное с ней не может быть признано за верное понимание и толкование Писания.

Ваш самозванец считает себя принявшим Христа; а видишь, сколько он выпустил неверных мнений, хотя Евангелия из рук не выпускает? Отчего? Оттого, что не считает себя обязанным держаться нормы христианской истины, содержимой Церковью; освободившись же от ограничения себя ею, всякую мысль, – свою личную, ему понравившуюся, – возводит в чин непреложной истины, и таким образом разоряет истину Божию. Так все ереси порождались, порождаются и будут порождаться. Из отделившихся от Церкви, которая есть столп и утверждение истины, никто надлежащим образом не знает истины Божией. И всякий, кто отделяется от Церкви, по тому одному, что Писание будто научило его понимать истину Божию иначе, нежели как понимает ее св. Церковь, не истину Божию постиг, а свое личное мнение возвел в истину и состоит в заблуждении.

Кто преискренне сочетается со Христом Господом, кого осиявает обильнее божественная благодать, тому дается не новые какие истины открывать в Писании и постигать, а те же истины, какие содержатся св. Церковью, постигать полнее и глубже и созерцать яснее. Благодать Духа Святаго о Христе Иисусе Господе по благоволению Отца возводит ум не только что обратившегося, но по обращении много над собой потрудившегося и соделавшего себя чистым сосудом, годным для вселения совершеннейшей истины, – возводит в яснейшее созерцание той или другой истины и в сем новоозаренном виде печатлеет ее потом в сердце, или срастворяет с его духовной жизнью, делая ее неотъемлемым ее достоянием. Так по своему усмотрению делает она со всякой истинною; а наконец и все их в подобном новом свете вводит в ум и сердце. Если непрестающий себя совершенствовать взойдет повыше по лестнице очищения сердца своего, то благодать еще яснейшего сподобляет его постижения, созерцания и усвоения истин Божиих. Но это не новые истины, а все те же, только они совершеннее постигаются, ибо глубине их и высоте меры нет. Сие да ведает всякий, чтоб когда явится кто, новые некие истины возвещающий, якобы новые откровения, не колеблясь отвращать слух от его вещаний, не сомневаясь, что они суть бредни его воображения.

Этот пункт ваш самозванец выдумал, чтоб внушить: «Слушайте, слушайте; сам Христос вещает устами моими!» Может быть, точно вещает им кто-нибудь, но никак не Христос; ибо Христос Господь есть истина, а в его словах нет истины. Христос Господь есть глава Церкви, и не ищи Его у того, кто отделился от Церкви. Сей уже по сему самому не есть Христов.

16) *Церковь сама по себе, а прежде всего нужно искать Христа.*

Церковь сама по себе – что за мысль? Если говорится это в такой мысли: Церковь пусть себе, – нам до нее дела нет, как до чего-то стороннего, – мы и без нее обойдемся; то это совершенная ложь. Если же говорится в той мысли, что внешний строй Церкви и все ее порядки богослужебные, освятительные и руководительные (дисциплинарные) не суть главное, а служат только к выражению, воспитанию и ограждению внутреннего, нравственно-религиозного строя христиан, то это верно. Только не надобно при сем забывать, что Церковь не есть только то, что видится в ней внешнего, но она совмещает в себе и все внутреннее, духовное и благодатное. Кто истинно в духе Церкви живет и действует, тот и внутренний, и духовный, и благодатный. Почему, собственно говоря, нельзя сказать: «Церковь сама по себе», – ни в каком отношении. Надо тебе истину знать и веровать в нее: где ты ее возьмешь помимо Церкви, *яже есть столп и утверждение истины* (1 Тим. 3, 15)? Надо тебе благодать приять: где ты обретишь ее, кроме Церкви, хранительницы таинств, без коих не подается благодать? Надо тебе руководство верное иметь, и в деле ведения, и в деле жизни: где ты его встретишь, помимо Церкви, в коей единой есть богоучрежденное и Богом поставляемое пастырство? Надо тебе с Господом Иисусом Христом сочетаться: где ты сего сподобишься, если не в Церкви, коей глава есть Христос Господь? Сообрази все сие, – и не можешь уже сказать: Церковь сама по себе.

Прибавка: *«А прежде всего нужно искать Христа»*, – так поставлена, что дает мысль, будто Христа Господа можно обрести без Церкви и помимо Церкви, – что по сказанному пред сим совершенно немыслимо. Помимо же связи, в какой стоит здесь сие положение, оно содержит истину, – ту, что Христос Господь, приемля кающегося в общение с Собой, не тотчас дает ему сознать и ощутить сие общение, а только полагает начатки тому. Покаялся, уверовал, положил работать Господу, отвергшись всякого нечестия, всякой неправды, приял на то благодатные силы, – работай же теперь, не жалея себя. Но смотри не останавливайся на одной деловой стороне, а созидай паче свое внутреннее чрез нее, чтоб, устроив в себе благоукрашенный дом, приять наконец и Господа в явные и ощутимые обитатели. Сие имей в виду, к сему стремись, сего ищи, пребывая верным исполнителем всего содержимого и внушаемого тебе св. Церковью.

17) *Христос вселяется в людей грешных и нечистых, лишь бы они в Него уверовали.*

Христос вселяется не в грешных и нечистых, но в бывших грешными и нечистыми и переставших быть такими. И это бывает не ради одной веры, но

и ради решимости последовать Господу Спасителю, порождаемой верой, с чистосердечным раскаянием во грехах и отвращением от них, – и еще непременно чрез посредство таинства крещения или покаяния. Кто прошел все сие, т.е. и внутренне изменился и таинствами освятился, тот в сознании, совести и произволении, или в духе, чист стал. С сим-то очищенным и восстановленным духом и вступает в общение Христос Господь. Благодать Св. Духа восстанавливает нам и дух, и очищает и делает его достойным приять Христа Господа. – Но, как я говорил, когда дух наш очищается и освящается, душа и тело еще остаются в нечистоте по причине греховных склонностей и привычек, в них вкоренившихся. Почему они не удостоиваются еще приятия в себя Господа тотчас. Но духу дается сила очистить их искоренением в них всего нечистого и страстного, к чему направляет он труды добродетели и подвиги молитвы и самоумерщвления. Когда очистятся наконец и они, тогда и в них вселяется Господь, и не только дает ощутить свое вселение самому очистившемуся, но и видеть то сторонним, способным к такому видению. Так надлежит разуметь дело вселения Господа в верующих. О сем сам Господь свидетельствует, когда говорит, что кто заповеди Его исполнит, к тому Он и Отец Небесный приидут, предшествующу Им Духу Святому, уготовляющему для Них в нас достойное Их светлое жилище. Вполне же исполнившим заповеди не может именоваться никто из неочистивших себя совершенно от страстей.

18) Бог так возлюбил мир, что для нашего спасения разлучился с Сыном Своим.

В первый раз прочитав это, я подумал, что записывавший мысли вашего новшак, должно быть, ослушался; потому что это есть уже очень грубая нелепость. Но потом стал думать и думаю, что она могла быть в самом деле высказана вашим новым просветителем. Думаю так потому, что как он все толкует об одном Господе Спасителе, то, надо полагать, Он представляется ему отделенным от Отца и Духа Святаго и вне Их сущим. Представляя же Его так, ничего нет дивного, если, желая возвысить милость Божию к нам, он и выражается показанным образом. Если б он не чуждался Церкви, то был бы избавлен от такого ни с чем несообразного образа представления отношений Бога Отца и Сына, ибо в церковных песнях и молитвах многократно повторяется, что Сын Божий хотя воплотился, но не оставил недр Отчих.

Заметь однако ж этот пункт, – и попытай еще у кого, не слышали ль, чтоб удостовериться, говорил ли он так. Это очень важно для нас узнать, ибо если он так говорил не раз, то значит, так умствует; а если так умствует, значит, очень недалек в познании догматов веры.

19) Все вечные награды и наказания равны. Обитатели многие значат именно многие, но не разные; так как у Бога нет лицемерия.

Можно бы сказать на это: если Бог сподобит нас внити в живот, то тогда увидим, как все там будет. Теперь же можно довольствоваться тем удостоверением, что там будет такое блаженство, какого мы и представить не

можем. Ищи только и всеусердно делай то, чем можно заслужить его. Но как уж заведена о сем речь, то нельзя не сказать хоть что-нибудь относительно сего.

Противится сему общее чувство справедливости, Богом в совести нашей положенной. Как можно на одну линию ставить подание стакана воды жаждущему с мученичеством за Господа, ужасным и продолжительным, или праздное слово с богоубийством? Господь придет воздать каждому по делам. Если дела не равны, и это очевидно, то и воздаяние не может быть равно. Удел блаженства каждому присудится и дан будет такой, сколько кто вместить в себя может сего блаженства; вместимость же сия определится тем, как кто раскрыл свое естество для принятия небесных благ, а раскрытие это зависит от трудов над собою. Если разны сии труды, разное раскрытие естества; если раскрытие сие разное, разная вместимость; если разная вместимость, разная и степень блаженства. Относительно разности мучений можешь судить по противоположности сему, т.е. они будут соответствовать степени погружения в грехи и ожесточения в них.

Между тем, поелику у каждого, несмотря на разную вместимость, не останется пустого места, не наполненного блаженством, а он весь будет полон им, то следует, что все вполне будут блаженны, и никто не будет чувствовать себя менее блаженным, чем другой.

Причиной равенства воздаяния поставляется то, что у Бога нет лицепрятия. – Странно. По сей-то именно причине и не может быть равенства в воздаянии, что у Бога нет лицепрятия. По притче, пять мнас приобретший получает власть над пятью городами, а два – над двумя. Почему? Потому что у Бога нет лицепрятия, – не на лицо смотрит Он, а на дела. Может быть, это у вашего просветителя выходит из того, что у него все от веры. Но и вера имеет степени. Нет, эта мысль очень далека от истины.

20) Все дни равны, не исключая и воскресенья.

Да, равны; все имеют 24 часа. Но что бывает в тот или другой день, не все равно. Если бывающее с нами и для нас неодинаковое оставляет в нас впечатление, то и дни, в кои бывает то или другое, не могут быть для нас одинаковыми. В какой день радостное что мы получили, тот считаем радостным, и когда он снова приходит, радуемся, вспоминая радостное, бывшее в течение его. Относительно печальных событий бывает противоположно сему. Празднует ли ваш новшак день своего рождения или именины? Если празднует, вот и опровержение им же самим своего странного положения.

Это он изволил выпустить, вероятно, против св. праздников наших. Но если он не чтит св. праздников, то поступает нечестиво и неразумно. Праздники установлены для воспоминания благодеяний Божиих и для воздаяния благодарения за них всемилостивому Богу. Можно воспоминать сии благодеяния и благодарить за них каждый день, как и делает св. Церковь в своих каждодневных службах. Но Божии благодеяния столь велики, что зараз обнять их все во всей силе нельзя; не объявши их вполне, нельзя вполне

и восчувствовать их благотворности; не восчувствовавши благотворности, нельзя и благодарения возыметь соответствующего им. Посему-то, несмотря на всегдашнее воспоминание сих благодеений, св. Церковь назначает на воспоминание каждого из них особый день, – тот, в какой оно явлено нам, насколько сие можно определить. В этот день уж все мысли верных обращаются к одному воспоминаемому благодеению, чтоб полнее его уразуметь, восчувствовать и благодарно прославить. Вот и праздник. Отсюда выходит, что сколько обязательно наисовершеннейше благодарить Бога за благодеения Его нам, столько же обязательно и праздники иметь; далее, – если неблагодарный Богу не чествует, то не чествует и праздников не празднующий.

Кроме того, праздники, как и весь богослужебный чин нашей св. Церкви, имеют воспитательное значение. Они веру оживляют и углубляют, давая повод к уяснению и большему уразумению догматов. По течению времени года, праздники, выдвигаясь один за другим, представляют вниманию и размышлению христианскому то один, то другой догмат. Церковные песнопения излагают его благоукрашенно, чтения из Писания в церкви определяют его словом Божиим, поучения пастырские изъясняют его и прилагают к жизни, по опытам жизни. И все сие слагается в душу празднующего. Так круглый год идет догматическое обучение верующего.

Они воспитывают также дух благочестия и жизнь по вере. Ибо отрывая от житейского и к духовному обращая внимание, возгревают в душе небесные чувства или дают ей вкусить и напитаться небесными благами. Для обремененного житейским, желающего, однако ж, и небесного, это то же, что из душевной комнаты выход на освежительный чистый воздух. Это бывает вообще от впечатления, какое оставляет в душе одно присутствие в церкви, видом своим представляющей небо, особенно же возбуждением молитвенных к Богу восхождений и благоговейного настроения самой службой. Кто как следует совершит праздник в церкви по-церковному, тот едва ли уклонится в тот день и далее на что-либо небогоугодное. А иной праздник свет свой бросает от себя иногда далеко вперед. Во все это время, возгретые в день его чувства не отходят, – и продолжают держать благотворное в душе настроение.

А без праздников, ныне житейское, завтра житейское, и послезавтра то же, и так без конца. Чего ожидать от такого порядка, кроме оземления всех помышлений и чувств? Люди праздные, без трудов имеющие все вдоволь, могут и при этом почитать и помолиться, – а рабочие и трудящиеся не имеют этой возможности. И следствием беспраздничности непременно должно быть оскудение благочестивого духа. К тому же работающему и отдохнуть надо, чтоб собраться с силами, а без праздника стыдно это позволять. Таким образом беспраздничность и дух подавляет, и телесные силы измождает.

Теперь все присланные тобой пункты осмотрены. Несколько из них я пропустил, потому что они не представляют ничего достойного замечания.

Видишь? Ни одного пункта нельзя принять без ограничений,

пополнений и пояснений, из общей суммы православно исповедуемых истин, чтоб не попасть на ложный путь и к ложному не уклониться мудрованию. По этому можешь судить безошибочно, что душа, породившая все такие положения, истины Божией надлежащим образом не видит и не знает.

К тому же, не чуешь ли ты, как по всем пунктам проходит дух лести и прельщения? Точь-в-точь такое же впечатление производят спиритские книги, писанные духами лестчими чрез обольщенных ими посредников своих. Мне и подумалось, уж не спирит ли ваш новшак и посредник тех духов, которые обольстивши его, бедного, чрез него обольщают и других видимостью истины, скрывая под ней пагубные лжи свои. Не утверждаю этого; но думать так, начинаю думать.

Собирай побольше, какие у кого остались, его премудрые изречения. Тогда выяснится, что он такое. А теперь пока оставим за ним титуло молоканина. – Спасайся.

Пятое письмо в С.-Петербург по поводу ереси тамошней

Нужно бы теперь писать тебе против того, что говорят ваши новшаки, – будто *ничего не нужно*: веруй в Господа, – и все тут. Но сколько я ни твердил тебе разведать, что такое они разумеют под *ничего не нужно*, ты все молчишь. Кое-что видно о сем из их речей; но надо бы знать то поопределеннее. – Как перерыв наших с тобой бесед и без того уже долог, то больше ждать не буду; и, пока-то ты там разведаетшь об этом, берусь потолковать с тобой о том, *что нужно*, оставляя тебе, и всякому другому, самому сделать заключение, что коль скоро кто говорит, что *этого нужного* не нужно, то говорит ложь.

Речь же мою о сем пристрою к тому, о чем мы толковали с тобой в предыдущих письмах. В первом письме сделано общее начертание всего, необходимого для спасения. Так оно и есть. Без всего того нет спасения. Там сказано: «Хочешь спастися? – Веруй всему богооткровенному учению, и приемля благодатные силы, яже к животу и благочестию, чрез св. таинства, живи неуклонно по заповедям Божиим, под руководством богоучрежденных пастырей, но все сие в духе св. Церкви Божией, по ее законоположениям, и с ней состоя в живом союзе, и спасешься». Сказано так и доказано из божественного Писания, что все сие необходимо нужно, и почему нужно. Нечего бы после того и толковать об этом. Но я боюсь, не пропускаешь ли ты, или другой кто, без внимания последнюю строчку: *Все сие в духе св. Церкви Божией, по ее законоположениям и с ней состоя в живом союзе*. Между тем, это столь существенно в деле спасения, что не будь сего, все другие пункты не будут иметь надлежащей силы; и спасение не состоится. Почему я и положил потолковать с тобой об этом особенно.

Тебе уже известно, что в одиночку никто не спасается, что Господь из всех верующих благоволил сочетать единое тело и сам стал Главой его и что кто ни спасается, спасается не иначе, как в Церкви, т.е. в живом с ней состоя

союзе, а чрез нее и с Господом. Об этом и не буду распространяться. Укажу только тебе, как все в ней приспособлено ко спасению.

Но наперед понуждаюсь напомнить тебе, что, говоря о решительной для спасения необходимости состоять в живом союзе с Церковью, я разумею под Церковью не всякую без разбора Церковь, носящую имя христианской церкви, а единую истинную Церковь, св. апостолами основанную Церковь и доселе верно хранящую все, чрез них в ней богоучрежденное, – каковой Церковью есть наша св. православная восточная Церковь, – и кроме нее никакая.

Церквами христианскими, как тебе, конечно, известно, именуются, кроме православной нашей Церкви, церковь латинская, и многие христианские общества протестантские. Но ни латинской церкви, ни тем паче протестантских общин не следует признавать истинными Христовыми Церквами; потому что они несообразны с апостольским Церкви Божией устроением.

Латинская церковь есть апостольского происхождения, но отступила от апостольских преданий и повредилась. Главный ее грех – страсть ковать новые догматы, по своему смышлению и своеволию. Сначала она изобрела догмат о происхождении Духа Святаго от Отца и Сына или чрез Сына, – это давно, в начале ее отпадения от истинной Церкви, – а вот на нашей памяти еще придумала два: о непорочном зачатии Божией Матери и о непогрешимости папы. Ей кажутся такие новоизобретения обогащением и возвышением совершенства Церкви; на деле же это порча Церкви, и порча очень существенная. Учение о происхождении Св. Духа и от Сына или чрез Сына повреждает догмат о Пресвятой Троице; учение о непорочном зачатии Божией Матери повреждает догмат о повреждении нашего естества в падении и отчасти об искуплении; учение о непогрешимости папы человеку самочинно присволяет Божеское свойство и повреждает общее учение о Боге и человеке. Так у нее повреждены существеннейшие части христианского исповедания, – о Пресвятой Троице, об искуплении и вообще о естестве Бога и человека. Все сии учения чужды апостольскому преданию, и суть измышления человеческие, и как таковые, походят на пристройки к зданию, не по плану и стилю здания, и не из того же материала, – или на то, как если б кто в цельное виноградное вино подлил какой-либо жидкости, противной его естественному составу. Как той пристройкой портится здание, а этой примесью – вино, так теми учениями латиняне повредили и испортили св. веру, св. апостолами преданную. Особенно разрушителен последний новый догмат о непогрешимости папы. После него недоумеваешь, как и смотреть на эту церковь.

Что касается до протестантских общин, то хотя и можно называть их христианскими потому, что они толкуют о христианстве, но никак Христовыми Церквами. Христова Церковь устроена св. апостолами по начертанию и плану самого Господа, Духом Святым уясненному и утвержденному. А эти общины устроены людьми самочинно и по плану, ими

самими сочиненному. У них есть многое, взятое из апостольского предания, но всему дан иной строй, иное место и иной смысл. Они разорвали прежнее здание Церкви, брали из нее, что казалось пригодным по их мыслям, прибавляли свое, и из смеси того и другого слагали свою общину. Что же тут Христово? В здании главное – идея здания и план по ней. Как у них то и другое не Христово, а свое, своим умом измышленное, то эти общины несправедливо именовать Христовыми Церквями. Ибо Христу в устройении их не дано части. – Правда, они говорят, что заимствовали указания на устройство своих общин из Писания. Но идея и план построения Церкви не были преданы Писанию, потому не могли быть оттуда позаимствованы. Можно наведения некие делать об них из написанного; но наведения дают только вероятности, а не подлинную истину. Истинную идею и план Церкви Божией апостолы осуществили на деле в устройении Церкви. Кто возжелал бы их познать, тому следует обратиться к самой Церкви Божией, и на ней сему научиться, а не из Писания братья извлекать их, когда они туда не положены. Они там видны отчасти: но чтобы узреть их, надо наперед ознакомиться с ними из действительного устройства св. Божией Церкви. А протестанты как поступают? Разорят Церковь, и потом из обломков ее с приложением кое-чего и своего строят новую самоизмышленную. Можно ли ожидать, чтоб они напали на след Божия начертания истинной Церкви!?

После сего сам можешь сделать неложное заключение о протестантских церквях, что, поелику они строены не по Божию, а по самоизмышленному плану и такой же идее, то не суть подлинные церкви Христовы, а поддельные. Они то же, что фальшивая монета, или лучше, что фабрикованное вино. Фабрикованное вино, и по виду и по вкусу иногда и по аромату, бывает похоже на естественное вино, настоящее; но в существе своем совсем не оно есть, хотя золотыми буквами надписывается, что это такое-то, такое-то вино. Так и эти церкви, по надписи Христовыми кличутся, но в существе не суть таковы. Их прилично называть фабрикованными церквями.

Первый начал эту фабрикацию Лютер, а потом, с его легкой руки, за то же взялись и другие, и нафабриковали церковей множество. Но все еще недовольны. Фабрикование церковей стало боевой жилой протестантства. Оттого среди их оно все еще продолжается, и, кажется, будет продолжаться до скончания века. Недавно англичане сфабриковали апостольскую общину, Ирвингианскую, которой отродьем, кажется, был тот англичанин, что завел у вас новшества. Но об этом после.

Все фабриканты церковей исходили и исходят из той мысли, что Церкви Божией, как она апостолами устроена, нет на земле; что я и называю разорением старого. Но как без Церкви быть нельзя, то надобно ее снова построить, к чему они и приступают смело, почитая себя к тому призванными потому одному, что это пришло им в голову. Но как строить, по каким указаниям? Конечно, по Писанию, как же иначе? Бросаются в Писание, и ну рыться. В Писании, как я говорил, не изложен план здания

Церкви, но содержатся только некие неясные намеки на него. Нападая на такие намеки и истолковывая их по своему, они берут их в основу плана здания Церкви и немедленно приступают к устройению самой церкви. Как один из них берет одно в основу своей церкви, другой – другое, третий – третье, то у каждого выходит своя церковь, непохожая на другие. Выходит, сколько умов, столько планов церквей. Сколько планов, столько и церквей. А настоящей ни одной. Разность их, сама бросающаяся в глаза, довольно сильное должна бы подавать вразумление, что ни один из фабрикантов их не попал на след истины. Но как все они имеют в основании нечто от Писания, то всякий из них затрудняется признать себя ошибающимся, а напротив, твердит, что он только один и попал на след должный. Так и стоят сии церкви одна подле другой, – все почитая себя настоящими церквами, и не будучи ни одна такою.

Я нарочно об этом тебе толкую, чтоб ты ведал, что коль скоро кто начинает речь вести о том, что будто нет истинной церкви Божией на земле, то это, наверно, фабрикант церковный, замышляющий сфабриковать новую церковь, – и ведая сие, наперед заключал, что как бы мудро и красно на вид ни повел он дела, несомненно не попадет на истину и сфабрикует поддельную церковь. Если нет на земле апостольской Церкви, то где же с нашим умишком додуматься до того, как она устроена была апостолами? Нечего потому и братья за это дело возустроения Божией Церкви. Да ведь и не для чего. – Есть на земле апостольская Церковь, по неложному обетованию самого Господа. Эти фабриканты церковные двояко виноваты: и тем, что берутся за дело, к которому не призваны и способов не имеют, и тем, что не трудятся увидеть истинную Церковь Божию, которая по неложному обетованию Божию должна быть на земле до скончания века, или нарочно искривляют глаза свои, чтоб не видеть ее, когда она стоит во очию их. Этот труд искания и обретения истинной Церкви был бы достоин похвалы; а этот труд фабрикования церкви – смеха достоин. Тот спасителен, а этот в пагубу ведет и фабрикующего и увлекающихся вслед его.

Вот и ваш новшак, ты думаешь, спроста мычется там у вас по городу? Нет, и он конечно загадал сфабриковать свою церковь. Ведай же и толкуй всем, что хоть не совсем ясно, какую он задумал сфабриковать церковь, но то несомненно, что и она не будет истинною. Нечего потому и тянуться к нему, – а особенно нам, сынам истинной Божией апостольской Церкви. Уж конечно, не мудрее он всех предшествовавших ему фабрикантов церковных. Потому нет сомнения, что и плод трудов его будет такой же.

Ты передавал мне речи некоторых, что-де и он говорит о церкви, даже напечатал об этом. Уж не подумал ли ты, что это говорит он о православной Церкви, так как прежде был сыном сей Церкви? Но где же у тебя, – или у вас там глаза? Вы же ведь бываете у него на собраниях? Есть ли там хоть одна черточка маленькая из того, что бывает обычно в православной Церкви? Не говорю об иконе какой, даже крестного знамения у них нет, даже молитвы Господней не читают, а вместо сей божественной молитвы и других наших церковных боголепных молитвословий поют какие-то стихи, плохо

составленные, скудные содержанием, и в добавок с гуделкой (фисгармонией). А в Церкви-то Божией он бывал когда-либо с тех пор, как сбился с пути? Бывали ль в ней и те, которые увлечены им, с тех пор, как увлеклись? Так нечего тебе и останавливаться, а прямо решай, что и он, и они совсем отпали от истинной Церкви Божией и суть отступники от ней. Верить же ему в том, что он напечатал, и на волос нельзя. Там он рисуется пред публикой всемирным учителем, и чтоб сразу не оттолкнуть от себя, поминает и о церкви, и о другом кое-чем, не веруя ничему тому по-православному, как надо полагать, потому, что он отложил все, бывающее в православной Церкви. Говоря о Церкви, он, верно, понимает какую-либо заоблачную, может быть, ту, которую он сфабриковать задумал; но уж никак нельзя полагать, чтоб это была истинная православная Церковь. Да в этом и сомневаться нечего. Дома он совсем иначе о сем говорит; иначе говорит и пред слушателями, которых считает втянувшимися в его лжеучение. Иногда, может быть, и ненамеренно, заговорившись, и проговаривался. Вот из этих случаев и получилась весть, что он церкви знать не хочет. Ты писал об этом, передавал мне некий благоговейный священник чрез одно лицо то же, а некто и напечатал в Вестнике, что он учит, что ничего не нужно, – ни Церкви, ни прочего церковного. Вот три свидетеля.

Сбился я речью на этого новшака вашего, – а имел в мысли рассуждать вообще о ненастоящих церквях. Но не беру назад; пусть и это все идет в строку. – Да впрочем, это можно оставить и без оговорок. Потому что такое течение речи привело нас к уверению, что ваш новшак Церкви Божией знать не хочет, мечтая, однако ж, что он чрез это несколько не уклоняется от пути спасительного. Как для вразумления его и увлеченных им ничто столько не сильно, как указание, что для спасения существенно необходимо состоять в живом союзе с единой истинной Церковью Христовой, то к сему указанию естественно и переходим, как и положили в начале письма.

Говорим: желающему спастись необходимо быть в живом союзе с истинной Церковью Христовою. – Почему? Потому что Господу угодно было в ней единой совместить все, потребное для спасения.

Припомни, что у нас с тобой сказано в третьем письме – что в деле спасения надобно различать две стороны: то, что Господь совершил нашего ради спасения, именно: стяжания Господом чрез воплощенное домостроительство блага во спасение наше; и то, что мы должны делать с своей стороны для получения спасения, – наши в содевании спасения труды. Из того и другого, – чрез сочетание их в лице спасаемого, – спеется дело спасения. Всякому можно сказать: позаботься удостоиться приятия сокровищ спасения, стяжанных Господом, – усвой их себе и употребляй как должно, и спасешься. Но сие двоякое дело совершаться достоительно может и совершается только в св. православной Церкви. В ней и благодатные сокровища ко спасению, и практика всего того, что от тебя требуется для твоего же спасения, с руководством в том, и словом и примером.

Слыша: «Позаботься удостоиться приятия благодатных сокровищ

спасения», – ты невольно можешь прийти к вопросу: «Где же их взять? Где прийти с ними в соприкосновение и как вкушать их?» – Они все в Господе, а Господь, стяжав их, вознесся на небо и воссел одесную Отца. Как достигнуть до Него? И кто силен к тому? На это скажу тебе: «Никак не достигнешь, и никто не силен к тому; но не приходи от этого в ужас. Господь вознесся на небо, а блага, Им для нас стяжанные, оставил на земле, вверив их святой Своей Церкви».

Св. Церковь православная есть сокровищница благ спасения. Что бы тебе ни нужно было для спасения. – все то найдешь в ней, и только в ней. Помимо ее и сам Господь не дает сих благ. Так благоволил устроить сам Он. Став Главой Церкви, Он не иначе действует во спасение наше, как чрез сие тело Свое. И не ищи к Его сокровищам спасения другого доступа. Его нет.

Господь Спаситель, яко ипостасная Премудрость, принес в Себе самом на землю, из таинниц триипостасного божества, всю спасительную премудрость. Но не удержал ее сокровенной в Себе самом, а сначала преподал ее апостолам, заповедав им преподавать ее и всем верующим из всех языков. Апостолы предали ее всему сонму верующих, заповедав преемникам своим блюсти ее. И стала церковь столп и утверждение истины, которая, водворившись в ней, пребывает в ней и будет пребывать до скончания века. Хочешь ведать эту премудрость? Иди в Церковь православную, верную блюстительницу всего, преданного апостолами, – и у нее поучайся ей.

Кроме *истины* Господом и *благодать бысть* (Ин. 1, 17). Воплотившись нашего ради спасения, Он принес Себя в жертву искупления нас и открыл тем путь нисхождению к нам Духа Святаго с благодатными силами Своими. Отсюда два существеннейших блага воплощенного домостроительства в спасение наше, – оправдание и освящение. И их оставил Господь на земле и вверил их Своей Церкви.

В Церкви Божией стоит, непрерывно приносимая, жертва Тела и Крови Господа, по заповеди Его, и в той силе, в какой благоугодно было Господу установить сие учреждение. Жертва сия приносится в определенное время, но как с движением солнца и час сей движется по земле с востока на запад с промежутками, едва, или совсем не заметными, то само собой очевидно, что жертва сия в каждое мгновение приносится на земле, или вернее – непрерывно стоит. Господь ходатайствует о нас на небе пред лицом Бога и Отца. Но там нет крови. Кровь Свою благоволил Он таинственно источать в святой Церкви Своей, яко Глава ее, в таинстве Тела и Крови. *Сие творите*, – заповедал Он, – *в Мое воспоминание*. *Сие*, т.е. Тело ломимое и Кровь изливаемую во оставление грехов. Так оправдательный и ходатайственный покров простерт и стоит над Церковью, привлекая и препровождая к нам всякие милости Божии. Хочешь быть причастником сих милостей? Бывай, сколько можешь чаще, на жертве сей и общение с ней держи, если не вкушением ее, то сокрушением и плачем.

Кровная жертва открыла путь нисхождению к нам Святаго Духа, от коего все благодатные силы, яже к животу и благочестию. Без сих сил

спасению нашему содеваему быть невозможно. Необходимо потому всякому стяжать благодать Св. Духа. Но непосредственно Дух Святой сошел только на апостолов; после же них благодать Св. Духа сообщается верующим уже не иначе, как чрез особые посредства, или таинства, по указанию Господа Духом Святым чрез апостолов учрежденные. И таинства сии вверены св. православной Церкви и суть в ней единой. И стала Церковь сокровищницей не истины только, но и благодати. Чувствуешь потребность благодати? Иди в православную Церковь, приступи к таинствам, и получишь благодать всякую, какую взыщешь.

Возрождения ищешь? Взыщи его в св. православной Церкви. Она, и только она породит тебя водой и Духом в таинстве св. крещения. – Дара Духа Святаго ищешь? Взыщи его во св. православной Церкви. Она, и только она преподает тебе его в таинстве миропомзания. – Согрешил? Каешься и ищешь врачевания душевных ран и разрешения уз совестных? Иди в православную Церковь. Она, и только она, в лице пастырей своих приютившая власть вязать и решить, разрешит тебя от грехов и исцелит раны души твоей врачевательными обязанностями. – Нужду имеешь и ищешь преискреннейшего общения с Господом? Иди в св. православную Церковь. Она, и только она, дав тебе вкусить Тела и Крови Господа от жертвы Его, ею всегда приносимой, сделает, что ты будешь в Господе и Господь в тебе, по неложному Его обетованию. – Ищешь положить благодатную основу семейству своему? Иди в св. православную Церковь. Она доставит тебе сие благо, запечатлев благодатью брачный союз твой в таинстве брака. – Немооществуешь телом и ищешь врачевания? Обращайся к Церкви святой. Она доставит тебе сие благо и с отпущением грехов, чрез таинство елеосвящения.

Столько благодатных сокровищ вверено св. Церкви! – Приставниками же и раздаятелями их поставлены сначала апостолы, а потом их преемники, которые и сами получают особую на то благодать чрез таинство священства, в Церкви же Божией. Таинство священства – верх таинств благодатных, ибо без него остались бы недейственными и все другие таинства, – и Церковь превратилась бы в безблагодатную.

Так ипостасная Премудрость Божия, создав себе дом св. Церкви, утвердила в нем столпов (отделений) семь, и всех приходящих к ней, по ее призыванию, обильно питает и напаяет разнообразною своей благодатью. Семь источников благодати. Но два из них текут неразлучно с течением всей жизни спасаемого. Это таинства покаяния и св. причастия, дающие благодать оправдания и благодать освящения, – благодати, источные в жизни спасительной. Они развивают, укореняют, возвышают в духе человека все, потребное для спасения. И чем кто чаще пользуется ими, тем успешнее зреет его духовная спасительная жизнь. А без этого, она скоро засаривается, вянет и гложет.

Видишь, что вверено св. Церкви?! Не думай же и другому никому не позволяй думать, будто можно без живого союза с Церковью устроить свое спасение, когда без сего союза с ней нельзя нигде найти и получить

благодатные силы ко спасению. Да, живое общение с Церковью и есть приятие чрез ее таинства сих сил. Почему живое общение с св. православной Церковью столько же необходимо, сколько необходимо сподобление благодатных во спасение сил.

Вторую половину дела спасения составляет собственный наш труд в содевании его. Казалось бы, что он должен быть совершенно предоставлен свободе каждого. – Предоставлен, правда, но не вполне. Св. Церковь и сюда притекает своим влиянием и властью. Я разумею под сим не указания только и поощрения, но известные порядки и труды, исполнение которых есть содевание того, что содевать требуется от нас нашего ради спасения. Известные труды во спасение возлагает св. Церковь на верующих, как долг, не стесняя, однако ж, свободы к самоохотным в том же роде начинаниям и деяниям, а напротив, поощряя к ним и давая в отношении к ним руководство словом и примерами. Сама церковь возлагает известные труды во спасение, и потому, что желает, чтоб все были как один в содевании спасения, и потому, что, считая труды те необходимыми в деле спасения, не полагается на свободную охотность к ним каждого по немощам самоугодливости нашей; а руководство свое дает в прочих свободных сего рода делах и начинаниях, потому что, по неумению, иное дело и труд можно сделать так, что вместо пользы выйдет от того вред делу спасения.

Но вот ты и сам все это увидишь ясно. Припомни, что у нас сказано в третьем письме о лежащем на самом христианине деле трудиться во свое спасение. Там, по объяснении, как зарождается в нас спасительная жизнь, показано, как затем должна быть она ведена, чтобы дойти до цели своей, – именно, что решившемуся содевать свое спасение и приявшему на то благодать, предлежит, действием облагодатствованного духа своего, очистить душу и тело от страстей и перенастроить их на всякое добро, чтоб сделать храмом, достойным Бога, обетовавшего вселяться в верующих и ходить в них.

Не буду всего того повторять. Беру одно это главное положение: надо душу и тело очистить и перенастроить силой духа облагодатствованного. – Что для сего потребно? Потребны подвиги для тела телесные, для души душевные, для духа духовные, ибо и его надобно оживлять и укреплять, чтоб он постоянно чувствовал себя обладающим силой властно действовать на душу и тело.

Телесные подвиги нужны потому, что тело служит седалищем страстей. Не смиришь плоти, не будешь иметь успеха в преодолении страстей. Надо потому преутрудить плоть лишениями пищи, сна, покоя и всякого услаждения чувств. Но угодница страстей и страстолюбица есть душа. Ее потому еще больше, чем тело, надлежит взять в руки и трудить. В ней возникают помыслы и пожелания страстные и влекут к страстным делам, потому что в ней живут самые страсти. Дело спасающегося – прогонять сии страстные движения и на место их восстанавливать и водружать добрые мысли, чувства и расположения. Это действование и все другое, что для сего

делается, составляет предмет душевных подвигов. Наконец, подвиги духа – молитва и богомыслие, и все, что для сего предпринимается, как вспомогательное средство.

На сии подвиги указывал Спаситель в Нагорной беседе, когда давал наставление, как поститься, творить милостыню и молиться. Под постом совмещены здесь все подвиги телесные, под милостыней – душевные, под молитвой – духовные. У содевающих свое спасение действительно дело так и идет, что они проводят жизнь в молитве, доброделании и постническом воздержании. И вот к сим-то делам св. Церковь, обязывая верующих к трудам в содевании спасения, и приновляет некоторые свои законоположения, порядки и учреждения.

Как поприще для телесных подвигов, назначены в ней св. посты, – однодневные в среду и пятницу каждой недели, и в некоторые другие дни года, и многодневные, – четыре больших поста.

Как поприще для душевных подвигов, кроме тех же постов, определены в ней разные благотворительные учреждения: больницы, богадельни, сиротопитальни, странноприимницы.

Как поприще для духовных подвигов, есть в ней непрерывное последование молитвословий церковных, с наставительными на них чтениями и беседами, – молитвословий, обнимающих всю жизнь человека в разнообразных ее направлениях и положениях,

Не вдаюсь в подробное объяснение всего сюда относящегося. Делаю общее обозрение или указание, чтоб только ты видел, что все содержимое св. церковью, все ее чины и порядки благочестные целесообразны и верно направлены к содеванию спасения всеми верующими. – Пост погашает похоть; доброделание изгоняет гнев и раздражение; оба вместе заграждают главные источники страстных движений (т.е. похоть и гнев) и воспитывают противоположные им добрые расположения и настроения. Молитвословия же, возвышая дух горе и вводя его в общение с областью божественной, дают ему вкусить духовных стихий, чтоб потом ими одухотворять душу и тело и все окрест человека.

Все эти установления св. Церкви: молитвословия, посты, благотворения, – занимают и обязывают все тело Церкви, как одно лицо (в малом виде – это приход). Но это не стесняет свободы каждого, кроме сих общих трудов, избирать и держать свои частные, – свои пощения, свои молитвы, свои доброделания. Но св. Церковь, как попечительная о спасаемых мать, и на эту часть трудов верующих простирает свою заботу, заповедуя приступать к ним с совета и по указанию духовных отцов и предлагая примеры к подражанию в прежде живших отцах и братиях, каждодневно воспоминаемых.

Прохождение всех таких трудов по указанию и руководству Церкви составляет поприще общехристианского *подвижничества*. Но в Церкви Божией есть особые учреждения, в которых подвижничество в молитвах, пощениях и служениях всем с забвением себя составляет исключительную

цель. Исходя из коренных потребностей духа и существеннейших стремлений христианских, сия мироотречная подвижническая жизнь, быв проводима как следует, скоро любимцев своих возводит на высшие степени христианского совершенства и обогащает их, а чрез них и христианство, ведением о духовных вещах, недосязаемых при прочих порядках жизни.

Таким образом, как видишь, Церковь Божия и для второй половины дела спасения, т.е. нашего труда в содевании его, содержит чины, учреждения и порядки, исполняя которые, всякий, без особых напряжений, в ряду других движась, или в общем теле Церкви состоя, содевает свое спасение мирно, не выдаваясь и не отставая от других. И вот что я разумел, когда говорил в первом письме, что все вы спасение свое содеваете покойно и мирно. Ибо действительно так и есть, что все живущие по уставам св. Церкви и в духе ее идут спасенным путем, или спасение свое содевают.

Мы особо рассматриваем учреждения и порядки Церкви, лишаящие нас причастными благодатных сокровищ спасения и дающие нам поприще для собственных наших трудов в содевании спасения; но в действительности они входят одни в другие, и живущий по ним от одних переходит к другим, и нередко все проходит их зараз, как это бывает постами и вообще во время приготовления к исповеди и св. Причастию. Вот это и есть жизнь в живом общении со святой Церковью и в духе ее, – в коей чрез таинства божественным наитствуется человеческое, а в прочих чинах, и особенно в молитвословиях, подкрепляемых постом и доброделанием, – человеческое возвышается до божественного, и благодатно духовный рост благоспешается всесторонне.

Будем называть ее жизнью церковною. Примени теперь ее к тому, что у нас прежде положено необходимым ко спасению, и увидишь, что живя церковной жизнью по всем порядкам и уставам св. Церкви, ты будешь верным исполнителем всего того, т.е. будешь и веру св. соблюдать, и благодатью чрез таинства преисполняться, и верно исполнять заповеди и состоять под руководством богоучрежденных пастырей, – будешь, то есть, верно содевать свое спасение.

Как все сие есть во св. Церкви по намерениям самого Господа о спасении нашем, то, живя жизнью церковной, ты будешь в живом союзе и с Господом и с устроителями церкви, апостолами, и с продолжателями их дела св. святителями, и с верными исполнителями всего – св. мучениками и св. Отцами преподобными, – и спасение твое обезопасено, если пребудешь верен сему союзу. Ты будешь как в безопасной пристани, как в крепкой ограде, как под несокрушимым покровом. Жизнь церковная и от мира тебя отградит, и от стрел невидимых врагов сохранит невредимым, – и непрестанно будет напаять тебя притоками духовных стихий, под влиянием которых жизнь твоя христианская будет обильно развиваться и зреть, восходя от силы в силу, невидимо среди видимых твоих трудов и дел. Чуждающиеся же церковной жизни бывают обыкновенно скудны духом и духовными движениями, хотя во всем прочем являются исправными.

Посему можешь судить, сколь велик злодей есть тот, кто отбивает других от церковной жизни. Он есть настоящий душегубец. Таков ваш новшак, враг Церкви Божией и Божий.

Предупреждаю тебя, что если кому-либо из лиц одного духа с вашим церквеотступником придется прочесть строки сии, то ты непременно услышишь: «О, это есть оплотенение христианства», – или: «Это есть возвращение к иудейству», – или другое что подобное. – Зри, не ужасайся. В Церкви есть видимые учреждения, но в них ничего нет плотяного, а все духовно; есть уставные законоположения, но они совершенно чужды всякой примеси иудейства. И главное, – все в ней или от Господа непосредственно, или от Господа чрез апостолов и их преемников по внушению Духа Святаго.

Все это я, может быть, вздумаю разъяснить тебе поподробнее, вслед за сим. А теперь спасайся и о мне Бога моли.

Шестое письмо в С.-Петербург по поводу ереси тамошней

Судя по тому, что писано доселе, особенно в последнем письме, ты сам можешь заключить, что если кто из живущих нерадиво, т.е. пополам с грехом, или совсем грешно, придет в сознание своей неисправности и возжелает исправиться, то ему вот что предлежит сделать: сознав, в возрождении таких помышлений, благодать Божию, зовущую его ко вступлению на путь спасения, возблагодарить Господа за такую великую милость и поспешить воспользоваться ею, по намерению Дарователя; для сего, не давая рассеяться или заглохнуть этим первым спасительным помышлениям и движениям, позаботиться, размышлением и молитвой довести их до такого напряжения, чтоб под влиянием их образовалась безотлагательная решимость тотчас же приступить и к делу, внушаемому теми чувствами, т.е. бросить жизнь неисправную и начать исправную, затем исповедаться и, получив разрешение во всех грехах, с принятием и епитимии во уврачевание своих душевных ран, причаститься св. Христовых Таин, в воссоединение с Господом, Которого отдаляли от него доселе грехи его; наконец, укрепившись таким благодатным обновлением, начать самым делом новую жизнь в делах благочестия, – молитвах, посте и воздержании и всевозможном доброделании, как все сие ведется у благоговейных христиан, истинных сынов Церкви, по указанию и руководству ее.

Все покаявшиеся и начавшие жить благочестно так делают и, с помощью благодати Божией, от грехов оберегаясь, в добрых же делах преуспевая, все более и более греховные вожделения в себе подавляют, а добрые расположения укореняют, и чрез то приходят в совершенную чистоту сердца, которая и делает их достойными того, что сам Господь вселяется в них по Своему обетованию – что есть конечная цель и верховное благо христианское.

Кому не желательно достигнуть сего блага, выше которого ничего нет и быть не может? Но если желательно благо, то надобно возжелать вступить и

на путь, ведущий к нему, – именно, прописанный выше; ибо другого нет. Есть, однако ж, мудрецы, которые загадывают и блага того достигнуть, и миновать означенный путь, – не по каким-либо твердым основаниям, а просто по капризу сердца. Противнее всего им эта исповедь и с ней связанная епитимия, затем и прочее все: хождение в церковь, поклоны, посты, уединение и подобное. Крайне неприятно. – Они и бросают это; но как устранить себя от того ни с того ни с сего, совестно даже пред собой, то они придумывают нечто в оправдание свое; а иные до того втягиваются в свои оправдательные умствования, что считают их решительно верными, и на них построив свой особый образ содевания спасения, выступают с проповедью о нем, как о верном пути ко спасению, с укорением порядков, держимых истинными сынами Церкви православной, по внушению и руководству сей непогрешимой матери своей.

Одни из таковых, как я поминал тебе в конце прошлого письма, в оправдание своего от церковной жизни отступления обзывают порядки церковные оплотнением и отелесением христианства, долженствующего будто быть чисто духовным, ибо Бог Дух есть, и иже кланяется Ему, духом и истиной должен кланяться, – а другие возвращением к иудейству: не коснися, не вкуси, не осяжи. Полагать надобно, как есть и свидетельства, что и ваши веро- и церквеотступники такие же иногда держат речи и такие же питают суемудрия. Ибо сам видишь, что они отбросили все наши церковные порядки, в которых православные христиане Богу служат и благоугождают, выражая и вместе питая тем свое истинно христианское благочестие, – разоблачили себя от всего, оголили, суеверно чая чрез то быть духовными.

Что они дурно и предурно поступают, это само собой очевидно. И толковать бы нечего. Но опасаясь, как бы и из вас иной, слушая часто их бредни, не запутался в них, я считаю нужным поговорить с тобой и с теми, кои около тебя, об этом поподробнее.

Начинаю с первого укора, будто у нас христианство овеществлено, оплотнено, отелесено. Это говорят они, смотря на наши церковные порядки, или нашу церковную жизнь, видимо и телесно проявляемую и совершаемую. У вас, говорят, все только обряды и обряды, и больше ничего. Исполнил обряд, и покоен, – принимала ли в том участие душа, или нет.

Скажем им: христианство в высшей степени духовно, ибо благодатно; но не невидимо. И христиане истинные в высшей степени духовны, ибо непременно облагодатствованы; но не бесплотны. Почему, при всей духовности наивысшей, они не могут не действовать телесно не только в отношении к людям, но и в отношении к Богу, – в самых духовейших движениях сердец своих. Отсюда следует, что смотря на видимое, чем выражается христианская жизнь в Церкви и христианах, несправедливо все в них и ограничивать сей одной видимостью. Не справедливее ли, напротив, под этим видимым провидеть невидимое и духовное, как в слове мы осязательно встречаем сокрытую мысль.

Иных, может быть, сбивает в сем деле с толку слово *обряд*. Поясним

значение сего слова. Возьмем богослужебную часть, потому что в ней наиболее выражается церковная жизнь, или в ней наиболее видна, прикрывая или и совсем закрывая собой другие части подвига и добротворения (пост и милостыню). Что есть каждое священнослужение? *Ряд* молитв читаемых, поемых и мысленно к Богу возносимых. В этом существо священнослужения. Но как мы заключены в пространство и время; то всякое такое служение требует своего времени, своего места и порядка, своей обстановки, *обряда*, того, что неизбежно включает ряд молитв, хотя не составляет существа служения. Священник в известном месте, в известное время, в определенном порядке, как положено в церкви, совершает свое священнослужение, при чем и он, и причт, и христиане присущие держат себя в известном положении. Все сие есть *обряд*. Но существо дела не в этом внешнем, а в *ряде* молитвословий, совершаемых при сем. Это же все привходит, потому что мы пространственны и временны и что на станем делать, делаем в свое время, в своем месте и в известном порядке. И кто бы стал в этом полагать существо дела, сделал бы большую ошибку.

Возьмем простое дело – писание письма. Тут перо нужно, чернила нужны, бумага нужна; нужно тебе и своим положением приспособиться к писанию. Но все это внешняя обстановка, – такая, что без нее не напишешь письма; но и когда она есть, нельзя сказать, что письмо пишется или напишется. Письмо в уме и сердце образуется. Когда потом оно обычным порядком выразится на бумаге, совершится письмописание и явится письмо. Зародившееся в душе вызвало соответственное действие телом, – и явилось дело совершенное. Таково и всякое священнослужение и молитвословие. Возбуждается в духе потребность и желание вознестись к Богу с прошением или благодарением. Это вызывает известное молитвенное действие телом, которое, быв совершено, являет дело молитвы, или молитву совершенную, – в коей внутреннее и духовное сочетано с внешним и телесным. Смотри на пишущего письмо, ты не думаешь, что во внешнем положении пишущего и в порядке его действия все дело письмописания. Не думай и не говори того же и о молитве и служении Богу, видимо телом совершаемых. Вот пример. Старушка просит священника отслужить панихиду на могиле сына или дочери, внука или внучки. Священник надевает епитрахиль и идет на могилу; причетник несет кадило и свечу. Смотри издали, что там делается на могиле? Священник читает и кадит, причетник поет, старушка кладет поклоны, стоя на коленях. Затем почитали, попели, покадили и пошли назад. Дело поминовения совершено. Но в чем тут существо дела? В том духе веры, который подвиг старушку пригласить священника совершить церковное поминовение; в таком же или и сильнейшем духе веры, с которым священник начал, продолжал и кончил *ряд* положенных молитвословий. А прочее все что есть? – Прочее все есть обряд, обстановка, неизбежная по условиям нашего теперешнего существования, – не случайная, однако ж, но соответствующая как значению сего служения, так и настроению совершающих и участвующих в нем. Тут сочетано

внутреннее и внешнее, духовное и телесное. И кто остановился бы вниманием на одном внешнем, не проходя до внутреннего и все существо служения сего поставил бы во внешнем, не думая о внутреннем, тот обнаружил бы грубое неведение дела.

Таковы все наши церковные молитвенные обряды. Они все совмещают в себе духовнейшие молитвословия, и кто совершает их или участвует в совершении их, о том следует говорить, что он духом ходит, выражая то и рядом внешних действий. Стало быть, как сам видишь, нельзя говорить, что у нас в церковной жизни оплотняено, отелесено христианство, – и мы только внешние христиане. Не понимающие дела могут так суесловить, в обличение своего невежества. Хлысты, например, обзывают нас суетными церковниками, а ваши вероотступники, кажется, суеверами, потому одному, что мы веру свою и свое служение Богу, считаем нужным являть и выражать внешним установленным порядком. Но как мы при сем силу полагаем не во внешнем, а во внутреннем, или веруем не в силу внешнего чина, а в силу внутреннего к Богу обращения и притом церковно, то такую веру и такое упование нельзя называть суетными, ибо им даны самим Господом обетования. Суетны те, которые помимо Церкви чают служить благоугодно Богу; ибо таким не даны обетования. В приведенном примере эти настоящие суеверы суетные говорят: «Покадит священник, а они веруют, что это спасительно для усопших». Но я уже тебе объяснял, что мы полагаем силу не во внешнем при сем чине, а во внутреннем духе, с каким он совершается; теперь прибавлю: и совершается по установлению Церкви. Священник с присущими представляет и совмещает в себе всю Церковь, – и молитва тут бывающая бывает столько же сильна, сколько сильна вся Церковь, в ее целом составе, – Церковь, коей глава Христос Господь. Смотри на внешний чин, или обряд, иной может еще приходить к вопросу, какая от этого польза; а содержа в мысли существо дела и значение священнослужения церковного, никто не задаст такого вопроса. Так и о всем церковном разумей. Церковь представляй преисполненной небесных сил. Приди только кто в соприкосновение с ней, – и причастится сил ее. Вводят в сие соприкосновение разнообразные церковные молитвословия, или молитвенные чины. Они то же суть для нас в жизни, что в опытах физических проволоки, проведенные до соприкосновения с сильной батареей электрической. За какую проволоку ни возьмись, хоть самую тоненькую, сила притока к тебе электричества определится не проволокой, а батареей. Так и в жизни, чрез какой чин ни прикоснись к церкви, ты коснешься всей ее силы. – Суетна ли такая вера, когда Господь есть глава ее и преисполняет ее всю и во всем? Вот вне Церкви, так что ни делай, ничего не будет выходить.

Так вот, – когда тебе придется толковать с кем-либо из ваших, отпавших от Церкви, и он, претендуя на духовность, обзовет тебя суеверным обрядником, ты поскорее растолкуй ему, что есть обряд и сколь велика сила церковной молитвы. Этим ты заставишь его замолчать, ибо тогда речь его будет, как стрела без цели, на ветер. К нам она нейдет. Не мы – обрядники

суетны и суеверны, а скорее они – безобрядники.

Говоря все сказанное, я имел в виду богослужebные чины церковные, но и другие части церковной жизни (пост, милостыня) также должно разуметь, т.е. что существо и в них составляет дух, с каким они совершаются, а не видимость, в какой являются. И в пощении есть своя, Церковью утвержденная внешняя сторона, которая наипаче видна во время говения. И милостыню, по заведенным в Церкви порядкам, тоже творят разнообразно: то обеды для нищих строят в известные дни, то по тюрьмам и богадельням ездят с подачами, то больных посещают, а на папертях церковных все уже по силе своей подают бедным, что смогут.

И это все – обрядового свойства церковные порядки. Но и здесь, – хотя внешнее входит глубже в дело, – существо дела не во внешних порядках, а во внутреннем настроении духовном. В пощении, и вообще в подвигах, существо дела не в одном отказе себе в пище, сне и прочем, а в духе покаянного сокрушения и смирения и в отрешении от всякого самоугодия. Равно и в милостынетворении, или вообще в доброделании существо не в одном внешнем деле, а паче во внутреннем расположении, – в милостивости, возгреваемой воззрениями на Господа всемилостивого, святую заповедь Его и славу имени Его.

Ваши отступники от Церкви, оголившие себя от всего церковного (голыши), кажется, претендуют очень на духовность, чуждаясь всего внешнего, даже крестного знамения. Потому потолкуем побольше о вере нашей, как ей подобает быть, голой ли или облаченной во внешнюю благолепность.

Смотри, как совершенно наше спасение? Бог, чистейший дух, благоволил, нашего ради спасения, воплотиться, пожить на земле, яко человек, пострадать, умереть, воскреснуть, вознестись на небо и сесть одесную Отца. Все сие видимо, внешне, телесно. Чего ради? Того ради, что спасению нашему невозможно было иначе быть устроено. Если б было возможно совершить сие как-либо духовно, то Богу духовнейшему зачем было бы отелеситься? Но надлежало, восприяв наше духовно-телесное естество, провести его самым делом, жизненно, по всему пути из глубины падения до высоты восстановления. Это и совершил Господь, открывая новый для нас путь к обновлению падшего естества нашего. Если же для устроения образа нашего спасения надлежало духовнейшему Богу сверхъестественно воплотиться и действовать телесно, то как же можно нам, естественно-телесным, содевать свое спасение по сему образу некакo бестелесно, мысленно и духовно? Путь спасения открыт нам телесным шествием по нему Бога; есть ли же ум у тех, кои гадают пройти по нему вслед Господа во спасение свое духовно лишь, а не и телесно?

Далее Господь, стяжав для нас блага во спасение, благодатные, духовные, – в духовном ли виде оставил их нам, и нам духовным ли только образом пользоваться ими повелевает?! Нет; и блага Свои благодатно-духовные благоволил Он заключит в вещественные сосуды, божественные

таинства, и пользоваться ими повелел нам видимо, телесно. Дух Святой непосредственно сошел только на апостолов, – и однако ж видимо, в виде огненных языков, за тем всем верующим благоволил Он преподаваемым быть чрез видимые, вещественные посредства, Им же самим чрез апостолов учрежденные. Благодать возрождения подается чрез погружение тела в воду, благодать общения с Господом – чрез вкушение тела Его и крови, и проч. И все сокровища спасения, благодатные и духовнейшие, быв заключены в вещественные сосуды, приемлются чрез тело. Тело соприкасается вещественному, сокрывающему в себе духовно-благодатное, и передает сие благодатно-духовное духу нашему, в котором приятелище и вместилище для того устрояется чрез духовные настроения.

Что далее предлежит нам по приятии благодати? Действовать, – и действовать видимо-телесно: поститься, молиться, милостыню творить. Так заповедал Господь, и во исполнение сего повелел апостолам завести соответственные порядки между верующими, которые и ведутся донине в Церкви.

Таким образом, ни благами спасения не можем мы пользоваться как-либо лишь мысленно, ни содевать свое спасение – лишь духовно. То и другое посредствуется видимыми учреждениями, а с нашей стороны – телом и телесным действованием. Так благоволил устроить Сам устроитель нашего спасения. Если помимо Его негде найти спасения, то те, которые мечтают достать себе спасение некакo лишь мысленно-духовно, промечтают, а спасения не получают. Вообрази большую, широкою и глубокую реку. Чрез нее настроены мосты и устроены разные другие переправы: лодки, пароходы. Из тех, кому нужно переправиться на другую сторону, кто идет чрез мост, кто садится на лодку или пароход, и переправляются. Но вот явились мудрецы, которые возмечтав, что им для переправы не нужны ни мосты, ни лодки, а что дух некий схватит их и перенесет, сели на берегу в сказанной уверенности, и сидят не двигаясь, лишь с усмешкой посматривая на других, переправляющихся, как заведено, и обзывая их суетными. Попадут они когда-либо на другой берег? Конечно, нет; так и просидят весь свой век. Точь-в-точь в таком находятся положении те, которые чуждаются св. Церкви и всех ее спасительных учреждений, самим Господом установленных во спасение наше. Не видать им того берега и не ступить на землю спасенных.

Слышал ты про философию? Это такая наука, которая берет на себя все сущее подвести под один обзор и объяснить так, чтоб оно в целом своем составе видно было как на ладони. Хоть до этого ей никогда дойти не доведется; но в труде сем можно различать более правый и прямой путь от неправых. Прямой путь – изучать разные виды бытия существ, как оно проявляется на деле, со всех сторон, ведать которые имеем мы естественное стремление, обобщать, делать наведения, и восходя все к более и более объемлющим воззрениям, стараться достигнуть до всеобъемлющего воззрения, объясняющего все сущее. Те, которые идут сим путем, доходят до положений очень ценных и важных как в области научной, так и для жизни.

И все, что было и есть хорошего в философии, сим путем достигнуто. Но есть болезнь философских умов, в которой философы, не соображаясь с фактами и частностями, как они есть на деле, хотят все построить из одного своего ума. – И строят. Что же выходит? Выходят философии такие, которые действительности не отвечают и объяснить ее не объясняют, а напротив, затемняют. Эта болезнь философов есть идеальничанье. Так вот, – что есть идеальничанье в философии, то в жизни есть, – назовем применительно к сему, духовничанье, – мечтательная надежда без особых трудов телесных достигнуть совершенства духовного какими-то одними мысленными путями. И там и здесь ничего прочного и действительно хорошего не выходит. Порождение их мыльные пузыри. Духовничающие с небрежением о внешне и видимо совершаемых трудах и делах, как установлено и ведется во св. Церкви, суть такие же мыльнопузырники, как и идеалисты.

Здравые духом, восприяв семя духовной жизни, начинают обычно воспитывать ее и развивать посредством видимого, телесного действия. Вот смотри, как это бывает! Некто сказывал о себе, что, возжелав содевать свое спасение, я положил, говорит, сему делу прочное основание покаянием, исповедью и причащением. Затем начал трудиться в сем роде, как обычно все трудятся. Сознывая, что при другом многом надобно для сего и милостыню творить, я понуждал себя на это, но все отлагал и к делу не приступал. Наконец стал скорбеть, что не совладаю с собою. Обратился я со своей скорбью к одному благочестивому человеку, и он сказал мне: «Это от того у тебя, что ты собираешься милостыню творить вдруг сотнями рублей. А ты положи сначала раздавать на милостыню по пятаку или гривне, всякий раз как бываешь в Церкви». Я стал так делать, говоря себе: «Много ли это?» – и раздавал положенное охотно. Когда прошло несколько времени, мне пришло желание раздавать по стольку же всякий день; и я стал раздавать. Потом подумалось, что воскресенье и праздники надо отличить, и я стал раздавать в эти дни побольше... Затем эта прибавка перешла и на другие дни, воскресенье же и праздники отличились новой прибавкой, так все росло и росло. Всякое упирание ногами при подании милостыни прошло и возродилось желание подавать и подавать, – и уже не бегаешь, бывало, случая к тому, а ищешь его. Теперь же, заключил он, я все готов бы раздать, если б не семья». Видишь как?! Милостивость есть чисто духовное расположение, а как оно образовалось? Делами, которые видимо телом были совершаемы. Так и всякое другое духовное расположение утверждается в сердце: терпение – частым перенесением обид и нужд, безгневие – частым подавлением гнева и восстановлением кротости, – и проч. И заметь, что только сим путем стяжанные духовные расположения бывают непоколебимо прочны.

Так же и подвижничество образуется и утверждается. Помнишь историю о св. Досифее? Св. Дорофей, которому он был поручен, желая научить его воздержанию в пище и постничеству, сначала дал ему насытиться пищей вдоволь; потом начал чрез небольшие промежутки понемногу урезать количество пищи, принятой в первый раз, и довел до того, что св. Досифей

стал наконец довольствоваться самой малой малостью в пище. Так и сон доводят до малости желающие, и навикают бдению, а от отдыха совсем отвыкают и весь день непрерывно пребывают в труде и напряжении сил, переходя от одного дела к другому. Мало-помалу сим путем доходят до навыка в беспоблажливости в отношении к телу и вообще ко всяким своим пожеланиям. Беспоблажливость же себе есть основа подвижничества, когда она долгими опытами укоренится и станет потребностью духа.

Возьми, наконец, молитву. Как и она растет, крепнет и восходит на высшие степени совершенства? Не иначе как частыми и долгими трудами в совершении молитвословий. Начинают ходить в Церковь, как кто может, – кто ко всем, кто к некоторым службам, – дома стоят немало на молитве, неопустительно каждый день, то читая молитвы, то своими словами молясь, со многими поклонами, и кроме того днем почасту полагают в сердце своем восхождения к Богу, – и таким образом все более и более возгревают в себе молитвенный дух, который наконец так глубоко внедряется в сердце, что молитва от него не отходит. Неотходная молитва есть верх духовного совершенства в нашем к Богу отношении.

Таким образом видишь, что по всем частям требуемого от нас в содевании спасения труда совершенство полное и прочное достигается не иначе, как трудами и делами, видимо телом совершаемыми, – иначе сказать, духовность вырабатывается телесным путем. Слыхал ты в церковных песнях слова: *деяние* и *разум*? Если слыхал, то, конечно, и то там слышал, что деяние есть к разуму восход. Что, думаешь, значат сии выражения? То самое, что я пред сим толковал тебе, что до духовности должно доходить трудами, видимо телом совершаемыми. Деянием означает видимая, деятельная сторона содевания спасения, а разумом – невидимая, духовная, созерцательная. И у св. Отцев пишется, что надобно то и другое соединять, деянием начинать и переходить к созерцанию и духовности. Поелику это так есть и иначе быть не может, то увидь из сего, как во святой Церкви Божией все целесообразно и направлено к твоему спасению. Как только возродится в тебе желание спасения и облагодатится чрез таинства, что есть семя жизни духовной, – Церковь тотчас облагает тебя своими учреждениями видимыми, сокрывающими, однако ж, в себе духовные элементы, – и ты, состоя под влиянием их и действуя по ним, сам не замечая того, растешь и крепнешь духом, между тем как хождение твое все будто только телесно. То она в храм тебя влечет на молитву, то пост предлагает, то место и образ благотворения указывает, то снова приглашает к таинствам. Все это видимо, а между тем все это питает дух и растит духовную жизнь. Твой дух извлекает из всякого вида церковной жизни содержащийся в нем духовный элемент и чем питается и растет. Как наше тело растет и живет, извлекая жизненные соки из разных видов принимаемой пищи, так и дух наш питается и живет, проходя многие чины церковной жизни и извлекая из них сокрытые в них духовные стихии.

Но пора уже нам с тобой подвести итоги всему сказанному. – Так, в деле нашего спасения, и что от Бога, и что от нас, все должно быть видимо,

приемлемо и совершаемо. Церковь Божия, мать наша, невеста Христова, и признала необходимым ввести все сие в порядки своей жизни религиозной, обязывая и нас, чад своих, ходить в них, чтоб мы, живя по ним, всегда и освящаемы были свыше, и преуспевали в себе. И ведай, видя повсюдные опыты, что все, которые подчиняются сим порядкам и от души проходят их, спешно идут в духовном преспеянии, прочно утверждаются в духовной жизни и становятся истинно духовными. Здесь конец видимого – невидимое, телесного – духовное, земного – небесное.

Слыша однако ж от меня такие речи, что в деле нашего спасения, и что от благодати, все отелесено, и что от нас, должно быть деемо телесно, не подумай, что я в этом, видимом и телесном, полагаю существо дела: о том, что должно происходить и совершаться в духе, я писал в прежних письмах. А эту речь направляю против тех, которые слишком идеальничают или духовничают в деле веры и спасения. Дошедши до мысли, что христианство духовно, они все уже видимое в Церкви пренебрегают и отвергают. Я и толкую тебе, что так умствовать не подобает; ибо это противно существу дела. Эти умники прямо хватаются за духовное и невидимое, минуя видимое и телесное. А это то же есть, что желать достигнуть цели, оставляя в стороне необходимые к ней средства. И ты знай наверное, что такие никакой духовности не имеют, а только умствуют о ней. Если они чуждаются таинств, то в них и семени нет духовной жизни. Если же они приняли сие семя в св. Церкви чрез таинства, а от прочего церковного, – молитв церковных, постов, отвращаются, то семя сие наверно заглохло и иссохло, не имея вокруг себя соответственных учреждений, из которых дух мог бы извлекать потребные для питания его элементы и тем питать и развивать его.

Таким образом, покорные сыны Церкви, начиная телесно, достигают духовности, а эти, начиная мнимой духовностью, – мечтами о ней, остаются совсем недуховными. Сколько совершенных в духовности мужей представляют памятники св. Церкви?! И все они востекли на эту высоту, живя строго по церковным порядкам. Они восходили на высоту по лестнице совершенств, переступая с терпением со ступени на ступень. И востекли наверх успешно. А эти сразу хотят занести ноги наверх с самой земли. Ничего у них и не выходит. Будто тянутся наверх, между тем стоят все на одном месте, на земле.

Совсем уже хотел я кончить письмо это, как пришло мне на мысль сказать тебе еще нечто. Отступники ваши от Церкви и от всего церковного, взрослые уже, многое получив от св. Церкви, могут еще мечтать, что имеют нечто духовное, хоть все это теперь, надо полагать, заглохло. – Но спроси их, в детях их, в новом поколении, которое обыкновенно растет среди старого и воспитывается в атмосфере его, в детях их как будет пробуждаться, расти и развиваться духовная жизнь? В св. православной Церкви дети чрез таинства св. крещения и миропомазания приемлют семя истинно духовной, благодатной жизни, которое потом развивается и воспитывается в них присутствием в Церкви при священнодействиях, под сокровенным от сего

влиянием, наипаче же причащением св. Христовых Таин, под благодатным действием их. И видим, что дети, старательно проводимые сим путем, когда приходят в разумное сознание, находят в себе довольно сильные духовные стремления, которые и влекут их туда, где могут быть удовлетворяемы. Они любят бывать в храмах, участвовать во всех церковных последованиях и часто приступать к Св. Тайнам. И это для них составляет отраду, отвлекающую их от многих удовольствий и утех пустых и вредных. У детей же отступников ваших чем пробудиться и воспитаться духовной жизни? – Нечем. Она так и останется заглушенной. Из нового от отступников поколения выйдут одни душевно-телесные люди без духа. Так в наказание суемудрым отступникам от Церкви духовничанье их поведет род их к повальному оплотнению всех. И преемники их будут мнить о себе, что духовничают, но это будет имя, а не дело, как и теперь.

Итак, хочешь преуспеть в духовной жизни, иди к сему так, как сие делается во св. Церкви: засеменяй эту жизнь видимо совершаемыми таинствами, развивай потом ее, строго держась видимых учреждений и порядков церковных. Если будешь так делать, скоро разовьешь в себе духовную сторону, – и она явится в тебе добре воспитанной и прочно стоящей на незыблемых основаниях. А тех, кои помимо Церкви чают преуспеть в духовном, оставь. Ничего из них не выйдет, кроме мечтателей, мнящихся иметь нечто, ничего не имея.

Полагаю, что ты уже слышал или услышишь от кого-либо из них: «Мы не прочь бы от внешних чинов, но зачем их у вас так много? Вы облепили себя ими так, что кроме них у вас ничего невидно, – и к тому же все обратили в закон, чему никак не подобает быть». Это их обычная поговорка. Но об этом до следующего раза.

Седьмое письмо в С.-Петербург по поводу ереси тамошней

Берусь окончить, что осталось неоконченным в прошлом письме.

«Так много слишком у нас обрядов», – говорят ваши отступники, – мы себя облепили ими так, что за ними не видно никакой в нас духовности». А иные, может быть, прибавляют: «И все это без всякой нужды и пользы».

Много? Пусть много. Что ж? Досадовать ли и горевать от этого? В каком доме всего много, охают там от этого? Церковь есть дом Божий. Если в ней много всего, по экономии, какая в ней ведется, т.е. по устройению спасения чад ее, – и слава Богу! Когда видишь дом всем полный, дух радуется; а когда в каком доме двор пуст и всюду хоть шаром покати, – какое безотрадное оставляет это чувство! И таковы ваши апостаты. Всем своим скопом они представляют дом запустелый, из которого все повыброшено. Такими верно хотят они сделать и всех вас.

Много у нас церковности от того, что нас много, и потребностей у нас много. Попечительная мать наша – Церковь, Главой своим руководимая, и заготовила все благопотребное, хранит то и иждивает щедро на нас, чад

своих, в подобающее время и в должной мере. Перечислять ли все? Но вот общее!

Нужны тебе наставления, – иди в Церковь, слушай и смотри. И чрез ухо, и чрез око польются в тебя всякого рода уроки. Слушай Апостол, Евангелие, Пророков, – и поучайся; внимай песнопениям, – и вразумляйся; смотри на священнодействия, – и возносись горе, вникая в значение их и смысл; видишь изображения, поминай славные дела изображенных и порывайся подражать им, если то лица, или прославляй Бога, дивного в милости и правде, если то события. В Церкви и неграмотные становятся не меньше грамотных, ведцами Божиих таин спасения, если внимают.

Чувством долга понуждаешься жертву приносить Богу, Творцу своему, Промыслителю и Спасителю, – иди в Церковь. Здесь каждодневно приносится бескровная жертва Богу, – Тело и Кровь, Господа, единая достойная Бога жертва, сильная умиловать Его. Но приобщайся к сему жертвоприношению и сам сердцем сокрушенным и смиренным, и принеси на алтарь Господень слезу, чтоб она вместе с бескровной жертвой восходила пред лице Бога и, напоминая Ему о тебе, низводила на тебя Его благоволение и благословение.

Желаешь ли навывкнуться молитве и получить руководство в ней? О! этим паче всего богата святая Церковь. Она и готовые молитвы даст тебе, и научит самого своими словами возноситься к Богу в молитве. В ней все молитва, – и всякий найдет там молитвы всякого рода и на всякий случай. Потребность молитвы во время обращения, как искра, западает в сердце действием благодати, таинственно возвращаемой и восстанавливаемой. В пламень же сия искра разгорается веянием воздуха церковного во время участия в молитвенных последованиях церковных. Внимай молитвам, читаемым и поемым в Церкви, – напрягайся и сам составлять свои молитвы, когда приглашаем бываешь к тому (ектениями); и молитва твоя скоро придет в движение, напряжется, окрепнет и начнет бить из сердца, как струя из неистощимого родника.

Имеешь ли нужду смирить плоть, – врага самого близкого, безотвязного и льстивого? Вот тебе в пособие и руководство – пост за постом. Се – среда; не успеешь повернуться, как подошла и пятница; пройдет несколько недель, настает большой пост, затем опять чередование дневных постов; а там опять другой большой пост. Так круглый год. Умей этим пользоваться, и будешь иметь плоть смиренной, и в ней, таковой, вместо вреда, самого благопотребного помощника.

Если пал и имеешь нужду очистить совесть свою, – эти же посты дают тебе и сильное к тому побуждение и благоприятное время. Поговей, исповедуйся, причастись св. Христовых Таин, и, став таким образом твердой ногой опять на должный путь, теки им бодренно.

Имеешь ли какую частную потребность? На всякую, какая бы она ни была, найдешь в Церкви благопотребное удовлетворение. Помыслы ли смущают, духи ли стужают, скорбь ли тяготит, в путь ли собираешься, или

дома что начинаешь, – на все это и другое многое найдешь в Церкви и молитву ходатайственную, и священнодействие освятительное, и руководство указательное.

Об источниках благодати, св. Таинствах, не говорю, не говорю и о постоянном руководстве в духовной жизни и образцах для нее. Сам знаешь, что этим богата св. Церковь, – и только Церковь православная.

Видишь ли теперь, что нельзя не быть у нас многому? Много у нас потребностей, которые не пресекаются, а требуют своего всю жизнь, начиная с минуты рождения до смерти. Св. Церковь так и обнимает своей церковностью всего человека и во всю жизнь, она принимает его в свои объятия тотчас по рождении, сопутствует ему по всему течению жизни и препровождает его на тот свет. И как это благотворно! Мир окружает нас с своими прелестями и духи злобы с своими кознями. Св. Церковь, всесторонне окружая нас своей церковностью и совсем закрывая ею, и дух мира отвевает от нас, и стрелы духов злобы отражает. И выходит, что ходящий по всем уставам церковности есть как в непроницаемую броню облеченный, или как под мощные крылья укывшийся, или как в несокрушимую крепость запрятанный. Что это не пустые слова, знают те, которые проводят дни свои в смиренной покорности всему церковному, освящаемой и оживляемой искренней верою. – Спроси кто хочет их, и удостоверишься, сколь великое сие есть благодеяние. А отчуждившиеся от всего церковного что суть? Что раздетый на морозе, что безоружный среди врагов, что бескровный, голый и голодный, не имеющий где главу подклонить. Прославь же Господа, столь богатую, мощную и попечительную Церковь нам устроившего, и будь всегда вседушно и с верой покорен ей, при ее материнских за тобой ухаживаниях, как за детищем.

Так слава Богу, что в Церкви всего много. И тяготиться этим нечего; да и не приходится тяготиться. Ибо судя по тому, как каждому надо бывает участвовать в церковных чинах, можно сказать, что на каждого приходится очень немного. Помолиться по уставу Церкви, утром и вечером, пред столом и после стола, пред началом дела и по окончании его, – вот и все в иной день. В иной день, кроме того, надо бывает сходить еще в храм, чтоб или только помолиться обще со всеми, или и частную какую свою справить потребу. Много ли это? В семье в иной год и никакой не бывает потребности, ради коей следовало бы приглашать Церковь, в иной одна какая. Так на всякого вовсе немного падает церковности. Церковь же многое содержит и блюдет на всякий случай, всегда готова бывая с своей помощью. То правда, что несмотря на то церковность не на глазах только бывает непрестанно у всякого, но и занимает всякого, заставляя его действовать по своему. Но как это вошло уже в порядки жизни, то для привыкших не составляет уже ничего особенного и исполняется легко, как легко дышится. Отягощение чем-либо церковным обличает тяготящегося в отчуждении от Церкви. Заметим при сем, что хоть и малым чем иной касается церковности; но влиянием и силой Церкви, – освятительной и защитительной, пользуется полною. Только

неверие и решительное отчуждение от всякой церковности делает бедного отступника голым и беззащитным.

Так видишь, как есть дело. А отступники все свое: «Много лишнего, – говорят, – случайного, произвольного; надо иное изменить, иное отменить, иное заменить новым».

Скажем на это обще: в Церкви Божией ничто не заведено без нужды. Что ни учреждено ею, учреждено в удовлетворение потребностей духовных, потребностей не придуманных, а живых, жизнью вызванных. К тому же учреждаемое учреждалось по благоизволению Господа, Главы Церкви, в духе Его, и сообразно с обетованиями. Без Господа ничто не вошло в Церковь, ни большое, ни малое; ибо она воистину есть живое тело Его, Им живущее. Поелику же так есть дело, то кто смеет говорить, как говорят отступники? Одни отступники. Они потому и говорят так, что отступники суть; и поелику так говорят, явно, что отступники суть, Сын церкви истинный никогда не скажет так.

В некотором отношении можно различать только степени нужности и важности содержимого Церковью: необходимое, полезное, утешительное; так как и потребности таких же родов бывают. В обычных наших житейских домах иное таково, что без него дом не дом, существенно необходимо, иное имеется и держится, как полезное, иное служит только к украшению дома или к удовольствию живущих; иное заведено и бережется на случай. И Церковь есть дом, – Божий дом, и все подобное, в своем лишь роде, должно быть и в ней. И есть. Есть в ней существенно необходимо, без чего Церковь – не Церковь (священство, таинства, службы, посты, благотворительные учреждения), есть такое, что принято и держится, как спасительное и душеполезное (иконы), есть такое, что утешает и услаждает чад ее (пение). Какой хозяин станет выбрасывать вещи из дома потому только, что без них дом – все же дом? Ибо для живущих в доме и приятное нужно, и без того, что служит только к украшению его, скучно жить; а полезное в то время, как потребуется от него польза, становится необходимым. Так и сущего в Церкви не следует касаться дерзкой рукой самочиния, а принимать все в том качестве, как оно заведено и держится. В ней все назидательно и питает дух верующих, имеющих очи и умеющих видеть.

Оставить, говорят, самое нужное, а другое все прочь. Но если мы станем так поступать, то что останется? Что останется в доме из всего, что видим в домах наших, если поступать с ними по такому правилу? Четыре стены, кровля, очаг, кое-какие сосуды, – и все тут. Что останется также из одежды, если подвергнуть ее переустройству по сказанному? Ничего. Клок материи, а может быть и он не удержится, потому что вместо всякой материи может служить лист травный, или кожа животного. Можно ли ожидать, чтоб кто-либо задумал так сделать? И если б кто сделал, не сочли ль бы его все помешанным? Так и в отношении к церковному благолепию следует относиться. Вы же как? Отступники ваши оголили вас от всего церковного, а вы и рады. – Льгота, выходит, эмансипация. Какая у вас там бестолковщина?!

Но какого бы качества ни было содержимое Церковью, все то от Господа есть, как я уже поминал, или прямо Господом учреждено, или Им благоизволено. Если в теле нашем ничего не дается без зависимости от головы (мозга, нервов), то тем паче надо верить, что так есть в Церкви Божией, т.е. что в ней, яко Телу Господа, ничего не бывает без Господа, Который есть глава ее. Истинная вера всегда осязает десницу Господа во всякой церковности и принимает ее, как от Него исходящую, с смиренной и теплой покорностью, не позволяя себе дерзких замыслов об отменениях, или изменениях.

«Так, стало быть, у вас опять подзаконность? – вопят отступники. – Где же свобода христианская?» Она тут же, при этом и в этом, что называется обязательной церковностью. Свобода от подзаконности иудейской, дарованная нам о Христе Иисусе, не есть поставление нас вне всякой законности, а есть вывод из подзаконности иудейской, чтоб поставить под законность христианскую, не во внутренней только духовной жизни, но и во внешних порядках религиозной жизни. Поелику собрание верующих составляет общество определенного духа и цели, то оно, как общество, должно быть благоустроено или скреплено и ограждено законами, и как общество определенного духа и цели, должно подлежать таким именно, а не иным законам, и законам неизменным, как неизменен должен быть его дух и наш. Вот и подзаконность неотложная! Но как общество сие есть видимое, местным и временным условиям подлежащее, то подзаконность его, пребывая неизменной в существе, в приложении или образе исполнения может не быть одинаковой во всех местах и неизменной во все времена. Вот и свобода при подзаконности! В Церкви Божией мы и видим во все времена и эту подзаконность неизменную и эту свободу в исполнении законности, не заключенном в повсюдное и во всевременное однообразие.

В Ветхом завете не только существенное вменялось в закон, но и разнообразное того приложение до подробностей тоже было определено, как закон неотложный и неизменный. Так было необходимо; потому что Завет тот представлял руководство от внешнего к внутреннему, единому, – которому образоваться помешали бы внешние частности, если б они оставлены были на свободу, ибо тогда он, не имея внутренней основы, которая еще должна была только образоваться, оразнообразились бы до противоположности и повели к разному внутреннему. Христианство, напротив, идет от внутреннего к внешнему. В нем дан дух жизни о Христе Иисусе, и в сем духе существенная законность для общества христианского; применение же сей законности к частностям оставлено на свободу; ибо то, для чего сии частности были определены в Ветхом Завете, – образование единого внутреннего, уже имелось.

Так и было в Церкви. Она с самого сошествия Святаго Духа и начала облекаться в свое внешнее, отрешаясь мало-помалу от внешнего ветхозаветного, как видим в Деяниях и Посланиях апостольских, по всем сторонам неизбежного для христиан религиозного действия. – И

облеклась.

Но как первоначально сие облачение себя внешнею было отдано в руки самой Церкви, так и после, по устроении сего облачения, оно состоит в тех же руках Церкви. Облекшись, Церковь не связала себя тем; власть ее над своей внешнею тем не пресеклась; она осталась властной в отношении к ней на все времена. Почему как первоначально вводить все имела она свободу; так и потом все, – во всех частях, – поновлять, пополнять, изменять, она может и долг имеет, по требованию обстоятельств, времени и места, по руководству живущего в ней Духа. Свободу эту св. Церковь всегда проявляла, и проявляет, и будет проявлять до скончания века.

Чтоб ты не путался в мыслях, что такое не изменяется и что может быть изменяемо, приложу примеры: чтоб быть в Церкви священству, таинствам, церковным собраниям для молитв, чтения Писаний и жертвы бескровной, быть посту, благотворительным учреждениям, – это неотложный закон. Господь, Духом Святым чрез апостолов всюду это и учреждал, как только где образовывалась Церковь. Но образ ведения сих дел и частные в отношении их порядки предоставлены были на свободу каждой Церкви. И тут не все оставалось без руководства апостолов, особенно когда верующие по неумению право удовлетворять ревность духа своего, допускали что-либо нестройное. Но свобода в сем отношении всегда оставалась за каждой Церковью. Пример очевидный представляет Церковь Коринфская. Законом только неотложным поставлялось, чтоб все вводимое было благообразно и по чину, – и чтоб оно вполне соответствовало духу веры и жизни о Христе Иисусе.

Но сия предоставленная св. Церкви свобода не есть достояние каждого сына или дщери Церкви. Наш долг повиноваться Церкви, как мы и исповедуем в символе веры словами: *Верую во едину святую, соборную и апостольскую Церковь*. Все, что есть и установлено в Церкви, есть закон для каждого из нас, пока оно есть и держится в Церкви. – Но и мы не закованы в сие, как в оковы. Когда мы обще со всеми действуем, обязаны действовать по общему уставу; а когда делаем что дома, одни, то тут и нам оставлена свобода. Молитвы и песни в Церкви читаются и поются для всех, и мы обязаны тогда объединиться в духе со всеми. Но в домашней молитве ты совершенно свободен. Для этого составлены молитвенники; но образ употребления их тебе предоставлен. Установлены посты, указаны и способы подвижничества – бдение, уединение, труд. А образ исполнения сего оставлен на свободу, приложен только совет: с советом все твори. В образе благотворения еще более простора и свободы. Таким образом, в нашей церковной жизни дивным образом сочетана свобода с законностью, то и другое быв направлено к преспеянию во внутренней жизни.

Слыша: «Уставы Церкви – закон», – не подумай, что закон сей обязателен потому, что определен общим голосом Церкви, – т.е. в том же смысле, как в житейском быту обязателен для каждого приговор общества; ибо общество властвует над частными лицами. В Церкви Божией не так.

Святая Церковь – не обыкновенное человеческое общество, а есть тело, состоящее под главой – Христом Господом, Духом Святым руководимое и животворимое, и благоволением Бога Отца объемлемое. Потому все в ней, – и ей на свободу предоставленное, не есть одного человеческого происхождения, и обязательно не потому, что все решили быть так, а потому, что так благоизволил триипостасный Бог. Покорность Церкви есть покорность Богу, в той силе, прибавлю опять, в какой что установлено, т.е. иное как необходимое, другое как полезное, то как утешительное, это как благоукрасительное. Почему веруем, что исполняя все от души, мы Богу служим и Ему благоугождаем, хотя действие наше бывает лишь видимое, телесное, Бог же – Дух есть: ибо действуем с духовным настроением.

Предыдущее указание дает мне повод к следующему наведению, не бесполезному в отношении к предмету наших с тобой рассуждений. Поелику в Церкви Божией все есть по Божию изволению и поелику, исполняя то, мы службу Богу приносим; то все, малое и великое должно быть исполняемо с полным благоговением, Богу приличествующим. Благоговение наше должно быть соразмеряемо не с величиною или малостью делаемого, а с лицом Бога, к Коему относится. Кадит ли кто, или читает и поет, или другое что делает, коль скоро небрежно то исполняет, подлежит суду творящих дело Божие с небрежением. Равно и из присущих в Церкви, стоит ли кто, или поклоны кладет, или свечу ставит, если делает это небрежно, столько же погрешает, и тому же подлежит суду. Все сии и подобные действия не сами по себе важны, и не неотложно необходимы такие именно: на месте их могут быть всякие другие. Но коль скоро они приняты и уставлены, и коль скоро действителем к Богу относятся, то небрежничавший в них Бога презирает и оскорбляет. То же самое должно оказать и о действиях вне Церкви (дома). Коль скоро они к Богу относятся и Ему посвящаются, то должны быть совершаемы с полным благоговением, не соразмерно с своей важностью или малостью, а как подобает действовать пред всемогущим Богом, в честь и славу Его.

Не сочти ты это замечание излишним, будто оно не к делу. Нет, я нарочно его выставляю, потому что оно дает очень важные для нашего предмета наведения. Впереди, в начале письма, было замечено, что Церковь своими уставами обнимает всю жизнь человека, с рождения до смерти, и притом во всех ее проявлениях и порядках. Следовательно, нет движения и действия, где бы внимательный христианин не встретился с чем-либо церковным. Следовательно, далее, – нет движения и действия, которое не поставляло бы его пред лице Бога, и чрез то не обязывало к действию благоговейнейшему, как подобает действовать пред лицом Бога. Отсюда выходит, что действующий по церковному как следует, непрерывно проходит науку благоговеинства пред Богом с посвящением Ему всего, а отсюда навык – с каждым делом видимым соединять все внимание ума, все сочувствие сердца и всю ревность воли, и все сие в религиозном духе. Ходи ты теперь в сем настроении под влиянием церковных порядков, – что получишь? Получишь то, что дух благоговеинства проникнет всего тебя и вселится в

тебя. А отсюда что выйдет? Выйдет то, что ты никакой многости в церковном замечать не станешь; ибо дух благоговеинства, пребывая в тебе неотходно, все объединять будет, и у тебя во внимании будет не многое, а одно. Выйдет также, что ты ни в каком последовании церковном не будешь замечать длительности, потому что никакое последование церковное не может быть столько длительно, чтоб сравниться в сем отношении с духом благоговеинства, или превысить его, когда он неотходен и непрерывно действен. Выйдет еще и то, что ты не будешь замечать связанным себя церковной законностью, ибо тогда у тебя все будет идти изнутри, из сердца, – и ты будешь сам себе закон, или станешь таким лицом, которому закон не лежит. – Припомни теперь укор нам: «Вы облепили себя церковной внешностью (разумеется – законностью)», и смотри, есть ли какая от этого беда. Внешнее тут только внешняя оболочка неизбежная, а что составляет существо действия, то все внутренне, духовно, все идет пред лицом Бога в глубине сердца. Ходящий в сем внешнем ходит внутренне, оживляет и укрепляет дух и живет духом.

После этого, сам видишь, что если иногда в совершающем церковные последования и в участвующих в них церковность обращается в одну форму, то вина тому не в церковных порядках, а в нас. Это наша оплошность, а не неизбежная принадлежность церковности. Таковы мы, что самые назидательные и возбудительные порядки своим невниманием обращаем в бездейственные формы. То, что вчера так благотворно действовало на нас, ныне уже действует слабее, через день будет еще слабее действовать, – и так далее, пока действие сие не дойдет до нуля. И останется тогда одна форма. Так бывает и с церковностью, – так и она обращается в форму, не будучи сама в себе одной формою. Это однако ж подает повод отступникам и некоторым сочувствующим им умникам кричать: «Формализм! формализм!»

Бестолковый крик! Церковность сама в себе не есть одна форма, и в исполнителях ее, не во всех она обращается в форму. Что же кричать-то? Ведь нельзя же потому одному, что иные внешнюю церковность по своей оплошности обращают в безжизненную форму, отменить ее? Ибо без нее нам быть нельзя. Не следует и изменять ее или заменять новой, ибо какие порядки ни введи вместо их, мы и их обратим в одну форму. А что следует? Следует поставить нам самим себе законом так пользоваться церковностью, чтобы она не обращалась у нас в форму, ибо сама по себе она не есть одна форма, – и в исполнителях не во всех бывает такою. Вместо затевания об изменениях и отменах, пусть всякий позаботится стать в ряд разумных исполнителей, и делу конец. И для этого не многое требуется. Что искренняя ревность о богоугождении требуется, об этом и говорить нечего, ибо она корень всей благочестной жизни. К ней надобно придать только нехитрый и несложный прием: всякий раз приступать к церковному действию как в первый раз, совсем забывая, – или цены никакой тому не давая, – что совершали то когда-либо, или совершали несколько раз, – т.е. приступать с тем же вниманием и благоговеинством, каким обыкновенно полна бывает

душа, в первый раз приступая к священному делу. Такое правило дают св. Отцы. И оно оправдывается повседневными опытами. Спроси у благоговейников, – и они подтвердят тебе это. Опроси у тех, кои ниспадали в формализм и опять поднялись из него и востекли к живому духу благоговейности, – и они то же скажут.

Не изволь же думать, будто, когда внешнее в Церкви учреждено и дано в закон, то этим мы закованы в пустую формальность.

Сделаю и еще одно замечание. Выше я говорил, что ветхозаветное есть руководство от внешнего к внутреннему. А вот вышло, что и новозаветное таково же. Взрослые церковностью, содержимой как закон, поддерживают и питают в себе духовную жизнь, а молодое поколение и совсем ее в себе сим путем воспитывает. Из этого выходит, что своего рода подзаконность имеет место и в новозаветной Церкви. – И не дивись сему. Неизбежно так по нашему устройству. В естественном порядке, как говорят, животное высшее, в то время как зародыш его развивается до совершенного образования его, проходит все степени предшествовавших ему живых существ. То же и в духовной жизни. Хотя род наш теперь в христианском возрасте, но из нас всякий проходит и те состояния, в каком бывал человек в предшествовавших возрастах, т.е. и мы бываем то такими, каковы были жившие до закона (детство, отрочество), то такими, каковы были подзаконные (отроки, юноши), то наконец такими, какими бывают сущие о Христе Иисусе, не по закону уже ходящие, но по духу. Потому, что мы бываем под законом церковным не укор, а похвала, – что мы идем должным порядком развития духовного и имеем все к тому потребное. Укор будет, если кто остановится на одной законности церковной. Но и ему довольно сказать: «Подтянись немножко и воодушевься. – Спросить только можно, чего ради и после того, как развивается уже духовная жизнь, не бросают законности церковной? – Ответим главное: того ради, что духовная жизнь всегда требует оживления; церковная же наша законность вся преисполнена духовными стихиями; потому ходящий в ней всегда вдыхает в себя духовное, оживляющее. Как дыхание телесное освежает и оживляет весь организм, так и хождение в церковных порядках освежает и оживляет весь состав духовной жизни. Как кровоточивая, коснувшись края ризы Господа, привлекла целительную себе от Него силу, так всякий, делающий что-либо церковное, или участвующий в том, приемлет приток духовных стихий в оживление своего духа. Внешний чин Церкви есть риза Господа, самая же Церковь – тело Его.

Спросить еще иной может: «Если Церковь властна переменять свое внешнее, то чего ради не переменяет?» Того ради, что ей дано переменять не потому только, что она властна это делать, или не для того только, чтоб дать упражнению сей власти своей, но в таком случае, если какое-либо действие, уставом ее определяемое, перестало быть потребным, перестало назидать и питать дух. И это не по капризу неких лиц – модников, но удостоверившись, что действительно так есть и что перемена или отмена всеми желательна в видах пользы духовных, а не каких-либо удобств внешних. Если же в Церкви

все назидательно, требуется и удовлетворяет потребности, а не излишество составляет, то для чего отменять или переменять? Она и не отменяет, и не переменяет.

Из всего сказанного выходит: так, стало быть, не шевелись, и не затевай новизн, а живи как все жили и теперь живут по-церковному, усердно исполняя все уставы Церкви. Так делая, несомненно Богу угодишь и спасешься. А модничать станешь, – Бога прогневишь и душу свою сгубишь.

Последние три письма я направлял все к тому, чтобы убедить тебя, что поговорка ваших апостатов, будто ничего не нужно, есть пусторечие. Видишь, сколько нужно!? Все, что есть в Церкви, нужно, и ни от чего отставать не следует.

Следовало бы мне все это снова перечислить, как обыкновенно делается в заключение, но изволь сделать это сам. – И спасайся!